

К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

Второе издание книги о счастье и о формировании у человека способности быть счастливым востребовано временем и духовно-социальной атмосферой общества, проживающего тяжелейший период своей истории. Современного человека, с его ограниченными сроками жизни, не утешают заверения в счастливом разрешении проблем когда-то в будущем, ибо он живет в настоящем и жаждет счастья для текущей своей сегодняшней персональной жизни.

Юноша, держа в руках маленькую книжечку по феликсологии воспитания (первое издание), сказал громко, обращаясь к окружающим покупателям: «Как хорошо, что люди стали писать про счастье!»

Эта реплика послужила нам толчком к более пристальному наблюдению за людьми в их отношении к счастью. Мы фиксировали постоянно одну и ту же общую для всех людей ситуацию: в жажде счастья люди, как правило, ничего не делают, чтобы создавать счастье. Им, в большинстве своем, свойственно тоскливое ожидание желаемого счастья, упование на везение, случай, на какие-то силы, могущие кардинально изменить судьбу, ниспослав им желаемое. Впрочем, если поставить вопрос прямо: «Счастье – это что такое? Чего тебе надобно для счастья?» – то приходится констатировать еще одну поразительную черту в отношении людей к счастью. Люди не знают того, что обозначают словом «счастье», и имеют весьма смутные представления о том, чего же на самом деле жаждут.

Хотя отметим попутно, что при общем неутолимом желании жить, люди не удосуживаются затруднительным вопросом, что есть жизнь человека; при общем свойственном всем желании самоутвердиться в жизни редко кто прилагает силы, чтобы понять свое «Я»; при общем характерном для всех стремлении достичь успеха мало кто отдает себе отчет, что есть для него успех и какова связь успеха и карьеры.

¹ Лат. -- «стремиться к счастью».

Вечные желания и общие проблемы остаются вне осмысления. Больше растрачиваются силы на добывание средств существования, и не хватает духовного ресурса на самые основные проблемы – проблемы жизни.

«Много знаний разных, но одно важнее и достовернее всех – знание того, как жить. И это-то знание пренебрегается и считается и неважным, и недостоверным», – писал Л.Толстой.²

И до сих пор тьма советов и инструкций, наполняющих печатные издания, сводится к обретению и приобретению: «Как стать богатым», «Как стать красивой», «Как стать успешным», «Как достичь карьеры» и даже – «Как завоевать друзей» (приобрести их в качестве товара?), и, разумеется, «Как стать здоровым». За бортом внимания остается самое главное – как жить достойно, чтобы быть счастливым.

Серьезному и глубокому рассмотрению проблемы счастья всегда препятствовали три распространенных предрассудка, стоящих на пути педагогического анализа этой наиважнейшей для воспитания человека проблемы.

Первый предрассудок исполняет функцию обещания и упования: уподобляет счастье игре в рулетку: «повезет – не повезет». Отсюда и выражения: «счастье улыбнется», «подвалило счастье», «выпало счастье», «выиграть счастье», «пошла счастливая полоса», «счастливая рука». Иногда даже утверждают, что счастье слепо и не всегда избирает достойного. Такое мнение навечно закрывает дорогу к счастью, предлагая пассивное ожидание капризных поворотов счастья. В этом случае человек живет «как получится», но не «как хочется».

Второй предрассудок, претендуя на аналитический характер, принимает вульгарно-философическую форму успокоительного смирения: «каждому – свое». Утверждается, будто видов счастья столько, сколько людей на свете, и каждому предназначена своя разновидность счастья, поэтому грешно протестовать и жаловаться на судьбу, которая, якобы, заранее распорядилась, сколько и кому следует выдать счастья. Исповедуя второй предрассудок, человек остается пассивным, считая, что толика счастья, доставшаяся ему, – единственное, на что он смеет претендовать.

² Цит. по книге П.В.Корнеева «Жизненный опыт личности». – М.,1985, С. 92.

Примитивность третьего предрассудка, сводящего счастье к приобретательству и чувственному удовольствию, неистребима уроками многовековой истории: счастье определяется количеством еды, питья, одежды и жилья, а значит, владеющий двумя шляпами счастливее владельца одной шляпы, и, тот, кто съел два обеда, вдвое счастливее того, кто удовлетворился одним обедом. Этот последний предрассудок, определяющий счастье как потребительский беспредел, настолько укоренился, что мы вынуждены будем ниже уделить ему особое место в нашем рассмотрении.

Последствием такого отношения к вопросу о счастье является огромная множественность несчастливых людей.

«Итак, вы несчастны, бодро и деловито начал мистер Паркер Пайн. – Но счастливы лишь немногие. Вы удивитесь, если узнаете, как мало на земле счастливых людей...»³ – утешает психолог-консультант одну из героинь в новеллах Агаты Кристи, воспроизводя известную истину, о которой мы знаем, но не допускаем до своего сознания в целях собственной психологической защиты.

Часто слово «счастье» употребляется в значении «успех», «удача». Такое смещение понятий фиксировалось уже в древнеримский период: латиняне употребляли слово «фортуна» («fortuna») иногда в значении «счастье» («felicitas»). В ситуациях случайной находки, встречи с приятным человеком, при удачном стечении обстоятельств говорят: «Вот счастье выпало!» – разумея под сказанным нечто неожиданно положительное, как бы доставшееся дополнительно, вне программы жизни: фортуна удачу подбросила. Здесь явное смещение лексического значения слова, зато такое неосознанное смещение избавляет человека от жесткого осознания своей лишней счастья жизни.

А между тем,

«человек и его счастье...– высший смысл и действительный пафос всех истинно человеческих усилий, в какой бы области они ни были приложены»⁴

³ Агата Кристи. Соч., т.2. – М., 1990, с.340.

⁴ Мильнер-Иринин Я.А. Этика, или Принципы истинной человечности. – М., 1999, С. 406.

Стремление к счастью как великая движущая сила деятельности человека на земле было выявлено давно и сформулировано в числе общих объективных закономерностей человеческой жизни. Именно стремлением к счастью объясняется многовековой бег цивилизации, безостановочные поиски истины, непрекращающиеся социальные перестройки. Феликсологический (от лат. «felix» – «счастливый», «несущий счастье», «приносящий счастье»)⁵ мотив человеческого творчества и личностного совершенствования – центральный мотив активности человека.

Но этот мотив нуждается в оснащении человека ясным и глубоким пониманием сущности счастья и огромным набором практических умений по воплощению того образа счастья, которое им, человеком, для себя создано. И, в первую очередь, таким пониманием счастья должен обладать педагог. И педагога следует оснастить соответствующим набором умений, ибо он призван подготавливать детей к жизни и, вводя ребенка в контекст современной культуры, вооружать умением быть счастливым в этой жизни и способностью выстраивать собственное счастье, не возлагая ни на кого ответственность за ход своей жизни.

Педагоги должны бы быть знатоками искусства науки о жизни и специалистами в искусстве конструирования счастья.

Вульгарная педагогика исключила из системы профессионального образования философские вопросы жизни. «Нам счастье не нужно», – сказал один желчный преподаватель педвуза, будучи сам несчастливым человеком.

Французский педагог С. Френе, формулируя цель воспитания как «максимальное развитие личности ребенка в разумно организованном обществе», считал счастье обязательным элементом цели воспитания. «Мы имеем в виду счастье, соответствующее предназначению человека в его социальной среде, которую мы пытаемся преобразовать. Это счастье исполнено мудрости и гармонии, в нем воплощается истинно гуманистическая мораль, соответствующая реалиям нашей жизни»⁶.

Забота о счастье ребенка в процессе школьного воспитания является аспектом гуманистической педагогики, показателем куль-

⁵ Исследователи феномена «счастье» в философской литературе обозначают такое направление «фелицитологическим», от слова «feliciteae».

⁶ Френе С. Антология гуманной педагогики. – М., 1997, С.106.

туры общества, составной частью цели гуманистического воспитания, т.к. способствует максимальному развитию личности школьника, реализации его способностей и творческого потенциала, воспитанию субъекта и творца собственной жизни.

Феликсология воспитания – это научно-педагогическое направление теоретической мысли педагога, разрабатывающей содержательную характеристику воспитания, которая обеспечивает способность ребенка быть счастливым в этой жизни на этой земле.

Идея счастья является исходной для педагогического целеполагания, она должна обуславливать содержание образования и воспитания, педагогические методы, формы, условия организации всей детской жизни. Проживание счастья жизни, входящего в контекст современной культуры ребенка, позволяет говорить о действительной гуманизации воспитательного процесса. Признание Человека наивысшей ценностью на земле в качестве основного методологического положения педагогики автоматически выводит педагога на признание счастья как основной категории педагогики, а формирование способности быть счастливым – частью общей воспитательной цели.

Падение культуры общества и господство квази-ценностей сопровождаются нарушением жизненно значимых отношений ребенка, осложнением его взаимоотношений с учителями, родителями, одноклассниками, утратой эмоционального благополучия, чувства защищенности, способности проживать состояние счастья вне зависимости от условий жизни.

Острота проблемы счастья больно воспринимается педагогами школы, так как на фоне общего людского несчастья, материального неблагополучия, нищенства и разорения дети нуждаются в счастье как положительном балансе жизни, самоутверждении в ней. Отсутствие счастья как основания жизни ребенка ведет к понижению жизненного тонуса, пессимистическому отношению к будущему, агрессии, извращенным способам проживания эрзац-счастья. Неумолимо растет подростковая преступность, наблюдается тенденция укрепления ее связей с организованной преступностью, увеличивается число необучающихся и неработающих под-

ростков. Высок уровень социальной патологии в детской среде: наркомания, токсикомания, алкоголизм, проституция, суицид, насилие и жестокость. Отсутствие у ребенка способности проживать счастье нормальной человеческой жизни приводит к поиску его вне культуры человеческого общежития. В поисках острых ощущений и переживаний он выходит за пределы реальной жизни – совершает преступления, т.к. не умеет находить счастливые стороны процесса жизни в ее повседневных проявлениях и многообразии.

На сегодняшний день обращение педагогической мысли к проблеме счастья как педагогической проблеме констатирует следующую феликсологическую картину, то есть картину, отражающую способность человека быть счастливым:

- низкий социально-психологический климат в обществе: пессимизм, пониженный жизненный тонус, отсутствие удовлетворенности жизнью, привычное состояние угрюмости и агрессивная установка у людей, среди которых живет подрастающий ребенок;

- искаженное представление о счастье у педагогов и, следовательно, у детей, сведение счастья к предметному обладанию, житейско-бытийное сужение этой ценности до чувственного удовольствия;

- при закономерном стремлении детей к счастью разрешается неудовлетворенность собственной жизнью за счет острых, искусственно сооружаемых ощущений с помощью допингов, таких, как наркотики, алкоголь, никотин, секс – проживание счастья заменяется проживанием эрзац-счастья;

- потребность детей в проживании счастья и игнорирование этой потребности педагогами, пассивно принявшими неотвратимость общего социального упадка и духовного распада;

- возложение ответственности за отсутствие счастья на нечто, лежащее за пределами собственной личностной структуры, а благодарности за счастье – на случай, удачу и везенье.

При определении процесса воспитания как профессионально организованного введения ребенка в контекст общечеловеческой культуры, оснащающий ребенка способностью жить на уровне культуры должен воссоздавать ее достижения и созидать новые материальные и духовные ценности. И при расценивании счастья как характеристики гуманистической культуры, нельзя не признать объективной необходимости формировать способности ребенка

выстраивать собственную счастливую жизнь на уровне достижений человеческой цивилизации в заданных культурой конкретных условиях.

...Школьная сцена. На авансцене герой пьесы Б.Рацера и Вл.Константинова «Диоген». Тот самый древнегреческий философ, который, согласно легенде, сидел в бочке, сказав, что счастье располагается в его душе, а значит, оно вовсе не зависит от внешних условий... Публика замирает в напряженном прослеживании исхода жизненной судьбы этого удивительного философа... Школьный зритель размышляет о счастье вместе с философом. И шквал аплодисментов сообщает о единодушном принятии философского решения...⁷

Сложная экономическая обстановка в обществе, негативный социальный фон, понижение культурного и интеллектуального уровня большинства учащихся, асоциальное поведение школьников, нервные и психические расстройства, возбуждение жажды наживы и стяжательства, поощрение низменных инстинктов и эгоизм подростков требуют от педагогов немедленного вмешательства в решение этой проблемы, т.к. на общем негативном фоне жизни в детской среде происходит замещение счастья иллюзиями и суррогатами удовольствия. В последние годы особенно заметна тенденция подмены реального мира миром виртуальным, где счастье столь же виртуально. Ребенок, не обученный элементарному взаимодействию с окружающим миром, не способный выбрать самостоятельно свой вариант поведения из всех предложенных жизнью, боится окружающей действительности, ожидая от нее страданий, или выбирает асоциальный вариант поведения. Не научившись проживать удовлетворенность от нормальной человеческой жизни, ребенок ищет счастье за ее границами: в мистике, наркотиках, преступлениях.

Странно, не правда ли: мы «боремся» против наркомании, но ничего не делаем во имя научения юношества жить счастливо?!

Для педагога мотив феликсологического плана должен занять первое место в его профессиональной мотивации: чтобы ребенок мог быть счастливым, ему надо успеть в детстве овладеть

⁷ Спектакль в школе №1 пос. Барсово Сургутского района Тюменской области (директор Гудков Виктор Владимирович).

всем достоянием культуры, иначе он будет выброшен из контекста общечеловеческой жизни на земле.

Латинское изречение «Nulla est homini causa philosophandi, nisi ut beatus sit» («Нет у человека иной причины философствовать, кроме стремления к счастью») подчеркивает факторное влияние стремления к счастью на духовное развитие личности человека. Именно жажда быть счастливым вынуждает человека раздумывать об основаниях жизни, о способах ее устройства, о средствах организации собственного поведения, о характере производимого выбора в разворачивающихся ежедневно перед членом общества социально-психологических ситуациях и возникающих ежеминутно обстоятельствах.

Перефразируя древних, скажем:

Нет иной причины для воспитания, кроме желания человека быть счастливым.

Речь идет не о формировании счастливого человека – этого никто не может совершить, кроме самого человека как субъекта собственной жизни, – речь должна идти о педагогическо-профессиональном содействии развитию способности ребенка проживать счастье жизни во всех ее проявлениях.

*А.С. Макаренко писал: «Научить человека быть счастливым нельзя, но воспитать его так, чтобы он был счастливым, можно».*⁸

*«Он должен быть веселым, бодрым, подтянутым, способным бороться и строить, способным жить и любить жизнь, он должен быть счастливым. И таким он должен быть не только в будущем, но и в каждый свой нынешний день».*⁹

Однако, как свидетельствует проведенное исследование, лишь 11% школьных педагогов ставят в профессиональном плане и решают в какой-то мере феликсологическую проблему. Другая часть полагает, что, коль скоро вопрос счастья сугубо частный, следует предоставить каждому печальную свободу искать и ожи-

⁸ Макаренко А.С. Избранные педагогические произведения. – М., 1956, С. 345.

⁹ Макаренко А.С. Избранные педагогические произведения. – М., 1956, С. 56.

дать счастья. Они озабочены лишь тем, чтобы дать знания детям (37%), привить им социальные нормы поведения (20%) и вырастить «порядочного» (того, кто подчиняется порядку?) человека (33%).

Категория счастья – такая доступная, простая, понятная, реальная на уровне житейско-обыденном. Но, введенная в сферу профессионально-педагогической деятельности, преобразуется в сложнейшей трудности теоретическую проблему в силу ее крайней степени многоликости, в силу жесткой зависимости от материальных, социально-политических и социально-нравственных условий, предоставляемых человеку обществом, а также в силу ее неподвластного фиксации и предметно-количественного оформления, а значит, контроля и давления извне, в силу ее свободной духовной субстанции.

В нашем рассмотрении проблемы счастья мы станем подчиняться строгой логике: от вопроса «что есть счастье?» – к вопросу «почему оно существует в жизни?» – к вопросу «где проживает человек счастье?» – к вопросу «когда он испытывает счастье?» – к вопросу «как рождается способность проживать счастье?».

Разумеется, с точки зрения профессионально-педагогической, последний вопрос «как?» наиболее значим. Поэтому ему уделим наибольшее внимание. Но его не решить без предварительных ответов на предыдущие вопросы, ибо методика работы с детьми базируется на феликсологическом методологическом основании.

В нашем поиске решения – два направления. Первое – профессионально-педагогическое: нас интересует возможность содействия счастью подрастающего ребенка и его способность проживать счастье. Поэтому речь будет идти о том, как в работе с детьми реализовать гуманистическую идею счастья. Второе – профессионально-личностное: мы озабочены тем, что педагог минует счастье, и оно не желает размещаться в пространстве личной жизни педагога. Поэтому речь пойдет об общих закономерностях счастья.

СЧАСТЬЕ

КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

Бывают времена и похуже, но счастье, вне зависимости от смены времен и социальных переворотов, неизменно сопровождает человеческое существование на земле, присутствуя как обязательный компонент человеческой жизни.

Как социальный феномен счастье есть цель человеческого сообщества, и история человечества подтверждает попытку решать практически эту проблему, приближая счастье как цель, достигая и все более удаляясь от этой цели. Категория счастья всегда привлекала философскую мысль ученых всех эпох и всех стран. Но суть проблемы, скрытой за данной категорией, как-то ускользала от исчерпывающего решения, а веер найденных решений оказывался через какой-то исторический период эфемерным и примитивным. Реальная деятельность социал-утопистов – тому подтверждение. Изменялась жизнь в своем движении, содержании, понимании – в соответствии тому перестраивалось представление о счастье в общественном и индивидуальном сознании человека.

Каждое новое поколение вынуждено заново для себя находить решение, несмотря на усилия величайших умов. Более того, каждый отдельный человек лично для себя тоже должен выявить сущность счастья как цель собственной жизни – и тоже, несмотря на исторические достижения философской мысли.

Многомерность мира и объектов действительности заставляет прежде всего определять ракурс рассмотрения счастья как феномена социально-психологической реальности: с какой точки зрения смотрим на это сложное явление.

С позиции социальной, счастье есть наилучшие условия для благоприятнейшего развития человека и наивысшие условия для максимального общественного развития.

С позиции философской, счастье отражает оценочное отношение человека к жизни как таковой и к проживаемой собственной индивидуальной жизни.

С позиции психологической, счастье предстает в качестве осознаваемого человеком высокого положительного эмоционального состояния, проживаемого в ходе течения жизни.

С позиции культурологической, счастье – это отражение исторически формирующегося представления человечества об эталоне жизни, жизни желаемой, о жизни, которая бы представляла собою высочайший образец назначения человека как наивысшего органического существа на земле, способного конструировать жизнь.

Иначе вырисовывается проблема счастья, если ее ставит педагог-воспитатель. Весомым педагогическим аргументом в пользу педагогического рассмотрения этой непростой проблемы является сопоставление счастливого и несчастного человека. В таком сопоставлении нет трудности, ежедневно наше сознание схватывает особенности поведения счастливых людей и людей несчастных, ежечасно педагог наблюдает влияние на успешность личного развития детей, проживающих счастье, и детей, лишенных такой возможности. Мы видим,

- как раздражительны и агрессивны несчастливые при любой мелкой неприятности или оплошности окружающих, но спокойны и великодушны счастливые;

- как легко разрушаются межличностные связи несчастливых людей при самого разного рода жизненных осложнениях, но расширяется круг межличностных отношений и укрепляются связи в тех же ситуациях у счастливого;

- как безразличны к окружающему миру потерявшие веру в добро несчастные, но активны, инициативны и энергичны счастливые;

- как подвержены асоциальным, религиозным и антисоциальным влияниям несчастливые, легко попадая в руки растлевающих молодежь бизнесменов наркотиков, никотина и алкоголя, но минуют, как правило, такое воздействие счастливые;

- как, в конце концов, общее поведение несчастливого приобретает черты «девиантного» поведения (так любят говорить психологи, скрывая за этим хитрым словом непонимание истоков осложненного поведения) – как если бы человек стал сбиваться с дороги жизни.

С точки зрения педагогической, счастье есть условие жизни и единственно возможное условие развития ребенка, фактор его физического и духовного восхождения к культуре человечества.

В системе воспитания детей счастье выступает педагогическим условием активности ребенка, играет роль педагогического средства, потому что счастье наделяет ребенка высокой энергетикой, бодростью, способствует максимальному напряжению физических и духовных сил. Гуманистическое воспитание выдвигает категорию счастья в качестве цели воспитания.

Педагогическое целеполагание гуманистического воспитания включает в свой состав задачу формирования способности у ребенка быть счастливым как элемент общей цели воспитания – «личность, способная строить жизнь, достойную человека».

Счастье – продукт социально-исторического развития человека на земле. Это удивительное, сложное социально-психологическое явление рождалось вместе с человеком и видоизменялось в соответствии с его формированием и восхождением на высокие ступени культуры. Категория счастья не присуща миру животных, хотя люди склонны наделять братьев меньших человеческими свойствами и некоторые формы поведения животных классифицировать как счастье.

Нельзя говорить о счастье бегающего весело по полю жеребенка. Нет счастья у котенка, здорового, молодого, красивого и сильного, его игры отражают состояние, которое имеет другие характеристики. Столь же неправомерно говорить о счастье соловья, распевającego в чудесные летние ночи.

Основанием для существования феномена счастья является способность человека быть «homo sapiens», производить оценку своей жизни благодаря мышлению, позволяющему как бы производить раздвоение личности и самооценку своего «Я» в мире и своей жизни в сопоставлении с идеальным ее образом. Каким бы радостным и веселым ни выглядело животное, говорить о счастье тут не приходится, ибо ни одно животное, не будучи субъектом и не обладая самосознанием, не является носителем счастья. Способность человека к счастью основана на этом сущностном отличии его от других биологических существ и организмов. Счастье возникает только там, где есть социум, как бы ни были похожи на счастье милые и красивые эпизоды из жизни животных.

Позволим себе привести фрагменты из рассказов всемирно известного писателя, ветеринарного врача Джеймса Хэрриота.¹

– ...Я с интересом следил за собакой. Ее поведение явно диктовалось не просто любопытством: каждое ее движение было проникнуто какой-то трепетной заботливостью.

– Знаете, Эрик, мне так и кажется, что эта собака ... принимает активное участие в лечении.

Фермер засмеялся.

– Тут вы в точку попали. За Джуди это водится. Не собака, а прямо больничная сиделка. Чуть что не так, а она уже на посту. И ее не отгонишь!.. Джуди считает, что вся наша живность находится на ее попечении... Ей нравится во все соваться. Она ведь вылизывает каждого новорожденного теленка, а когда наша кошка котится, то и каждого котенка...

– Во всяком случае, Джуди довольна, – сказал я.

– Еще как!..

Я взглянул на дверь и увидел, что Джуди торжественно выступает по двору, неся во рту что-то желтое и пушистое.

Я вытянул шею.

– Что это она несет?

– А цыпленка.

– Цыпленка?

– Ну да. Вывелись месяц назад. Так старушка решила, что им лучшее место в конюшне. Устроила им там гнездо и все пробует свернуть вокруг них...

Принципиальное отличие самого изумительного поведения животных от аналогичного поведения человека заключается в такой малости, как субъектность. Человек осознает себя носителем определенного состояния и отношения, он свое «Я» воспринимает как лицо, несущее отношение. Таким свойством не обладают животные. Категория счастья не располагается в пространстве биологического мира, лишенного субъектности. Как ни жаль, но счастья нет у наших четвероногих любимцев, но зато есть проживаемые подобные счастью состояния: удовольствие, приятствие, ра-

¹ Джеймс Хэрриот. Собачьи истории. -- М., 1994, с.303-305.

дость, нега, наслаждение, эйфория, довольство. Для счастья необходим выход на абстракцию, обобщенное представление образа жизни, необходимо возвести этот образ в некий объект и ему, этому объекту («жизнь»), дать оценку.

«Я существую для того, чтобы прожить свою жизнь так, чтобы она сделала меня счастливым»²

Такой уровень активности во взаимодействии с миром не свойственен животному.

Счастье – категория, созданная разумом социального человека, обозначающая феномен, свойственный лишь человеческому обществу. Это явление родилось только там, где, во-первых, возникла настоятельная необходимость выстраивать собственную жизнь и, во-вторых, выстраивать ее в согласии с образом жизни, который появлялся в голове до момента практического ее конструирования. Счастье вошло в социо-культурный мир, знаменуя способность человеческого мозга воссоздавать желаемую жизнь как общий образ и сопоставлять реальное и проецируемое.

Каково предназначение этого феномена? Зачем оно, счастье, родилось и существует вместе с жизнью общественного человека на земле?

Несмотря на величайшую силу инстинкта жизни, данного человеку природой, привязанность человека к жизни нуждается в поддержке и сохранении, так как социальные разрушительные влияния превосходят порой органическую силу инстинкта жизни. Процесс конструирования жизни труден, общество далеко не справедливо, человек слаб и часто отступает в жизни, обстоятельства не всегда милостивы к нему, а по отношению друг к другу люди часто жестоки, поэтому нередко человек не выносит тяжелейшей судьбы и готов распрощаться с жизнью. Депрессия и аффект затмевают его рассудок. Счастье выполняет сохраняющую и поддерживающую функции, выступая в роли своеобразного способа защиты жизни, привязывания человека к жизни, когда он, «полюбя жизнь» (Л.Толстой), не может прервать ее (суицид). Во имя счастья субъект производит иногда колоссальные сверхчеловеческие уси-

² Бах Ричард. Чайка Джонатан Ливингстон. Иллюзии. – «София», 2003, С.197.

лия, сопротивляясь страшным, невыносимым обстоятельствам, и – продолжает жить.

Вот рассуждения одного из умудренных жизненным опытом героев художественного произведения.

Старик Сантьяго (Э. Хемингуэй «Старик и море») осмысливает ситуацию одного конкретного момента своей жизни: «...Может, сегодня счастье мне улыбнется. День на день не приходится. Конечно, хорошо, когда человеку везет. Но я предпочитаю быть точным в моем деле. А когда счастье придет, я буду к нему готов».

Способность проживать счастье есть сущностная характеристика человека, она показывает, каким человек должен быть среди всего, что существует на свете: на протяжении жизни он должен состояться, самораскрыться и реализовать все заложенные в нем возможности.

Удовлетворенность жизнью предполагает, что субъект способен на восприятие жизни как таковой, которая предстает перед ним в его сознании как некая обобщенная картина, как понятие, наделенное признаками.

«Пчела распознает цветы по их окраске или аромату. Философия ей ни к чему. И, если ограничиваться обыденными вещами повседневной жизни, то проблема объективности выглядит как надуманные философские измышления.

Не так, однако, обстоит дело в науке, где зачастую приходится иметь дело с явлениями, выходящими за рамки обыденного, повседневного опыта... Мы встречаем явления, ничем не напоминающие привычные повседневные явления и которые могут быть описаны только с помощью абстрактных концепций».³

Социальная значимость жизни и удовлетворенность жизнью как таковой есть продукт высокого уровня обобщения и интеллектуального усилия развитого субъекта.

³ Борн Макс. Моя жизнь и взгляды. – М., 1973, с.125.

Говоря о счастье, нельзя изолированно рассматривать автономный внутренний социально-психологический мир отдельного человека, испытывающего счастье. Социальный облик человека формируется в обществе, человек не может стать человеком в изоляции, его вводит в мир общество, оно регулирует и наполняет его поведение социальным сознанием. Человек как порождение социума утверждает себя через социально осмысленную деятельность (творческую, умственную и физическую). Для ощущения счастья ему необходимо межличностное взаимодействие с людьми, взаимообразное участие и соучастие в их жизни. Сама жизнь мыслится им не иначе как с другими людьми.

Только в совместной общественной деятельности, в человеческом обществе он может быть счастлив, сравнивая свой образ жизни с другими вариациями проживания жизни на земле, сопрягая его с уровнем современной культуры и ее требованиями к человеку, общественными ценностями, нормами и законами.

Вглядимся в состояние великого Магеллана в тот момент его тяжелейшего путешествия, когда корабль вошел, наконец, в пролив, открывающий дальнейший путь кругосветному путешествию:

*«...Этот краткий миг – великая минута в жизни Магеллана, минута подлинного высшего восторга, только однажды даруемая человеку... И тут происходит то, чего никто не осмелился бы предположить в этом мрачном, замкнутом в себе человеке. Внезапно сурового воина, никогда и ни перед кем не выказывающего своих чувств, одолевает тепло, хлынувшее из недр души. Его глаза туманятся, слезы, горячие, жгучие слезы катятся на темную всклокоченную бороду. Первый и единственный раз в жизни этот железный человек – Магеллан – плачет от радости».*⁴

Человек по природе активен, он стремится к счастью, и источником его обладания является полнота проявления духовных и физических сил человека, высвобождение его энергии, что происходит непосредственно в деятельности, если она носит социальный характер. Для жизни в обществе и проживания удовлетворенности человеку необходим Другой, как некий отдельный автоном-

⁴ С.Цвейг. Избр. произв. В 2-х томах. – 1957, т.2, С. 451-452.

ный мир, взаимодействие с которым и порождает сравнение, сопоставление и оценивание своей жизни как таковой. Зависимость человека от присутствия в его жизни Другого обуславливает состояние удовлетворенности каждым отдельным моментом жизни либо отдельным определенным периодом жизни:

- без Другого не было бы существования человека на земле, отсутствовал бы сам факт присутствия проживания жизни;
- без Другого ни один человек не владел бы тем материальным богатством, которым оснастила нас всех современная цивилизация, благодаря разделению труда между людьми;
- без Другого человек оставался бы одиноким, лишенным общения с приятелями, товарищами, друзьями, любимыми, вне общения так и не приобрел бы способность осознавать свое «Я», лишенный Другого как зеркала;
- без Другого исключается потребность в творчестве, и сама творческая деятельность, доставляющая высочайшие минуты удовлетворения жизнью, лишенная социального спроса и предназначенная для других;
- без Другого жизнь протекала бы на уровне приспособления индивида к обстоятельствам и не нуждалась бы в преобразовании индивида в индивидуальность.

«В истинном счастье человека, как и в его совести, сливаются воедино личное и общее до такой степени, что решительно не представляется возможным отделить в нем одно от другого», – писал философ Я.А. Мильнер-Иринин.⁵

Отсутствие же удовлетворенности жизнью, то есть отсутствие счастья, сообщает о разрушении связей с Другим, как будто бы аннулирует их необходимость и значимость для человека. Отъединяясь от людей, несчастливый создает психологическую защиту, отвергая ценность других людей для его личностного существования. Например, он заявляет: «Хочу быть свободным и независимым – мне никто не нужен!» Но психология знает, какова горькая цена обретенной разорванной связи и одиночества человека как

⁵ Мильнер-Иринин Я.А. Этика, или Принципы истинной человечности. – М., 1999, с.366.

существа социального, способного жить только в обществе, быть счастливым лишь среди других людей.

Счастье является продуктом социальной жизни и предполагает проживание счастья отдельным человеком только в контексте социальных связей его с другими людьми.

У попытки понять сущность счастья огромная и интереснейшая история: счастье сводили к наслаждению; счастье пытались определить через символ топленого масла; счастьем называли отсутствие несчастья; к извлечению сущности счастья пробовали подобраться через понятие воли и цели; в счастье видели презрение к страданиям жизни. Заглянем далеко в прошлое, чтобы стать свидетелями напряженной мыслительной работы человеческого сознания, осмысливающего категорию счастья:

...Калликл:...Счастье-это наслаждение... если человек может исполнить все желания и радуется этому, то он живет счастливо.

Сократ:...Скажи мне, если кто страдает чесоткой и испытывает зуд, а чесаться может сколько угодно и на самом деле только и делает, что чешется, он живет счастливо?

Калликл: Что за нелепость, Сократ!...

Сократ:...но ты, конечно, не собьешься и не смутишься – ты ведь человек мужественный.

Калликл: Хорошо, я утверждаю, что и тот, кто чешется, ведет приятную жизнь.

Сократ: А раз приятную, значит, и счастливую?

Калликл: Совершенно верно.

Сократ: Тогда ли только, если зудит в голове, или... или можно дальше не спрашивать?

Калликл: Неужели тебе не совестно, Сократ, сводить нашу беседу к таким низостям?...⁶

На протяжении веков не останавливались поиски в философском определении счастья. И каждый новый исторический пе-

⁶ Платон. Соч. в 3т., т.1. – М., 1968, С.321-322.

риод требовал нового рассмотрения этой наиважнейшей категории, обозначающей человеческую проблему. Философия счастья (фелицитология) имеет свою давнишнюю историю: Аристотель обращался к проблеме счастья в книге «Никомахова этика», Сенека писал «О счастливой жизни», Фома Аквинский создал «Трактат о счастье», Гельвеций изложил теорию разумного эгоизма в поэме «Счастье», Фейербах анализировал счастье в работе «Эвдемонизм»... К феномену счастья то подходили с позиции психологии, то избирали точку зрения аксиологическую, то выявляли суть счастья в ракурсе социальном.

Своевольно, отступая от исторической последовательности, остановим внимание на художественной диалогии Н.Г. Помяловского – писателя 19-го века – «Мещанское счастье» и «Молотов». Стремление главного героя построить счастливую жизнь вопреки тяжелым обстоятельствам судьбы реализуется, и главный герой должен быть доволен плодотворностью своих усилий, имея дом, создав семью, выбившись из бедности и упрочив положение в обществе. Но почему-то долго и однообразно бродит он мысленно в поисках оправданий и аргументов:

«Что же делать, не всем быть героями... Неужели запрещено устроить простое, мещанское счастье...» – пытается сам себе доказать, что созданное им и есть счастье. Автор повести не спорит с героем, оставляя за нами право решать вопрос, но лишь добавляет: «Тут и конец мещанскому счастью. Эх, господа, что-то скучно...».⁷

О счастье говорят, как правило, итожа ход жизни, оценивая какой-то отдельный период жизни: «я прожил счастливую жизнь», «у меня было счастливое детство», «моя несчастливая юность» или «старость была несчастливой» и т.п.

Римский поэт Овидий пишет в первом веке до н.э.: «... не может быть назван счастливым раньше кончины никто», – понимая счастье как аккордную оценку жизни.

⁷ Помяловский Н.Г. Мещанское счастье. Молотов. – М., 1987, С. 244.

Счастье – духовная субстанция динамического процесса проживания состояния высокой удовлетворенности жизнью как таковой в виде аккордной эмоциональной оценки прожитого периода жизни.

С одной стороны, этот социально-психологический продукт мировой культуры подарил человеку удивительные моменты жизни, привязывающие его к жизни, увеличивающие силу инстинкта жизни, расцветивающие повседневное течение существования на земле. С другой стороны, этот подарок социально-психологической природы человека принес одновременно человеку страдания и терзания: человек жаждет счастья, познав его; он мечтает о счастье, не изведав его; он гоняется за счастьем; он не желает жизни без счастья и часто приравнивает цену счастья к цене самой жизни. К тому же, плата за счастье – то несчастье, которое заложено в самом счастье и неизменно сопутствует ему всегда, будучи второй стороной счастья.

Какое это счастье – вкусная калорийная пища! – Какое несчастье скрывается в калорийной вкусной пище!

Какое счастье – иметь много знакомых и друзей! – Какое несчастье не иметь времени на одиночество!

Какое счастье трудиться и создавать нечто на земле! – Какое несчастье уставать от напряжения, теряя силы во время трудового дня!

Какое счастье – иметь много денег! – Какое несчастье иметь множество денег, о которых приходится беспокоиться и проявлять заботу об их сохранности и преумножении.

Какое счастье – праздник, но только тогда, когда ему предшествовала напряженная плодотворная деятельность!

Самое большое разочарование для человека наступает с приходом ожидаемого счастья – оно приносит массу огорчений, забот, тягот, страданий. Не предвидя стоящего на пороге несчастья, человек полагает, что счастье его обмануло, что произошел перевертыш, что только с ним так несправедливо расправилась судьба, подсунув ему несчастье вместо счастья.

Быть счастливым вовсе не означает быть освобожденным от несчастья. Амбивалентность мира обуславливает постоянную феликсологическую дихотомию: с одной стороны, счастье имеет свою сторону несчастья, с другой стороны, несчастье обладает счастливой своей стороной. Такое последовательное деление целого на две части, одновременно выступающие как часть целого, усложняет проживание счастья, наделяя его неотъемлемыми спутниками: слезами, страхом, грустью, но и несчастье тоже сопровождая светлыми переживаниями («Печаль моя светла...» – пушкинское). Счастье амбивалентно, как амбивалентно все устройство мира.

К тому же, динамичность мира наделяет счастье динамической характеристикой. Счастьем обычно обозначают его вершину, тот момент проживания удовлетворения жизнью, когда состояние достигло своего максимального напряжения, кульминации, не замечая, что кульминационному моменту предшествовало проживание предвидения счастья, когда работало интенсивно воображение, рисовало картину желаемой ситуации, а также не фиксируя последующего проживания воспоминаний, которые дарит память.

Предновогодние переживания – яркий пример сказанному. Мы проживаем ожидание Нового года так остро и так глубоко, что когда этот ожидаемый миг вдруг наступает (бой курантов, звон бокалов, улыбки, поздравления, фейерверки, подарки), люди еще ждут чего-то, никак не соглашаясь принять обыденную текучесть времени.

Счастье занимает довольно длительное временное пространство. Зная об этой характеристике счастья, педагогу нетрудно оказывать помощь ученикам своим.

– Что мне делать? Она меня не любит! – в отчаянии говорит юноша.

– Любить дальше, – отвечает педагог.

Становясь привычным в длительном своем течении, счастье уже не проживается остро, становясь частью обыденного. Тогда человек пренебрегает им, ценя лишь отдельные краткие и сильные моменты эмоциональной оценки жизни.

И под счастьем полагает особое состояние как отдельное сильное переживание удовлетворенности собственной жизнью на данный момент. Поэтому, наряду с понимаем счастья как аккордной оценки жизни, существует понимание счастья в виде кратковременного момента состояния души как острого проживания удовлетворенности своей жизнью (на данный момент).

Говорят: «Я такой счастливый сегодня!» или «Какое счастье: сегодня Петров первый раз сам решил задачу!» – имеется в виду отдельное моментное состояние удовлетворенности жизнью, благодаря ее ходу в этот момент.

Но вот есть еще одна сложность нашего рассмотрения. Счастье не имеет предметной формы, не подвластно передаче, не может быть вручено кому-либо, не может быть отнято по прихоти кого-либо, никак не похоже на сундук, а значит, не подвластно захвату, не уподоблено добыче. Потому оно кажется многим эфемерной выдумкой. Его нельзя потрогать – значит, его не существует. Отрицание счастья успокаивает. Столь же успокоительным является суждение о том, что каждый счастье понимает по-своему и нет надобности в осмысливании его.

Поразительный социально-психологический парадокс: все жаждут счастья, но гонят прочь надобность в осознании счастья, и как только задумываются о счастье своем, вынуждены признавать отсутствие счастья. О нем не думают, когда его проживают, но, стоит лишь задуматься – считай, что счастье потеряно. Вероятнее всего, о счастье вспоминают при остром дефиците счастья.

Подчеркнем: счастье, несмотря на то, что содержит в себе элемент оценки жизни, проживается, природа его особенная: это эмоциональная, высокой меры реакция на жизнь, проживаемая очень остро, но это, одновременно, рациональная оценка жизни в тот момент, когда эмоции сообщают о явном положительном отношении к жизни. Будучи динамичным, счастье всегда имеет свое начало и свой конец. Когда говорят о неуловимости синей птицы счастья (Метерлинк), имеют в виду невозможность зафиксировать этот процесс, остановить это подвижное состояние. Даже уловить порой момент вспыхнувшего счастья, а тем более, остановить и рассмотреть («Остановись мгновенье, ты прекрасно!») -- не во вла-

сти человека. К тому же, счастье предельно, вечно проживать счастье невозможно, ибо психологическая структура человека не выдерживает предельного напряжения. Когда плачем от счастья, мы получаем сигнал от природы организма, сообщающего о высокой степени переживаний: слезы – симптом предельности.

Место расположения и обитания счастья – наша душа, личностная структура человека. Другого места у счастья нет.

Диоген, сидящий в бочке,⁸ – это символический образ философского положения об относительной независимости от внешних обстоятельств душевного проживания счастья: если оно, счастье, размещается в моей душе, а не вне меня, тогда не имеют значения такие средства существования, как жилище, одежда, питание... – тогда и бочка может стать местом обитания человека.

Диоген предупреждал, что счастье располагается только в самом человеке и нигде более, а значит, искать счастье каждому следует в самом себе – и нигде более. Люди же предпочитают искать счастье вне своего «Я» – тогда легко сослаться на невезенье и тяжелые обстоятельства.

Важно не перепутать острые преходящие ощущения, доставляемые некоторыми агентами, такими, как роскошь, вино, сигарета, секс, слава, власть, с глубоким внутренним духовным проживанием отношения к жизни или моменту жизни – но именно отношения к жизни, а не своим ощущениям.

Психологическая природа счастья – субъективное проживание личностного, индивидуально окрашенного и персонально обусловленного опытом жизни отношения. Еще раз подчеркнем: объект этого отношения – «жизнь». А это значит, что не деньги, не работа, не уют, не любовь, не платье, не красота тела, не слава и не власть (несмотря на то, что именно при обладании перечисленным обычно говорят: «Какой ты счастливый!») определяют проживание счастья, но – жизнь как таковая, какой она складывается в обобщенном образе в сознании человека. Оттого слепой может быть счастлив и несчастлив зрячий, начальник может страдать в несча-

⁸ Диоген Синопский (около 400-325г. до н.э.), древнегреческий философ, по преданию жил в бочке.

стью, а рядовые – купаться в счастье, миллионер -- умирать, не познав счастья, а живущие на скромные доходы -- наслаждаться счастьем.

В конечном итоге, тайна счастья скрыта в реальности процесса проживания отношения к жизни, которую открывает для себя человек на протяжении какого-то периода жизни на земле, так чтобы за этот период в сознании сложилась обобщенная картинка объекта, называемого «жизнь».

Видеть пробуждение жизни в подснежнике... Слышать голос жизни в пении птиц... Радоваться солнцу, несущему тепло жизни... Приветствовать строительство дома, где разместится жизнь семьи... Наблюдать игры детей, осваивающих роли будущей взрослой жизни... Проникнуться уважением к уроку, как активной жизни разума...

При отсутствии объекта нет присутствия отношения. Но и субъекта нет там, где нет объекта. Там же, где нет проживания субъектом отношения, отсутствует содержание жизни этого субъекта. Остается лишь добывание средств существования: человек бросается в поиски разнообразия доставляющих ему удовольствие агентов: «Сначала конфетку, потом конфетку с ликером, потом ликер с конфеткой, а далее только ликер...» (Лесгафт).

Если содержательный мир человека узок и однообразен, то человек станет искать все новые и новые формы острых ощущений, а это загоняет его в социально-психологический тупик, в котором он окажется, и выходом из такого тупика становится переход в мир извращений, правонарушений, преступлений. При условии же широких интересов и большого спектра значимых объектов, возможность проживать счастливое состояние увеличивается, раздвигаются рамки взаимодействия с миром, и количество агентов, доставляющих удовлетворенность жизнью, максимально увеличивается. Здесь важно следующее: то, что может доставить счастье человеку, должно быть *значимо* для него, присвоено душой, обрести личностный смысл.

Вот эпизод из жизни подростка, описанный в биографической повести Джеральдом Дарреллом:

Сначала я просто ошалел от этого буйства жизни...

*Мы возвращались через рощи, уже освещенные солнцем, где среди листвы виднелось множество яблоков – будто сотни монеток были нанизаны на ветвях. Пастух Яни выгонял на пастбище своих коз... Козы разбрелись среди олив и громким меканьем окликали друг друга, впереди ритмично позвякивал колокольчик вожака. Звонко заливались яблоки, а в миртах, выставив свою грудь, словно мандарин, выводила свою тонкую трель малиновка. Пропитанный росой остров искрился в лучах утреннего света, всюду кипела жизнь... Что же, кроме счастья, можно было испытывать в такое время года?...*⁹

Заметим сразу: глаза мальчика должны были увидеть чудо жизни, чтобы прожить состояние счастья. Не всякому взрослому дано такое восприятие красоты природы.

К обобщенному объекту «жизнь» человек приходит через взаимодействие со множеством объектов, обнаруживая в каждом частном объекте черты жизни. Взаимодействие со множеством объектов, *значимых* для человека, определяют столь же множественное количество моментов удовлетворенности жизнью. Проживая моменты удовлетворенности во множестве ситуаций, человек обретает способность подняться на ступень выше, и пережить, в итоге, общую удовлетворенность всей жизнью. Допустим, пережив радость общения с товарищами, прочувствовав довольство от учебной работы, наполнившись восторгом во время театрального представления, испытав нежность к малышам детского сада, обретя гордость за общее школьное дело, человек, обобщая текущую реальность, приходит к выводу, что живет он «хорошо» и что можно квалифицировать его жизнь как жизнь счастливую.

Предварительным логическим выводом становится положение о том, что

педагог способен влиять на счастье своих воспитанников уже тем, что он расширяет ценностное пространство личности ребенка, предъявляя ребенку мир во всех его значимых сторонах жизни, наделяя объекты жизни потенциальной ролью агентов счастья.

⁹ Даррелл Джеральд. Моя семья и звери. – М., 1971, с.31, 82.

Вполне отдаем себе отчет в том, что с выдвинутым положением о плодотворности педагогического влияния не всякий согласится, указывая на бесчисленное количество факторов прямо противоположного духовного воздействия на подрастающее поколение, которые располагаются вне педагогической сферы: улица, телевидение, газеты, бытовые традиции, семья часто направляют воспитательные усилия в прямо противоположном школьному влиянию направлении. Признавая серьезность такого рода сомнений, все-таки в ответ предлагаем вслушаться в диалог педагога с детьми:

Педагог: Какое счастье – урок!

Дети (смеясь дружно): Это мрачная шутка?

Педагог: Вы хотите окончить школу и получить образование?

Дети: Конечно.

Педагог: А потом – хотите приобрести любимую профессию?

Дети: Хотелось бы.

Педагог: Иметь интересную работу, хорошую зарплату?

Дети: Спрашиваете?! Кому же не хочется?!

Педагог: И чтобы в доме было тепло, сытно, уютно и красиво?

Дети: Это так.

Педагог: А еще, наверное, чтобы была возможность любимым доставлять радость?

Дети: И – себе.

Педагог: Я правильно вас поняла: вы хотите счастья?

Дети: Все хотят.

Педагог: А урок – первая ступень к счастью. Он уже начало вашего счастья.

Дети (в ошеломленном удивлении): Вот это да!... Ну, вы дайте...

Педагог: Однако вы улыбаетесь. Вы согласны со мною?..

Дети: Получается, что так...

Педагог: Надо поверить. Итак, на урок – за счастьем!

Несомненно, этот педагог будет поражен, если ему сказать, что он ведет диалог с детьми, прямым образом воспроизводя утверждения философов И.Канта и Дж.С.Милля, говоривших, что

«обещание счастья» лежит в побудительных причинах поведения человека, что понимание интересов человечества и категорический императив морали недействительны для практического воплощения моральной нормы, если за нормой не скрывается «обещанное счастье». Счастье, располагаясь в душе человека, занимает вполне определенное место: оно выступает мотивом наших поступков, действий, деяний, деятельности и, в конце концов, жизнедеятельности.

Существует еще одна сложная сторона проблемы счастья. Именно потому, что счастье расположено в душе человека и является достоянием человека и продуктом его души, только человеку и дано судить о собственном счастье. Поэтому счастье всегда субъективно – о нем ведает сам человек, который его проживает. Но, в то же время, открыв закономерности его возникновения, общественное мнение приобрело умение распознавать счастье человека. Поэтому на основании объективных данных люди могут судить о счастье либо несчастье другого человека. Субъективность и одновременно объективность счастья порождают противоречивость ситуации. Прямо противоположные мнения окружающих и самого человека о том, что с ним происходит, разрушают часто добрые отношения и рвут дружеские связи. Подобная ситуация особенно опасна во взаимоотношениях родителей и детей. Родители небрежны со счастьем ребенка, игнорируя состояние его души, называя пустяками и чепухой душевные волнения. Столь же опрометчиво судит о школьниках учитель, высмеивая счастье либо несчастье, о котором дети имели неосторожность ему поведать.

Данное противоречие может быть разрешено уважительным взаимоотношением между людьми, признанием уникальности автономного мира каждого человека, непохожего ни на типичный облик пресловутого «нашего времени», ни на мир другой уникальной личности, имеющей свой вариант ценностной иерархии.

Многоплановость феномена счастья, открывающаяся для нас, должна бы стать серьезным основанием для нашего бережного отношения к собственному счастью. Но человеку трудно дается алгебра духовной жизни, даже зная природу счастья, он предпочитает отдавать себя во власть обстоятельств, уповая на удачно сделанный выбор. Современная цивилизация усложняют ситуацию выбора, разворачивая перед человеком непомерное обилие мате-

риальных благ, увлекая, завлекая и вовлекая его в столь же непомерное их потребление, порождая устойчивую иллюзорность счастья.

*«Только тем, что становится больше вещей, которыми можно владеть, а значит, выдумывают новые стимулы, чтобы их приобретали, и убеждают, что обилие таких вещей – это вот и есть благополучие, заставляют тебя поверить, будто все это тебе нужно, будто в этом состоит счастье».*¹⁰

Бесспорно, социальные влияния обладают колоссальным воспитательным влиянием на ребенка. Поэтому нельзя не согласиться, что воспитание не в силах определить окончательный исход становления и развития личности ребенка, что влияние педагога может быть смыто, скорректировано реальностью. Однако нельзя не учитывать и то, что школьная среда для ребенка наполнена особой, исключительной значимостью товарищества, и такая значимость преумножает педагогическое воспитательное влияние.

¹⁰ Хаксли Олдос. После многих весен. -- М., 1992, С.97.

**СЧАСТЬЕ В КОНТЕКСТЕ
ЦЕННОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ**
(или ГДЕ РАСПОЛАГАЕТСЯ СЧАСТЬЕ?)

То, что значимо для человеческой жизни на земле, составляет систему ценностей жизни. К ним относятся «человек», «жизнь», «общество», «природа», «добро», «истина», «красота», «труд», «познание», «общение» и ряд других, которые составляют частное проявление вышеназванных. Весь окружающий человека предметный и духовный мир состоит из конкретных и частных проявлений данных наивысших ценностей: они, в силу своей предельной обобщенности, включают в свое содержание разнообразные частные проявления. Например, «цветы», «музыка», «дворец», «изящество походки» – это «красота», а объекты-носители красоты вызывают, при всей разности своей, единое проживание отношения, аналогичные чувства восторга, наслаждения, умиротворения и т.п. Ценностью является не сам дворец, он лишь предмет, несущий в себе ценность, а именно, красоту. Точно так же «улыбка», «помощь», «кусочек хлеба голодному», «доброе слово» – это «добро». Поэтому, невзирая на разность предметных носителей добра, они рождают идентичные отношения, ибо ценность их едина.

Индивидуальные особенности личности определяют индивидуальные варианты ценностных систем личности. У детей общие ценности временно замещаются частными: скажем, для ребенка ценность Природы предстает в облике леса, который расположен рядом с его домом; ценность Общества выступает в образе класса, где он учится; ценность Человека – это близкие ему родные. Со временем расширяется кругозор и увеличивается жизненный опыт – создается почва для широких обобщений и восхождения к наивысшим ценностям. Конечно, с помощью взрослых, педагога, прежде всего.

Но представим, что человек не воспринимает названные явления как ценность красоты и добра, он, в таком случае, не проживает положительных отношений, становясь невосприимчивым к происходящему. Какая-то часть жизни остается за периферией его сознания. Однако мы уже сказали, что ценности предельно широки в силу своей обобщенности. Поэтому эта «выброшенная» из сознания часть представляет собою огромный пласт изъятых из соз-

нения человека жизненных явлений. Так появляется человек с узким внутренним миром, ограниченным восприятием жизни, зажатый в сферу конкретно-предметного восприятия действительности.

Личность соткана из отношений и развивается, когда обогащается ими в процессе их проживания. Ценностное же восприятие мира, так как оно наполнено значимостью объектов для его жизни, обеспечивает ему счастливое проживание действительности. Когда же личность воспринимает в конкретном предмете ценность (нечто значимое для жизни), она проживает удовлетворенность моментом жизни.

Любое проживание отношений к бесконечному разнообразию мира составляет содержание жизни человека. Но вот наполнится ли миг взаимодействия с миром счастливым проживанием, зависит от того, как относится человек к ценностям жизни.

*«Довелось мне видеть возвращенных из Сибири декабристов, и знал я их товарищей и сверстников, которые изменили им и остались в России, и пользовались почестями и богатством. Декабристы, прожившие на каторге и в изгнании духовной жизнью, вернулись через 30 лет бодрые, умные, радостные, а оставшиеся в России и проводившие жизнь в службе, обедах, картах, были жалкие развалины, ни на что никому не нужные, которым ничем хорошим не было и помянуть свою жизнь; казалось, как несчастны были приговоренные и сосланные и как счастливы были спасшиеся, а прошло 30 лет, и стало ясно, что счастье было не в Сибири и не в Петербурге, а в духе людей, и что каторга и ссылка, неволя было счастье, а генеральство, и богатство, и свобода были великие бедствия».*¹

Но почему же не любые объекты выступают основанием для счастья? Потому что не все объекты реальности обладают силой кардинального влияния на жизнь человека. А ценности обладают такой силой. Следовательно, развитый духовно человек обладает большими возможностями стать счастливым, чем человек низкого развития. Неслучайно издавна добродетель и счастье связывались в особый союз: добродетели увеличивают возможность счастья, а счастье содействует возвышению человека к добродетелям. Сек-

¹ Л. Толстой; по книге Н. Эйдельмана «Лунин». -- М., 1970, с. 214.

рет здесь в умении духовно развитого взойти на ступень обобщенного восприятия жизни как объекта и проживания основных ценностных ее устоев и в неспособности бездуховного человека увидеть за частным общее и проживать ход жизненного события в маленьком эпизоде реальной повседневности.

Приведем фрагмент диалога двух девушек-школьниц:

– *Гульнем сегодня?! Будет, что вспомнить!* – предлагает одна.
– *Давай! Всю ночь, ладно?..* – слышится ответное согласие.

Обратим наше педагогическое внимание на «будет, что вспомнить». И поймем начальное движение молодого человека к жизненной пропасти: когда в его жизни нет ничего такого, что бы радостно помнилось, оставляя сладостный след в памяти, что бы доставляло счастливые проживания потом, по прошествии события, начинается поиск эрзац-счастья: что-то должно же быть, чтобы хоть иллюзия счастливой жизни успокаивала. Не вошедший в сферу ценностных отношений, человек бросается в сферу острых ощущений, ища механическую замену счастью среди раздражающих и возбуждающих агентов. Остроумно о такой подмене говорит Ортега-и-Гассет, размышляя о подмене в области эстетических ценностей. Вдумаемся в его убийственный аргумент:

*Мелодрама, фельетон и порнографические романы – образцы крайних форм механического воздействия. Показательно, что по силе эффекта, по способности захватить, увлечь ничто не сравнится с ними. И это доказывает, как ошибочно оценивать произведение по тому, насколько оно захватывающе, насколько способно подчинить себе человека. Будь это так, высшими жанрами искусства считались бы **щ е - к о т к а** и **а л к о г о л ь** (разрядка автора).²*

Желание стать счастливым за счет внешних механических агентов для некоторых взрослых превращается в своеобразную неожиданную западню: в погоне за счастьем оказываешься за решеткой, в добывании счастья теряешь жизнь, в непродуманной жажде счастья попираются любовь, семья и друзья; в результате –

² Хосе Ортега-и-Гассет. Эстетика. Философия культуры. -- М., 1991, с.175.

тоскливое одиночество терзает душу, и, чтобы избавиться от этих жестких тисков, человек вновь прибегает к сомнительным спасителям внешнего раздражения. Круг замыкается.

Счастье рождается и проживается лишь в сфере ценностных отношений: они фундамент прекрасного сооружения счастья.

Каждодневно, наблюдая за поведением людей, можно фиксировать упущенную одним человеком возможность пережить счастливое состояние и обретенную другим человеком возможность проживать счастье жизни.

Встреча с зайцем в лесу для одного субъекта есть огромная радость свидания с братьями нашими меньшими, живущими с нами в одном доме Земля; но та же встреча проживается другим субъектом как величайшее несчастье: ружья не оказалось рядом, чтобы убить зайца и, поджарив, прожить сладкие ощущения.

Поняв, что счастье прячется там, где проживается наше отношение к объекту, а это означает, что оно действительно относительно независимо от окружающего нас мира, то есть вещей, предметов, денег, продуктов, роскоши, мы тогда только ухватываем сознанием исток счастья, освобождаясь от власти объекта предметного мира. И только тогда мы становимся свободны от вещей, ибо не участвуем в погоне за ними, зная точно, что не в них наше счастье.

«Дело не в дороге, которую мы выбираем; то, что внутри нас, заставляет выбирать дорогу», – приходит к выводу один из персонажей новеллы О.Генри («Дороги, которые мы выбираем»), осмысливая жизненную ситуацию, пережитую им.

Мы слышим хор некоторых читателей, обвиняющих нас в лицемерии и ханжестве, говорящих нам следующее: «Все знают, что вещи приносят счастье, что материальные блага есть, конечно, счастье... ». Напомним о «гегелевской кухарке», которая склонна к обобщениям («мыслит абстрактно») и тоже уверена, что «все во-

ругую», «все пьют», «кто же не изменяет жене?!», «кто откажется от высокого чина?!», «кто же любит работать?!». И предположим нежелательному недоразумению уточнение: имеем в виду не полное отсутствие еды, одежды, жилища и благ цивилизации, а лишь определяем место этих благ в нашей жизни: они средство жизни, не более того.

На первый взгляд, представленное решение может породить ложное представление о том, что научить человека быть счастливым – означает выводить его на философический уровень восприятия мира. Мы уже не раз писали про объективный философический характер современного воспитания³, и сейчас еще раз подчеркиваем величайшее значение реализации педагогического принципа ценностной ориентации в формировании личности ребенка. Однако ни в коем случае нельзя сводить решение философической проблемы только к формированию ценностных представлений детей. Философическое восприятие мира становится лишь предпосылкой для проживания значимости жизни.

Быть философом –

это обнаруживать жизнь во всех ее проявлениях.

Еще не обусловив проживания счастья, восприятие жизни философического порядка, тем не менее, чрезвычайно важно для последующего развития способности стать счастливым уже потому, что философический взгляд открывает человеку жизнь там, где ее не обнаруживает взгляд обывательский. Поэтому философическое видение жизни есть первая основная предпосылка счастья.

Педагог Наталья Владимировна Мезенцева⁴ в работе с детьми предлагает ученикам со стороны поглядеть на родной поселок благодаря произведенной видеозаписи. «Красиво! Очень красиво!» – откликаются дети, каждодневно видящие – или не замечающие все-таки? – повседневного окружения.

³ Например, см. «Педагогика» под ред. П.И.Пидкасистого. – М., 1999.

⁴ Мезенцева Наталья Владимировна, педагог школы №1 пос. Барсова Гора, Сургутского района Тюменской области.

Здесь нет, и не может быть воспитательной цели -- создать человеку счастье; здесь создается лишь предпосылка для развития способности замечать и оценивать жизнь «вокруг меня». Тут нет философии, но есть философическое восприятие «земли, по которой я хожу, и родного места, где я родился». Философский взгляд на будничную действительность не ввергает человека в проживание счастья, но он подготавливает психологическую почву для становления в личностной структуре человека счастья жизни.

Мы не имеем в виду философское образование детей. Было бы страшно и представить, как «для счастья детей» вводятся уроки фелицитологии (философии счастья). Философически воспринимать жизнь – значит, обобщенно, сверху, выстраивая в сознании некий общий образ жизни, относиться к течению и содержанию реальной жизни, формулируя для себя общие принципы и правила жизни. Воспитание должно быть философическим, чтобы ребенок мог научиться воспринимать жизнь как таковую и, в итоге, стать счастливым.

Быть счастливым –

это приветствовать жизнь во всех ее проявлениях.

То и другое требуют психологического напряжения, духовной активности, работы мозга и тела. Если первое – «приветствовать жизнь» – существует без второго, то второе – «быть счастливым» – не может быть без первого, то есть без умения философически воспринимать жизнь как некий удивительнейший и прекрасный объект.

Не вызывает сомнения, что общая развитость человека, его одаренность увеличивают шансы быть счастливым, как бы раздвигая пространство для обретения агента счастья. Как только педагог начинает это понимать, он проявляет общую обеспокоенность по поводу общей развитости детей, не замыкает своего профессионального внимания на научном знании и познавательных умениях.

Например, педагог Нина Ивановна Кулик⁵ вводит в систему воспитания школьников проведение игры «Кружка», открывающей для де-

⁵ Нина Ивановна Кулик, педагог школы № 22, г. Тюмень.

тей многомерность предметов и обучающей разностороннему восприятию жизненного явления посредством смены ракурса взгляда на объект. Изменяя ракурс рассмотрения, дети обнаруживают, что картина предмета меняется, а мнения тех, кто занимает разные позиции во взгляде на предмет, не совпадают.

Одна из важнейших сторон способности быть счастливым – умение поглядеть на жизненное событие с другой стороны. Но ведь именно этому учит любая научная дисциплина. Поэтому можно сказать, что хорошее обучение – тоже залог развития способности к счастью.

Диагностировать наличие столь важнейшей способности человека можно при тонком наблюдении за реакцией человека на «неприятности жизни». Счастливый сносит и горькие превратности судьбы, как бы она ни проверяла его на выносливость. Несчастливый теряет разум и достоинство от пустячных царапин жизни.

Все замечают, что проживание счастья немедленно влечет за собою другие позитивные качества человека. Говорят, вторя А.С. Пушкину, что «счастье – лучший университет жизни». Например, развивается способность быть добрым и деликатным. Проиллюстрируем.

Рассказывает Татьяна Георгиевна Упатова:⁶

– Моя дочь в течение двух месяцев не приезжала домой (работала над диссертацией.). Сыновья мои – я это видела – очень скучали по своей сестре и обижались на нее из-за долгого отсутствия. Но вот, узнав о дате ее приезда, соорудили большую медаль, на которой нарисовали портрет своей любимой сестры, на заднем плане -- контур дома и наш подъезд, а внизу надпись: «Почетный гость родного дома». Медаль была вручена. Светились счастьем все трое...

Вдумаемся в эпизод. Счастье встречи базируется на счастье любви. Творчество произрастает из корня счастья. Несчастливые люди злы, обидчивы, сварливы и несправедливы. Счастливые берегут счастье Другого, поэтому нежны, ласковы и деликатны. Од-

⁶ Упатова Татьяна Георгиевна, педагог школы поселка Ферзиково Калужской области.

нако – настаиваем мы – здесь нет прямой связи «счастье – достоинство». Связь эта опосредована системой ценностных отношений, которые, будучи почвой для счастья, способствовали произрастанию и других положительных нравственных образований души.

Педагогическая психология настойчиво предлагает сменить жесткий тон по отношению к шалуну-ребенку, или проказнику-подростку, или неподдающейся ранней юности на ласковое прикосновение и возвышение личности путем провозглашения ее достоинств приветливым, уважительным обращением, великодушным прощением оплошностей и неудач, незаметной психологической поддержкой даже в адрес очень «трудного» ученика. Ситуация успеха как технологическая методика основательно разрабатывается в практике воспитания, потому что замечено, что

лучший способ развить букет достойных качеств – содействовать развитию способности человека быть счастливым.

Связь добродетелей и счастья замечена была давно, еще древнеримской философской мыслью. Теперь, с позиции ценностей, эта связь не кажется нам ни надуманной, ни противоестественной.

Педагогический эффект этого положения проверен многолетней и разносторонней практикой работы педагога с детьми. Особенно явственно проступает сила воспитательного эффекта в работе с детьми осложненного поведения, «трудными детьми». Их «вывихнутую жизнь» выравнивает счастье, «исковерканную душу» изменяет счастье, и проживание счастливых моментов жизни отвращает от дурного поведения тоже. Профессиональная задача педагога – научиться производить «вытеснение» негативных качеств за счет возбуждения позитивных проявлений на основании ценностных отношений к жизни и осмысления личностной значимости ценностей в действительной ситуации собственной жизни.

Шофер, проезжая мимо школьного здания, говорит пассажиру: «Если бы не эта школа, в которой я учился, я бы человеком не стал – сидел бы за решеткой». И пояснил далее: «Я бежал в школу, я несся

каждое утро в эту школу, я торопился туда за счастьем. Другого счастья нигде и никто мне не давал. Это счастье и спасло меня от гибели».

Вдумаемся: счастье спасло человека от духовной гибели. Это знает педагогически необразованный человек. А мы, педагоги, в научных работах все еще классифицируем способы «борьбы с недостатками», «борьбы с нарушениями», «борьбы с грубостью». Подобно тому, как если бы мы объявили войну несчастью, ничего не совершая для счастья.

Вращенное на ценностном поле жизни счастье само по себе есть ценность, которую мы дорожим и которая, в свою очередь, становится сильнейшим фактором нашего духовного последующего вращивания.

Даже смерть человека полна великого смысла, если проживаются ценностные отношения, если они, ценности, вообще имеются в духовном личностном мире человека.

Умиравший Иван Ильич (Л. Толстой «Смерть Ивана Ильича») вдруг перестает ощущать боль и страх смерти, он уже не думает о смерти, видя перед собою сына: «Он искал прежнего своего привычного страха смерти и не находил его. Где она? Какая смерть? Страху никакого не было, потому что и смерти не было. Вместо смерти был свет...»

Последние минуты его жизни были полны заботой о сыне-гимназисте.

Вечность ценностей определяет устойчивость счастья. Римский философ и поэт Сенека (1-ый век н.э.) советовал: «Никогда не считай счастливым того, кто зависит от счастливых случайностей».

Счастье относительно независимо, устойчиво и не подвластно разрушительным неблагоприятным внешним обстоятельствам и меняющимся жизненным условиям.

Но, проживая счастливое состояние, не теряем ли мы нечто важное для общения с другими людьми? Говорят, что счастье глаза застилает?

Приятствие, блаженство, удовольствие, довольство, наслаждение, нега, даже радость, действительно могут прервать связь с миром, потому что человек центрирует внимание на том состоянии, которое он в данный момент проживает. Счастье – иного порядка состояние: оно предполагает открытость к миру, ибо порождается счастье именно агентом окружающего мира. В состоянии счастья душа распахнута для восприятия мира и других людей. С этой точки зрения, понятна мысль Л.Толстого, который говорил, что настоящую любовь (счастье!) легко распознать: она делает человека лучше. Мудрый старец предлагает нам существенный показатель для оценки состояния. Этим показателем могут воспользоваться педагог, психолог, родители, дети, если осмыслить с ними тезис о возвышающем душу влиянии счастья на человека. Пушкинское «счастье есть лучший университет» – та же идея, высказанная в метафорической форме.

Отметим еще одну кардинального плана роль счастья. Если вспомнить, что системность есть присущая миру характеристика и что человек как феномен мира обладает всеми присущими миру качествами, а, следовательно, личность человека является системой, то возникает вопрос о системообразующем факторе: что, собственно, выстраивает эту систему? во имя чего она складывается? что дает толчок для связи между рождающимися в системе элементами? что есть тот единый результат, который производит эта живая система?

Образ счастья и желание проживать счастье в согласии с данным образом составляют фактор рождения личностной структуры: каковым представляю счастье – таковым его выстраиваю. Стремление проживать счастье вынуждает человека совершать те или иные действия: он весь в этом стремлении. Содержание образа счастья обуславливает (и такое можно предвидеть априорно) многие элементы (если не все) его личностного проявления. Счастье – вектор жизненной направленности. Знание характера вектора позволяет предсказать действия человека.

Обратим внимание на демонстративно выставленную ногу сидящего в электропоезде человека, женскую либо мужскую. Узкий проход ставит пассажиров в положение риска: пройти трудно, не запачкав платья. Не надо даже поднимать глаз, чтобы разглядеть лицо носителя низкого поведения: оно лишено черт интеллекта, благородства, достоинства; скорее всего, оно, это лицо, жуёт, как жвачное животное, смотрит нагло и с равнодушием вокруг, все ушедшее в проживания своего физического самочувствия...

Образ счастья кардинально влияет на всю систему ценностей личности, а затем – на всю систему поведения, а далее – на всю систему избираемой деятельности и, в итоге, на содержание, характер, стиль жизни. И, если нам вздумается распознать сущность человека, то выявлять надо представление о счастье как продукте его сознания, ибо это представление и выступает движущим механизмом постоянного выбора, который приходится ежедневно производить человеку. Трудно удержаться от совета: выбирая супругу, поинтересуйся, что она думает о счастье; принимая на работу молодого специалиста, предложи высказаться о счастье; оказавшись в конфликте, прежде чем искать выход из конфликта, выведи партнера на тему счастья...

В исследовании казахского педагога Лиззат Ибраевой содержится чрезвычайной важности наблюдение за казахскими студентами из далеких аулов, которые начинают изучать русский либо английский языки:

... – Они постепенно начинают уважать вообще всякого человека, вне зависимости от нации и социального положения. Они благодаря языку увидели некоторую общность всех людей на земле – раскрыли для себя ценность Человека как явления. Но самое интересное: они начинают к себе относиться с большим уважением, открыв в себе тоже Человека...⁷

Данное наблюдение подтверждает ценностный характер вектора счастья: через признание и присвоение ценностей личность

⁷ Лиззат Ибраева, педагог университета г. Чимкента Казахской республики.

располагает свои оценочные проживания в поле ценностных отношений, сама при этом, обретая статус «ценности».

Разрешим себе метафорическое представление значения образа счастья для всей жизни отдельного человека или социально-традиционного представления счастья в его влиянии на тип жизни целой социальной группы. Наше представление о счастье подобно фундаменту здания: выстроенный фундамент управляет действиями строителей, строго ограничивая и жестко предписывая систему действий и архитектурного выбора. Пытаясь понять, почему нестойко здание или, наоборот, почему вечно выстроенное здание, обращаемся непременно к анализу фундамента. Желая докопаться до секрета высочайших достижений человека, станем искать ответ в его представлении о счастье жизни.

ОТСТУПЛЕНИЕ ПЕРВОЕ: ОБРАЗОВАННОСТЬ ИЛИ ВОСПИТАННОСТЬ?

Ряд вопросов, напрямую не связанных с проблемой счастья, обуславливает практику реализации воспитательной цели. Обратимся к первому.

Образованность и воспитанность в их сопоставлении и противопоставлении приобрели статус вечного вопроса педагогики и этики, поскольку в разной степени образованные и воспитанные люди нас окружают и в разной степени доставляют нам удовлетворение либо неудовлетворение от общения с ними.

Обнаружив однажды вероятность полярного противостояния этих личностных качеств, мы склонны возносить воспитанность, пренебрегать образованностью. Так и говорим: «Был бы человек хороший, остальное – не имеет значения». И не надеемся на гармонию образованности, которая наделяет человека силой истины, и воспитанности, которая наполняет его душу добром. А гармония нам необходима как залог счастья. Дисгармония раздражает, терзает душу, беспокойство же затмевает радость.

«Приоритет воспитания», провозглашаемый сегодня, никак не решает проблемы. Но «приоритет образования», имеющий длительную историю в отечественном воспитании, нас пугает, когда мы вспоминаем некоторые социальные события, например, «11сентября». Здесь не может быть первенства или главенства. Ведь знания о мире есть средство существования в этом мире. А отношение к миру есть содержание нашей жизни. Средство и содержание не конкурируют между собою, как не могут соперничать «танец» и «радость движения» или «компьютер» и «банк данных».

Все дело в этическом векторе образованности: в какую сторону направлен мотив приобретения образования и во имя чего используются обретенные знания? Мотивационный вектор – механизм гармонии образованности и воспитанности. Если он направлен в сторону ценностей жизни, то образование обретает ценностный характер, становясь само по себе ценностью: знание есть сила, позволяющая человеку выстраивать счастье. Если вектор образования направлен в сторону квази-ценностей,

то и само образование теряет ценностную квалификацию, и то, что производит человек благодаря образованности, приобретает характеристики негативные.

Повседневность постоянно нас в этом убеждает. Студент, поступающий на юридический или финансовый факультет во имя будущего обогащения, очень скоро обнаружит вектор своего профессионализма в махинациях и сомнительных технологиях. Оглашение его непорядочных или преступных действий повлечет за собою разговоры о несоответствии образованности и воспитанности. Но у данного студента, когда он поступал в вуз и когда он стал специалистом избранной сферы, как раз была полная гармония между его мотивацией действий и самими действиями: он глубоко изучал свое дело, чтобы найти способы для реализации личной выгоды. Обретаемая им образованность замыкалась на нем самом, не выводила его в широкое пространство ценностных отношений. Не зная этого, специалист ограничил собственные возможности быть счастливым. Иная картина у другого студента, мотивационный вектор которого был направлен на улучшение жизни людей, на преобразование жизни. Взаимодействие с данным ценностным объектом при любых трудных условиях доставит ему проживание счастья.

Само по себе образование – как всякое средство – феликсологически нейтрально, хотя, разумеется, создает больше предпосылок к счастью, чем необразованность, ибо расширяет рамки жизненного пространства.

Что касается воспитанности, о которой обыватель цинично толкует как о препятствии к счастью («совесть мешает жить»), то и тут не существует прямой зависимости, так как воспитанность человека (вектор – «Другой человек») должна быть оснащена средствами взаимодействия с людьми и миром как таковым. При неоснащенности человека культурными средствами его воспитанность бесплодна, а значит, феликсологически неплодотворна.

Тип человека, жалующегося на собственные якобы высокие достоинства, но не имеющего счастья, достаточно часто встречается. Такого человека жалеют, пытаются оказать помощь, при этом чувствуя бесполезность такого шага. Стоит лишь вслушаться в речь несчастной добродетели: «не ворую»,

«не обижаю», «не лгу», «не ленюсь» – вот что обычно говорит такая «воспитанность» низкой образованности и малой степени разумной воли и умения взаимодействовать с миром; человек же ничего не делает во имя конструирования своей счастливой жизни, он только «не нарушает» общепринятых норм. А ведь для достоинства человека этого мало: надо, чтобы человек созидал, производил, совершал, выражал, утверждал.

Необразованность снижает шансы человека прожить счастье именно потому, что сужает границы для творчества и ограничивает способы самовыражения. В той же степени невоспитанность препятствует счастливой жизни, так как держит человека в рамках замкнутой жизни, центрированной на собственной личности и собственных проблемах, не выводя на Другого человека как носителя иного, интереснейшего мира, снижает способность взаимодействия с людьми и обществом в целом.

МНОГОЗНАЧНЫЙ ОБЛИК СЧАСТЬЯ (или КАК ВЫГЛЯДИТ СЧАСТЬЕ?)

Лексика богата словами, обозначающими нечто похожее на счастье. Например, «удовольствие». Удовольствие – часть счастья, его составляющая, одно из слагаемых счастья, основанное на приятных ощущениях. В автономном, самостоятельном виде – еще не счастье, но преддверие, «порог» счастья. Мы получаем удовольствие, когда проводим рукой по мягкому меху, когда учуяли запах праздничного пирога, когда вошли в прохладную воду жарким летом, когда подул нежный ветерок или когда мы расположились на мягком сидении красивого автомобиля. «Наслаждение» отражает высокую степень удовольствия, еще более явно указывает на канал сенсорного восприятия объекта, доставившего нам высокие ощущения.

Есть еще «радость», «восторг», «нега», «блаженство», «эйфория», «довольство», «приятствие», «удовлетворение»... Остановимся на последнем.

Удовлетворение – соотнесение представления желаемого с реально обретаемым и проживание довольства по поводу совпадения ожидаемого образа того и другого. Так, швея разглядывает сшитое платье удовлетворенно, если замысел удался; с удовлетворением глядит на решенную задачу ученик; удовлетворение выражает пешеход, добравшийся до цели своего движения по многолюдным улицам – он заявляет: «Какое счастье, что я пришел, наконец». Конечно, он ошибся в лексическом отборе. То, что он переживает, а вернее, чувствует, а еще точнее, ощущает, похоже на счастье, но это не есть счастье.

Удовлетворенность жизнью – процесс общего, охватывающего всю личностную систему состояния проживания значимости мира либо жизни как таковой. И в качестве процесса удовлетворенность имеет свою длительность, пространство, направленность и содержание.

Счастье непропорционально количеству полученных удовольствий: кошка тоже мурлычет от удовольствия, но счастья она не проживает.

Когда садовник склоняется над проклюнувшимся ростком, он испытывает удовольствие (ему приятно его видеть), удовлетворенность (появлению ростка предшествовал долгий процесс ухода за ним) и удовлетворение своей жизнью, наполненной творческим трудом по возвращению красоты (он оценивает плоды своего труда и себя как создателя жизни). Смещение понятий происходит потому, что внешние показатели переживаемых чувств одинаковы, их легко спутать, одно принять за другое. Сам субъект тоже не всегда отдает себе отчет, какова природа его состояния. А такой тонкий показатель, как «счастье проживается», а другая палитра положительных состояний «переживается», – слишком сложен.

Философский анализ обнаруживает нечто единое в проживании счастья всеми людьми на земле, несмотря на кажущееся разнообразие «личного счастья». *Критерием оценки счастья, то есть меркой, на основании которой производится характеристика проживаемого состояния как счастливого состояния, является удовлетворенность Жизнью.* Степень удовлетворенности, разумеется, различна, но само наличие такого состояния, как удовлетворенность, свидетельствует о проживании счастливого состояния.

Будучи содержанием счастья, удовлетворенность имеет свои внешние характеристики, по которым мы безошибочно, как правило, узнаем момент счастья. Эмоциональная возбужденность положительного знака всегда сопутствует проживанию счастья, однако такая характеристика слишком обща, ее явно недостаточно, необходимы более конкретные черты-показатели для распознавания объекта.

Показатели счастья – те внешние проявления, знаки, по которым можно судить о состоянии. Проживание состояния счастья демонстрируется человеком вербально и невербально. Вербальные показатели складываются из сочетания лексики, интонации, мелодики голоса, стилистики. В лексике присутствуют междометия (ох, ух, ах и др.), восклицательные предложения, передающие эмоциональную насыщенность проживаемого состояния. Речь мелодична, благозвучна и приятна для слуха окружающих. В то же время, речь счастливого человека достаточно ритмична, к чему побуждает его возбуждение от счастья. Счастливый человек интонационно выражает свое отношение к проживаемому им состоя-

нию: повышает или понижает тон своего голоса, делает определенные акценты. Мелодика речи счастливого человека мажорна, ритмична, игрива, нежна, переливчата. Счастливый «поет» о своем счастье. Но как только вектор счастья меняет свое направление, т.е. переходит в состояние несчастья, то и все показатели меняются на противоположные. Минор, сбивчивый ритм, слабые темпы речи, тусклые краски лексики, унылая монотонность, низкая стилистика – вот такие черты окрашивают речь несчастливому.

Невербальные показатели создаются позой, пластикой, мимикой, жестами, темпо-ритмом движений. Принято считать, что они богаче и разнообразней вербальных показателей. К тому же, они более достоверны, так как менее контролируемы сознанием и свободнее в своем выражении. «Сияющие глаза», «легкая походка», «свободная осанка», «торжествующий вид», «грациозность движений», «лучезарность» – это все характеристики портрета счастливого состояния.

Психологи утверждают, что за счет невербальных средств передается большее количество тонкой коммуникативно-значимой информации в процессе взаимодействия людей. Мимика отражает состояние путем движения лицевых мышц, пластика – средствами позы, жестов, осанки, телодвижения, костюм подчеркивает выраженное невербально состояние атрибутами одежды, прически, макияжа. Мимика счастливого человека выражает чувства радости, восторга, упоения и его мысли, т.е. отношение к происходящему и оценку, движением лицевых мышц (лицо открыто, улыбка, блеск глаз и др.). Она наполнена положительными чувствами, эмоциями, мыслями и побуждениями.

Легкая, свободная, оживленная, выразительная пластика также сообщает о состоянии проживания счастья. Поза счастливого выражает гордость, уверенность и свободу. Положение тела прямое, плечи расправлены, голова высоко поднята, осанка прямая и легкая, жесты немного возбужденные (что связано с эмоциональным переживанием) и ритмичные, а телодвижения стремительные, как бы «летающие». Пластикой счастливый человек сообщает свою расположенность к окружающим, готовность к общению и взаимодействию.

Посредством невербальных показателей он невольно информирует о состоянии проживания счастья: «я спокоен, уверен в

себе, я знаю, чего хочу, я люблю эту жизнь, этот мир как место проживания моего счастья и желаю счастья окружающим». Лексический набор человека в этот момент позитивен, он избегает грубых слов, склонен к употреблению эвфемизмов.

Внешний вид несет в себе информацию о состоянии человека: одежда аккуратна и красива, волосы причесаны, лицо ухожено. Счастливый человек заботится о своей внешности и украшает себя, хотя при этом часто присутствует именно элемент свободной подчеркнутой небрежности – счастливому как будто бы не до одежды – при его увлечении жизнью он не удосуживается заботой о своем внешнем оформлении.

Заметим попутно в скобках: неряшливые одежды сегодняшнего школьника должны педагогов беспокоить не столько потому, что нарушаются нормы аккуратности, а потому, что невымытое тряпье вместо красивого платья свидетельствует о неблагоприятном душевном состоянии, в частности, об отсутствии счастья у носителей лохмотьев.

Как правило, в соединении и взаимном дополнении находятся все показатели проживаемого состояния: улыбаясь, человек общается, что счастлив; плача, выражает свое несчастье; легко и быстро бежит навстречу будущему счастью, распевая песни; смеется и плачет одновременно, произнося благодарственную речь; обнимает ребенка и бормочет какие-то бессмысленные слова.

Иногда вербальные и невербальные показатели складываются в причудливые и индивидуально-неповторимые композиции. Например, проживание счастья мальчиком Дениской Кораблевым:

*«Борис Сергеевич заиграл, а я набрал побольше воздуха да как за-
пою:*

Высоко в небе ясном

Вьется алый стяг.

Мне нравится эта песня. Так и вижу синее-синее небо, жарко, кони стучат копытами, у них красивые лиловые глаза, а в небе вьется алый стяг. Тут я зажмурился от восторга и закричал, что было сил:

Мы мчимся на конях туда,

Где виден враг!

И в битве упоительной...

Я нажал себе на живот, вышло еще громче, и я чуть не лопнул:

Мы врезались в Крым!

Тут я остановился, потому что я был весь потный, и у меня дрожали колени...»¹

Рассмотренное множество не исчерпывает даже поверхностного очертания счастья как человеческого состояния, ибо за гранью привычного представления о счастье располагается внутреннее, глубоко скрытое проживание удовлетворения своей жизнью. И оно, это скрытое и глубокое, проявляет себя внешне иначе, если не сказать точнее: никак себя не проявляет особенным образом, так чтобы можно было констатировать наличие счастья. Трудность вопроса здесь в том, что и сам субъект как носитель счастья, и второй субъект как наблюдатель единодушны в своем восприятии. Они не обнаруживают счастья в каждодневных ситуациях обыденности: приготовить завтрак для семьи, помыть посуду, проводить детей в школу, пожурить их за шалости, рассердиться на жену за легкомыслие, пожаловаться на то, что дети быстро изнашивают одежду, помыть котенка и смеяться над его смешным мокрым видом, досадовать на мужа, давно не сообщающего о своей любви, просидеть полночи над отчетом... Все это кажется таким далеким от счастья. Убедиться в ошибочности мнения помогает... несчастье: стоит лишь потерять одно слагаемое своей жизни, как начинаешь понимать, что ты проживал счастье, оно сидело внутри глубоко и тихо, дожидаясь, когда наконец глупец-человек осознает, что сам процесс жизни с ее деталями и событиями составляет счастье.

Мать перебирает игрушки выросших детей, вспоминая о счастье тех лет... Муж, оставшись один в пустой квартире, мечется из угла в угол, только теперь зная, что вчера было счастье, которое они с женой разрушили сами... Педагог перед выпускным балом помнит счастье взаимодействия с детьми, которые сегодня навсегда покидают школу...

¹ Драгунский В. Слава Ивана Козловского. // Денискины рассказы.

Пенсионер, проснувшись утром, вспоминает те сладостные мгновения жизни, когда надо было торопиться на работу, где тебя ждали и где без тебя не начинался водоворот производственных операций...

Серьезное задумчивое лицо, озабоченная пластика, сердитый голос, недосыпание и забытый остывший обед на столе, даже отчаяние и волнение – все это тоже могут быть показателями счастья, проживаемого за пределами осознания момента как значимой части жизни. Назовем этот феномен «отсроченным проживанием счастья». И перестанем считать, что облик счастья подобен облику пустого гуляки, бездельника и весельчака.

При бесконечности многообразия внешних показателей счастье единообразно благодаря выделенному нами единому сущностному признаку – проживанию субъектом общего удовлетворения жизнью. И не имеет принципиального значения, проживается удовлетворение как аккордная оценка жизни в целом либо как краткий миг, вызванный каким-то отдельным обстоятельством, предметом, событием, эпизодом.

Фактором счастья мы назовем нечто потенциальное, что могло бы вызывать в ходе взаимодействия человека с миром состояние высокой удовлетворенности жизнью как таковой. Фактор счастья, существуя потенциально, еще не становится реальной движущей причиной счастья. В роли личностного побудителя счастья фактор выступает как некий агент – то конкретное, что содействует реальному счастливому состоянию «здесь и сейчас». Допустим, увидел знакомого – и вдруг ощутил такое счастье, что испугался своему состоянию: неужели так дорог мне этот человек?! Приехал к морю – понял, что жизнь прекрасна и ты счастливейший из смертных. Защитил проект или вырастил красивый цветок – хожу упоенный жизнью, которую я выстраиваю. Агентов счастья бесчисленное количество: от котенка ...до Нобелевской премии. Их ровно столько, сколько объектов мира. Факторы счастья отражают обобщение конкретной бесконечности этих агентов.

При обобщении разнообразия проживания счастья все-таки обнаруживается некое однообразие: вот «счастье бытия», а это явно «счастье бытования», тут речь идет о «счастье общения», а здесь имеем дело со «счастьем созидания», а это – «счастье преобразования». С одной стороны, правы те, кто говорит, что у каж-

дого свое счастье. С другой стороны, правомерно утверждать, что счастье вообще едино для всех людей. Ракурс и уровень абстракции определяют правильность суждений о счастье.

Единых факторов счастья – пять. Они носят общий интегральный характер, имея бесчисленное многообразие конкретных проявлений.

Первый фактор – само бытийное существование на земле («Я живу!»), острое ощущение в себе жизни и себя как живого, острые положительные переживания в связи с окружающей природой («Как прекрасно вокруг!»), острые ощущения своих физических сил («Я бегу, бегу!..»), острое проживание своей силы, ловкости, упругости, красоты тела, своей физической свободы («Я» могу!..»).

Вот примеры фрагментарных высказываний о проживании счастья данного вида:²

– Я счастлив, потому что мне нравится солнечная погода...– говорит пятиклассник.

– Я счастливый человек. У меня есть руки, ноги, глаза, уши, мои родители живы и здоровы, я сам здоров...– это говорит девятиклассник.

– Жизнь – это уже счастье... – высказывается десятиклассник.

Фактор бытия не покидает нас, пока мы живы. Можно было бы сказать, что данная разновидность счастья всегда присутствует в нас, если бы привычность окружения не снижала остроту проживания взаимодействия с миром. Мы почти не ценим счастья бытия, потому что оно прячется в самой сути жизни. Зато вдруг открываем его, когда болели и выздоравливаем, когда кто-то рядом умер и пахнуло смертью, когда слышим о гибели людей в катастрофе, когда родился ребенок. Правда, два периода жизни ввергают нас в особенное ощущение счастья бытия: детство и старость. Первое – как расцвет жизненных сил и отчетливое их прочувствование в себе; второе – как подготовка к прощанию с существованием твоего «Я» на земле.

Второй фактор – момент удовлетворения материальных потребностей организма человека («Как вкусно! Прямо блаженство!»)

² Материалы школы № 36, г.Смоленск.

или «Какое счастье – выспаться!»), ситуация органического комфорта («Просто счастье иметь отдельную комнату!»), осознание свободы от постоянных поисков средств существования («Наконец, я счастлив: не надо думать, где найти денег на хлеб!»); осознание заслуженного отдыха после рабочего дня («Наконец, можно расслабиться, какое счастье – вытянуть ноги и закрыть глаза!»).

Приведем примеры представлений о счастье такого вида, только добавим, что приходится оперировать материалами, которые доставили автору не дети, а учителя, поставленные сегодня в истинно нищенское положение:

- *Счастье – это деньги, материальное благополучие...*
- *Счастье – это когда сыт, здоров, одет и можешь трудиться...*
- *Счастье для меня означает деньги, высокая должность, хорошее материальное положение...*

Заметим, что у детей почти не встретишь такого рода оценок счастья. Никого не желая обидеть, мы бы хотели поставить рядом с выше написанным следующее высказывание ученика этих учителей: «А машины, деньги, квартиры – все второстепенное». Детство прекрасно тем, что свободно от материальных забот, ребенок принимает материальные условия как данное, и его счастье бытия никак не уничтожается низким уровнем этих условий. Поглядим на школьников во время перемены: они скачут по ступенькам лестницы, они несутся по школьному двору, они все без исключения – замечательный фонтан счастливого проживания своего существования на земле. Тусклая озабоченность материальными средствами появляется позже, чтобы к старости вновь освободить человека от цепких когтей потребительства. Дети и старики – особые представители человечества свободной духовной ипостаси.

Третий фактор – процесс общения с людьми в самых разных формах его протекания: знакомства («Я так рад видеть вас!»), приятельства («Здорово, друг! Сыграем партию в шахматы!? Счастлив с тобою сразиться»), товарищества («Какое счастье – иметь дело с вами!»), дружбы («Скучал без тебя, сейчас безмерно рад!»), любви, половой любви («Я умру без тебя!»), а также опосредованного общения, предоставляемого произведениями искусства и литературы («Слушаю Паганини!») или «Мой дорогой Пушкин, спаси-

бо тебе...»), иногда такое общение инструментуется во взаимодействии с животными («Мне купили собаку! Я счастливый, у меня теперь есть друг!»).

Проиллюстрируем детскими представлениями и эту разновидность счастья:

– *Счастье – это чувство, когда что-то происходит хорошее со мною и с другими...*

– *Я счастлив, потому что у меня есть друзья...*

– *Думаю, что счастье – это любовь...*

Фактор общения имеет приоритет в период отрочества и юности, когда осознание своего «Я» происходит лишь при условии другого «Я», рядом находящегося. Разнополовое общение особенно значимо на этом возрастном этапе, женское и мужское начало завершает свое становление, а жажда любви и проживание любви приносят высочайшего уровня положительные чувства. Хотя нельзя отрицать значение общения для счастливого проживания в детстве и старости, специфика его в сужении круга общения до общения с близкими людьми. Пример одинокой старости, которая заводит собаку или кошку, попугая или морскую свинку в доме, – яркая иллюстрация тяготения к «близкому» существу, которое рядом и которое можно любить, или которое тебя любит.

Четвертый фактор – любого характера созидательная деятельность (творчество в широком значении) человека, который благодаря своей физической либо духовной активности создал нечто, чего на земле не существовало без него до сих пор («Смотри, смотри же: я нарисовал море!» или «Я сегодня счастливый – я сделал то, что у меня раньше не получалось!»), от приготовленного обеда и до проектирования уникального моста через реку. В школьной среде такое понимание свойственно как детям и юношеству, так и учителям школы. Представим примеры:

– *Я была бы более счастлива, если бы умела оказывать влияние на воспитательный процесс, имела сильную волю и уверенность в себе...и жила бы среди трудолюбивых и порядочных людей, – так пишет учитель школы.*

– *Я счастлива, потому что у нас есть театр и мы ставим интересные спектакли... – это мнение ученицы.*

Иницилируя проживание «счастья созидания», педагог делает акценты на роли деятельности как способе человека выразить себя для других, говорит о гениальности, таланте и одаренности как высотах развитых способностей человека, о мастерстве и профессионализме, признании и непризнании другими деятельных заслуг человека, предъясвляет творчество как движение к цели, обсуждает значение радости от любимого дела и уныния от принудительной деятельности и др.

Прерогатива в особом обладании этой разновидностью счастья, несомненно, принадлежит возрасту зрелости, оснащенной знаниями, профессиональными творческими умениями, физическими и интеллектуальными силами. Как правило, молодость пробует свои силы в творчестве, старость проживает удовлетворенность уже свершенным.

Пятый фактор – самого разного порядка влияние на жизнь, усовершенствование социальной либо индивидуальной жизни, когда человек выступает конструктором судьбы, сотворцом хода социально-исторического развития или индивидуально-психологического развития личности, но также и живого существа³ («Я добился, чего хотел!» или «Я счастлив: мои дети сегодня поняли наконец, что такое причастный оборот!»). И данная разновидность не исключена из общего представления о счастье детей и педагогов:

– Счастливый человек строит жизнь сам, не зависит от злого рока судьбы... – это заявляет десятиклассник.

– Когда я вижу улучшение жизни вокруг, я счастлив...– делится мыслями учитель.

А вот рассказывает о своей работе студент Дмитрий Путинцев⁴:

³ Еще раз отсылаем читателя к автору мировой известности – ветеринарному врачу Джеймсу Хэрриоту, его блистательные рассказы об излечении животных являются ярчайшей иллюстрацией счастья «конструктора жизни».

⁴ Путинцев Дмитрий, студент психолого-педагогического факультета МПГУ им.Ленина.

– В декабре к нам поступил больной 20 лет в состоянии клинической смерти. Бригада фельдшеров была сильной и дружной. Мы оперативно начали реанимационные мероприятия. Работали 20 минут. Мы справились. Когда все закончилось благополучно, мы почувствовали усталость и состояние огромного счастья, радости, что мы продлили жизнь человеку. И у меня даже родилось желание петь... Возвращаясь домой, я снова и снова вспоминал все происшедшее и нес в себе эту радость.

Масштабы позитивного воздействия на процесс жизни (индивидуальной, групповой, социальной, семейной, производственной и т.д.), безусловно, неодинаковы. Великие люди, герои, знаменитости, государственные люди более масштабны в их влиянии на ход социальной жизни. Рядовой человек на такой масштаб не претендует. Дети, само собой разумеется, в их влиянии ограничены узким кругом людей. Но – при всем при том! – вне зависимости от возраста и социального статуса, любой человек либо поднимается на уровень счастья творческого преобразования жизни, либо пассивно принимает ее такую, каковой она дана ему социумом. Зрелость нравственная обуславливает в большей степени реальность такого восхождения, а значит, и проживание счастья преобразования жизни.

Зачастую говорят о том, что новое поколение имеет иные представления о счастье, что взрослые и дети иначе оценивают счастье жизни. Любопытно, данное положение не оспаривается, принимается большинством в качестве аксиомы. Что касается воспитания, то с горечью добавляют, что у педагогов и их воспитанников чуть ли не прямо противоположные представления о счастье, а следовательно, говорить о педагогическом содействии счастью ребенка бесполезно и бессмысленно.

Нельзя согласиться с таким расхожим мнением. Формы выражения счастья иные – это правда. Однако содержание остается неизменным, так как оно отражает основные факторы жизни, определяющие характер ее протекания. Форма конкретна и бесконечна в своем разнообразии. Содержание же абстрактно, в широком обобщении его располагается вся палитра факторов удовлетворенности жизнью.

Рассмотрим на примерах.

– *Подросток заявляет, что самокат есть для него величайшее счастье. В это же время педагог заявляет, что ему подарили счастье, когда доставили в класс новый видеомаягнитофон.*

Оба проживают счастье второй разновидности, когда средства существования обеспечивают чувство удовлетворенности жизнью на данный момент.

– *Юноша сообщает, что был счастлив на вчерашней вечеринке, где удалось максимально «расслабиться». Педагог вчера вечером тоже был счастлив, когда тихо пристроился в мягком кресле и сладко отдыхал под музыку.*

И здесь счастье единой разновидности, агентом удовлетворенности выступает ощущение органического комфорта, возраст лишь изменил форму комфорта для молодого тела и для тела пожилого человека.

«Я ем пирог» – «я угощаю пирогом» – «я пеку пироги» – «я преподношу испеченный пирог юбиляру» – «я кормлю голодных испеченным мною пирогом». Агент счастья – «пирог». Но какие разительные изменения происходят, как только меняется социально-психологическая ситуация воздействия данного агента! Они позволяют говорить об уровнеом проживании счастья: чем значимее социально-психологическая ситуация воздействия феликсологического агента, тем сильнее и длительнее счастливое проживание. Пирог, в конце концов, съедается, а платье изнашивается, и к мосту через реку привыкаешь, – дерево же, посаженное тобою, ежегодно, ежесезонно, еженедельно дает тебе новые проживания счастья своей разворачивающейся жизнью; и ребенок, возвращенный тобою, становится вечным для тебя агентом счастья. Правда, при одном условии: эти агенты должны быть наполнены ценностным содержанием, чтобы стать факторами счастья.

Любой предмет действительности может играть роль агента счастья, а значит, стать фактором счастья, если человек способен увидеть в предмете ценностное содержание.

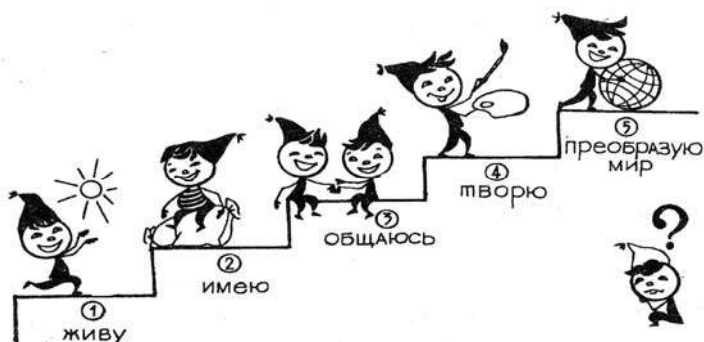
Если такой возможностью человек не обладает, ему придется удовольствоваться примитивной подменой счастья -- отсутствием несчастья. Случай достаточно распространенный. Об этом свидетельствует привычный эпизод: «Как живешь?» – встречает человек вопросом приятеля. И, если слышит в ответ «хорошо», теряет интерес к развертыванию оценки, потому что знает, что сейчас пойдет разговор о работе, о семье, об успехах детей, о здоровье, об отдыхе... Довольно однообразная для вопрошателя картина: ведь он не умеет извлекать ценностное содержание из повседневной обыденности. Тогда не позволительно ли предположить, что мы жаждали и надеялись узнать о несчастье человека, спрашивая, как он живет?! Потому что в случае отсутствия счастья успокаивает частично несчастье других людей?

Рискуя огрубить тонкую проблему счастья, предложим ввести понятие «уровня счастья», сопряженное с понятием «разновидность счастья». Основанием для такого смелого шага станет для нас колоссальный фактический материал исторического, публицистического, мемуарного, художественного, автобиографического плана, а также факты повседневной жизни, которые свидетельствуют о том, что острота и длительность состояния счастья напрямую обусловлена именно факторами счастья.

Существует некая поступенчатость в постижении счастья жизни. Сначала то, что предоставляет природа, – «счастье бытия», когда проживание счастья почти не ощущается, за исключением редких ситуаций (например, человек выздоравливает после тяжелой болезни, или наступили теплые дни после морозов и метелей); и «счастье бытования», «счастье витальных удовлетворенных потребностей» (например, голодный становится сытым, раздетый приобретает одежду, не имеющий жилища обустраивается в новом доме), когда очень быстро вырастают новые потребности и улетучивается краткий миг счастья. Потом развивается потребность в другом человеке (родные, знакомые, приятели, товарищи, друзья, любимые) – «счастье общения», которое острее переживается и длится дольше (вечная дружба, любовь до гроба, единение родственных душ), но уже не всех посещающее и не всем доступное. На этой ступени счастья стоит homo moralis. Затем деятельного и созидательного человека ожидает «счастье творчества», когда он как

homo faber порождает усилиями своего тела и души то, чего на земле не существовало, испытывая глубокое и неизменяемое удовлетворение своей жизнью на земле. Наконец, человек как субъект собственной жизни и обстоятельств окружающей жизни может восходить на ступень «счастья преобразования», когда испытывает удовлетворение им же созданной жизнью и тем, что реализовал смысл своей жизни. На этой ступени людей не так много, но, тем не менее, почти все побывали хотя бы эпизодически на таком взлете своей души.

Условно и метафорически представим такое восхождение человека к счастью и проживанию всех его разновидностей следующим рисунком:

«Счастье бытия» – слабо осознанное, мало ценимое людьми, так как оно присуще всем и воспринимается как само собой разумеющееся состояние, изначально данное человеку природой свойство жить: есть, спать, отдыхать, выполнять жизненные функции. Обыденное человеческое существование определяет «счастье бытия». Сама жизнь настолько ценна, что спокойное проживание без горестных событий может восприниматься как счастье. Как правило, человек лишь в зрелые годы начинает понимать и ценить счастье от ощущения гармонии бытия, от красоты жизни и природы, физического здоровья.

Л.Н. Толстой в письме к Фету так описывал эту разновидность счастья: «Теперь лето – и прелестное лето, и я, как обыкновен-

но, ошалевая от радости плотской жизни... Я радуюсь жизни и больше почти ничего не делаю...»⁵.

«Счастье бытия» играет особую роль в процессе «привязывания» человека к жизни. Любить жизнь мы начинаем с этой первой ступени. Ее миновать нельзя: она базовая, фундаментальная, потому что проживание счастья жизни здесь целостное, органическое, острое и всестороннее. Если удастся развить в ребенке такого рода счастливое ощущение жизни, можно считать, что педагог предопределил дальнейшее духовное становление личности.

Приглашаем вас еще раз прочитать страницы чудесной повести Р.Брэдбери «Вино из одуванчиков»:

...Вот что неожиданно пришло к нему, и теперь останется с ним, и уже никогда его не покинет.

-- Я ЖИВОЙ, – подумал он...

Шептались травы. Он опустил руку и ощутил их пушистые ножны. И где-то далеко, в теннисных туфлях, шевельнул пальцами. В ушах, как в раковинах, вздыхал ветер. Многоцветный мир переливался в зрачках, точно пестрые картинки в хрустальном шаре. Лесистые холмы были усеяны цветами, будто осколками солнца...Тело жадно дышало миллионами пор.

-- Я, и правда, живой, -- думал Дуглас. -- Прежде я этого не знал, а может, и знал, да не помню...

Обратимся к конкретным детям конкретной школы. Рассмотрим веер самых разных представлений школьников о счастье. Размышляют ученики педагога Ольги Владимировны Федоскиной⁶ на тему «Как я хочу прожить жизнь, чтобы быть счастливым»:

- ... Для меня жить счастливо – это иметь много друзей, чтобы меня уважали, чтобы им было интересно и приятно со мной общаться (Путилова Юлия).

- ... Кто-то хочет быть богатым, а кто-то счастливым...Я хочу помогать людям общаться друг с другом. Хочу, чтобы на свете бы-

⁵ Из книги Р.Роллана «Жизнь великих людей». -- М., 1993, с.319.

⁶ Боровская средняя общеобразовательная школа №1, Тюменская область, педагог Федоскина Ольга Владимировна.

ло поменьше зла. Мечтаю быть переводчиком...(Латфуилина Наташа).

- ... Я хочу рассказать, как проживу жизнь счастливо. Для этого мне нужно иметь много друзей, быть добрым и иметь хорошую работу... (Казанцев Максим).

Листая страницы множества незатейливых детских сочинений, нельзя не заметить поразительного единообразия широчайшего многообразия. Непохожесть мнимая, иллюзорная. Разнообразны лишь формы проживания счастья. Единство же – в содержании проживаемого: дети сообщают об одних и тех же разновидностях счастья. Более того, у нас есть возможность пронаблюдать динамику представления о счастье одного из этих юных мыслителей: открываем стихи Оксаны Петренко, написанные во втором классе (педагог сохранил их), они называются «Хорошо на свете жить»:

*В классе есть у нас мальчишка,
Любит весело дурить
И при этом говорить:
«Хорошо на свете жить».*

*Но однажды, но однажды
Он принес лягушку в класс
И сказал лягушке: «Раз!»*

И лягушка с громким криком

*Прыгнула через кольцо.
И о парту - плюх-плюх-плюх,
И в компот Сережке - бух.
А Сережка испугался,
От компота отказался,
Это просто же лягушка –
Веселушка-хохотушка.
Хорошо на свете жить:
Можно с другом пошалить.⁷*

А вот что думает о счастье уже подросший автор этого стихотворения:

⁷ Петренко Оксана, ученица средней школы №1, пос.Боровский Тюменской области.

...Я хочу каждый день радоваться яркому солнцу, зеленой травке, каждой птичке и букашке...Я хочу видеть, как распускается цветок, как набухают почки, не хочу пропустить ни одной минуты, да что там минуты – ни одной секунды... (Петренко Оксана, 9 класс).

Не имеет значения художественный слог. Здесь игра творческих сил маленькой девочки и сам момент игры есть момент проживания счастья; общение с друзьями, приятельские взаимоотношения с существом природным, свободная деятельность, выступающая за рамки общепринятого, а главное – выдумка, созидательность, хотя и в виде шалости; шалость в данном случае – проба творчества, проба свободного выявления своего «Я». Ранняя юность не аннулировала данные агенты счастья – они остались теми же, лишь переместилось их иерархическое место, и в юности более значимым оказывается другой агент счастья. Их обобщенный вариант – это и есть факторы счастья. Единые для всех людей и для всего человечества, несмотря на бесконечные вариации форм их выражения.

Суть проблемы способности быть счастливым – в переходе объективного **фактора счастья** в субъективный **агент** счастья или же смещении субъективного агента счастья в объективный фактор счастья. Теперь раскрывается тайна многоликости счастья. Счастлив субъект-один, отправляясь на свидание. Счастье проживает субъект-два, угощая гостей пирогами. Субъект-три светится счастьем от нового наряда. Субъект-четыре поет от счастья, собирая урожай. А субъект-пять наполняется счастьем при восприятии звездного неба. Здесь нет «высокого» и «низкого» счастья. Здесь счастье в его разновидности. Здесь разные субъекты, для которых разные агенты мира выступают факторами острого эмоционально проживания удовлетворенности жизнью на земле.

Пустота ценностного пространства, а вернее, узость ценностного социально-психологического пространства, конечно, уменьшает возможность такого перехода, иногда просто исключает реализацию потенциального. Поэтому при одинаковых природно-социальных и материальных условиях люди обретают разную меру способности проживать счастье, а значит, быть счастливыми. Один при виде распускающихся цветов (агент субъективный!) уже счастлив, воспринимая этот момент как расцвет жизни (объективный

фактор!). Другой при воспоминании о трудовом дне (субъективный фактор!) уже несчастлив, так как не видит смысла в своей профессиональной работе (отсутствует объективный фактор!).

Когда психологи говорят о смещении мотива на цель, то они раскрывают для нашего феликсологического вопроса психологический механизм зарождения счастья (либо несчастья).

Более того, если для человека значима вся палитра факторов счастья (он остро ощущает радость жизни, ему доставляют наслаждение материальные блага, он высоко ценит общение с Другим, у него есть захватывающая, интересная работа и, наконец, его присутствие в жизни содействует улучшению жизни в каком-то микросоциуме), если все это присутствует в жизни человека, то говорят о так называемом «полном» счастье. Понятием «полное счастье» правомерно пользуются люди в обыденной жизни. Они говорят: «Чего тебе не хватает для полного счастья?» И поясняют таким образом: «Ты здоров, молод, полон сил; у тебя есть семья, любимая жена, хорошая работа, вы живете в материальном достатке, у вас красивый дом...?» Исчерпав все виды своего представления о счастье, недоуменно замолкает обвинитель. Но он забыл о высокой степени проживания счастья – о творчестве и участии в преобразовании жизни. Вот чего не хватает «несчастливому». До «полного счастья».

Существует возможность «компенсации»: отсутствие одного из факторов не зачеркивает счастья жизни, потому что другой фактор в увеличенной мере может компенсировать нечто отсутствующее в жизни человека. Так, одинокая старость находит приют для счастья в общении с природой; инвалид обретает счастье в творческой работе; бездетная супружеская пара создает «семейный дом», посвятив себя воспитанию сирот.

Производя выбор, человек ориентируется на счастье высшего порядка, отдавая предпочтение наивысшим разновидностям счастья, как он их себе представляет

В определенной социальной группе такого рода предпочтения традиционны, поэтому сознание не фиксирует характеристик производимого выбора, квалифицируя его как единственно возможный и естественный. Лишь в столкновении представителей

разных социальных групп резко выявляется предпочтительность разного порядка агентов счастья. Хотя еще раз подчеркнем: здесь трудно говорить о предпочтительности той или другой разновидности. Правильнее было бы вести речь о соотношении природы и культуры, прирожденного и приобретенного, персонального и социального. Отдавать приоритет «счастью бытия», или «счастью любви», или «счастью творчества» бессмысленно, ибо разновидности счастья в своей совокупности – залог гармонии с миром. Индивидуальность в своем возрастном, половом, характерологическом, профессиональном, интеллектуальном, образовательном отличии выстраивает в своей личностной структуре, называемой духовным миром, свой вариант иерархии факторов счастья. Потому и столь прочны индивидуальные различия духовного плана, ибо они имеют основанием феликсологический выбор.

Ступени счастья условны, метафоричны. Зато такая картинка позволяет понять процесс потери счастья до его обретения. Суета, мелочные заботы, предметы и вещи, маленькие конкретные неприятности отвлекают человека от самой жизни. То он на грядках все лето провел, то всю зиму потреблял выращенные летние заготовки, то ссорился из-за опоздания приятеля, то приходил в отчаяние от пятна на костюме – и не заметил, как сам себя освободил от счастья жизни, ибо жить было некогда. В боязни потерять мелкую радость предмета он не производил усилий высшего порядка и утерять способность проживать счастье.

Скупой – это прикованный к вещам и освобожденный от счастья.

Щедрый – освобожденный от пут вещей, но наделенный счастьем.

Во избежание таких неожиданных превращений судьбы человеку надобно осознавать желаемое, предопределяя неизбежность индивидуального исхода счастья. В стихотворной форме Н.В. Толбатова⁸, высказала это. Приведем фрагмент ее стихотворного размышления:

⁸ Толбатова Н.В., педагог школы поселка Шаталово Смоленской области.

*Желаем счастья, но ведь это сложно.
И пожелать его, конечно, можно,
Но узнавать придется все равно
Мне самому – оно иль не оно?*

Теперь, когда облик счастья очерчен и выделены виды счастья и указаны факторы счастья, можно, наконец, уделить внимание вопросу «счастье и деньги». В размышлениях человека о жизни вообще этот вопрос занимает центральное место, по крайней мере, в период взросления личности и выхода ее на путь самостоятельной автономной жизни. Это понятно, потому что, выйдя из родительской семьи, человек вынужден самостоятельно искать способ материального обеспечения своего существования.

Если позволить себе оттолкнуться от полярно противоположного счастью понятия, такого, как «горе» или «несчастье», – что и делают многие в обыденной практике, полагая, что отсутствие горя заменяет присутствие счастья, – то определение «горя» как некоторой потери чего-то дорогого и значимого выводит нас прямым порядком на примитивное определение счастья как обретение чего-то дорогого и значимого: «Вот счастье-то, теперь у него это есть!», или «Счастливцев, ему всегда дарят подарки!», или «Какое счастье – нашел на дороге!»

Таким образом, рождается примитивное представление о «счастье» как «обладании»: человек счастлив, когда у него что-то есть. Невольно вспоминается великий Гераклит, заявивший, что быка, зашедшего на огород с бобами, следует считать, в таком случае, счастливым, коль скоро на огороде он обретает много наслаждения, телесного удовольствия.

Еще раз подчеркнем отличие содержания жизни от средства жизни. Прочтем внимательно следующее:

«За сутки лошади приходится сделать почти тринадцать тысяч щипков травы, пастись более девяти часов и непрерывно щипать траву, переходя от пастбища к пастбищу»,⁹ – фиксируют этологи, наблюдая за поведением лошадей в табуне. Огромные усилия, которые производит данное животное, – это содержание ее жизни, но одновре-

⁹ Баскин Л.М. Этология стадных животных. – М., 1986.

менно это есть средство ее существования, обязательное условие ее жизни. У животных содержание жизни есть добывание средств существования – нечто единое.

История и философия нас учат, но человек дурно пользуется уроками других. Однако вслушаемся в речь одного из наших соотечественников, человека умнейшего.

«Богачи из людей, которые добывают деньги, чтобы жить, превращаются в людей, которые живут, чтобы стеречь деньги, которых им некуда девать», – говорил историк и остролов, автор блестящих афористических изречений В.О. Ключевский.¹⁰

Как мы уже отмечали выше, цивилизация доставляет человечеству все больше и больше удобств, наслаждения, комфорта, удовольствия, радости. Количество же счастливых нисколько от такого обладания не увеличивается, и люди, жившие при свечах и ездившие на телегах, ничуть не менее были счастливы, чем сегодняшние пассажиры метро, автобусов и самолетов, а также владельцы роскошных автомобилей и вертолетов.

Деньги – средство существования, но не содержание жизни, а следовательно, условие счастья, агент счастья, но не само счастье.

Практическая реальность, на первый взгляд, противоречит сказанному: слишком много людей почитают наличие денег счастьем. Кое-кому даже кажется, что именно количество денежных средств прямо пропорционально количеству счастья. При таком понимании содержание жизни сводится неотвратимо к добыванию средств жизни, которых, в силу растущих потребностей, всегда будет недостаточно. Тот человек, которому удастся определить место денег в своей жизни как средства жизни – и не более того, -- тот не попадает в зависимость от денег (материальных благ) и потому, обретая свободу духовную, получает большую возможность

¹⁰ Ключевский Василий Осипович. Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. – М., 1993, с.40.

проживать содержание жизни (отношения к миру во всех его проявлениях). Предпочтительность материального либо духовного легко прослеживается в поведении людей.

Вот господин при встрече с приятелем бросает оценивающий взгляд на стоимость костюма и внешнее материальное обрамление, в зависимости от произведенного впечатления выстраивая свои отношения.

А этот человек при встрече с приятелем направляет взгляд на лицо другого человека, свободно выстраивая общение с душой этого человека, которая только и является предметом его интереса.

Вот мать малыша при его падении в лужу невольно направляет свое внимание на испачканную одежду и «забывает» позаботиться о состоянии малыша, усугубляя его плохое состояние своей бранью.

А другая в такой же ситуации озабочена, не больно ли малышу, не простудится ли он в мокрой одежде, «забывая» про состояние одежды на данный момент.

Наше свободное поведение психологически вовсе не свободно. Ценностные предпочтения, выстраиваясь в ценностную иерархию личностной структуры, правят нашим поведением и руководят действиями. Стоит деньгам подняться на пик ценностной лестницы, как мы становимся рабами средств существования, содержательные отношения отбрасываются сначала на время, потом – навсегда.

И все-таки, несмотря на убедительность жизненных фактов, подтверждающих пагубность смещения средств существования на роль содержания жизни, существует расхожее мнение, что деньги определяют наше счастье.

Еще одним контраргументом против такого распространенного мнения является анализ состояния душ людей и анализ суетливой жизни, наполненной заботой о сохранности и прибавлении денежной массы. Если кто станет нам возражать, то предложим им наблюдение: много ли счастливых людей на земле? Их так же мало среди бедных, как и среди богатых, потому что проблему решают не деньги, а *способность* быть счастливым.

Приведем показательный эпизод из жизни Сезанна, художника великого и нищего:

*Музыкант Кабанер в восторге от «Отдыхающих купальщиц» Сезанна. Тот, нищий, дарит тут же полотно: «счастлив» при мысли, что оно в руках того, кто «оценил и полюбил его».*¹¹

Никак не комментируя факт, лишь выделим два понятия: «нищий» – «счастливый». И тут же воспроизведем картинку сегодняшнего дня:

Водитель богатого автомобиля иностранной марки жалуется пассажиру, посаженному на дороге: «Гадкая жизнь... Хоть сейчас бы умер... Днем зарабатываешь, вечером напьешься... Что хорошего в этой жизни?!»...

Альтернативная диада понятий предстала перед нами: «богатый» – «несчастливый».

Счастье возникает от мысли, от воспоминания, от наблюдения, от встречи, от действия, поступка... – то есть, от любого вида духовной активности. Способности духовного плана обуславливают способность быть счастливым. При наличии богатейших средств и агентов счастья можно остаться несчастным. При скромных средствах люди проживают высокое счастье.

Мы выходим на необычное понятие, выраженное психолого-педагогическим словосочетанием. О способности к счастью мы не говорили в прошлые десятилетия педагогики – о *способности быть счастливым* вынуждены говорить в начале двадцать первого века, выдвигая идею гуманизма. Вопреки духовному распаду общества, протекающему на наших глазах.

Но... прежде еще одно отступление.

¹¹ Перрюшо Анри. Сезанн. -- Киев, 1994, с. 194.

ОТСТУПЛЕНИЕ ВТОРОЕ: ГУМАНИСТИЧЕСКОЕ воспитание и воспитание ГУМАННОЕ

Гуманизм – мировоззренческая позиция, предполагающая признание Человека как наивысшей ценности, без которого нет жизни на земле и не мыслится счастье жизни.

Это означает, во-первых, что в системе общечеловеческих ценностей на вершине стоит «человек», а ниже располагающиеся ценности выступают условием и средством присутствия человека в мире.

Во-вторых, это значит, что человек выступает всегда и везде в качестве только цели, и никогда – в качестве средства.

И в-третьих, гуманистическая позиция выработала общие сущностные проявления гуманистического отношения к человеку в конкретных реальных поведенческих характеристиках, таких, как безусловное уважение человека, соблюдение неприкосновенности личности, принятие человека как данности

Всего-то и есть три показателя поведения человека по отношению к другому человеку, но эти три характеристики держат в фокусе всю совокупность нравственных продвижений личности ребенка: «видеть человека», «слышать человека», «принимать человека», «понимать человека», «благодарить человека», «взаимодействовать с человеком», «помогать человеку». Грош цена призыву «любить человека», если мы не научили элементарным поведенческим операциям в повседневной жизни и не оснастили привычной ориентацией на ценность человека, всегда располагающегося рядом.

Однако все сказанное предписывает педагогу научать ребенка такому же гуманистическому отношению к педагогу как человеку: формировать безусловное уважение педагога, привычку никогда не нарушать неприкосновенности личности педагога, содействовать способности принимать педагога как данность. Апологеты «ненасильственного воспитания» пусть не возмущаются: здесь есть отношения «человек – человек», и взаимодействие выстраивается согласно гуманизму. Никто не призывает «любить педагога», впрочем, так же бессмысленно призывать «любить ребенка». Но вот относиться к человеку с пози-

ции гуманистической и научать ребенка относиться к любому человеку по-гуманистически – долг и профессиональная функция педагога.

Гуманистическое воспитание – это содействие формированию личности ребенка как человека-гуманиста в условиях гуманистического отношения к ребенку как основной характеристики воспитательной системы.

Гуманность – это сиюмоментное сочувствие человеку, желание блага ему в той ситуации, когда он плохо себя чувствует, когда ему нужна помощь, когда в какой-то ситуации одному человеку необходима поддержка другого человека и он получает ее. Проявления гуманности ограничены рамками разворачивающейся ситуации.

Мы гуманны по отношению к голодной собаке, когда накормили ее.

Мы гуманность проявили, когда протянули руку упавшему или отдали ему свой кусок хлеба.

Мы, конечно же, гуманны, когда всплакнули вместе с плачущим и дали ему мудрый совет.

Гуманность – это характеристика поступка. Не более того. Хотя нельзя не признать, что проявить гуманность не всякий способен.

Проявить гуманность легче, чем быть гуманистом. Гуманность могут проявить даже бизнесмены, отделив от награбленного маленькую толику денежных средств для умирающего.

Гуманность – это простое содействие существованию человека. И профессиональная гуманность педагога замыкается на заботе о существовании его в данный момент.

Не хочет ребенок читать Шекспира – пожалеем и предоставим ему короткий примитивный пересказ фабулы трагедии.

Говорит, что любит только эстрадные песни, – закупим для дискотек пошловатые ритмические крики про мальчика, который девочку в постель зовёт.

Возражает против школьной формы – конечно же, надо разрешить ребенку ходить в отрепьях, например, в брюках мо-

дела «В них ходила вся Америка», то есть в обносках после Америки.

Жалуется, что устал и хочет кушать, – отпустим его с урока...

Гуманность всегда в момент бытования слепа, не проецирует последствий. Порыв гуманности вынуждает нас одаривать нищих, терпеть шумные ночные праздники за стеной, сумасшедшую беготню на школьной перемене, веселую бесшабашность учеников, ошалеваяющих в мае от тепла и солнца...

Гуманистическое же отношение – это содействие осуществлению человека в человеке. Огромные потенциальные силы человека не произрастают сами по себе даже под давлением благоприятного социума. И, будучи наделенным предрасположенностью к роли «*homo sapiens*», «*homo faber*» и «*homo moralis*», человек не обретает неотвратимо данных ролей. Воспитание – это и есть восхождение ребенка к вершине, на которой стоит «человек», а также обретение способности оставаться человеком в любой ситуации жизни.

Разница столь похожих слов – «существование» и «осуществление» – принципиальна: человек-индивид не становится сам по себе человеком-личностью, и, содействуя благоприятному существованию ребенка на земле, мы еще не способствуем становлению его как Человека. Этим и объясняется бесконечное стремление педагога-гуманиста к возвращению в ребенке Человека.

Было бы неверным, резко разведя понятия гуманизма и гуманности, не установить их теснейшей связи. Эта связь отнюдь не сводится к тому, чтобы принимать гуманность за внешнее проявление гуманизма. Данные понятия, будучи столь схожими по произнесению, относительно автономны.

Гуманизм – стратегия педагога. Гуманность – тактическое поведение педагога. Чтобы осуществить профессионально точное педагогическое воздействие (которое обуславливает характер последующего взаимодействия с детьми), педагог должен в сознании иметь общее гуманистическое представление образа человека как эталона для воспитания. Разумеется, это профессионально сложно. Но воспитание – сложнейший и тончайший процесс, если не самый сложный из всех профессиональных деяний.

Гуманистическое же воспитание требует тонкого профессионализма педагога, работающего с детьми, потому что ему приходится постоянно разрешать противоречия амбивалентной человеческой природы.

Не хочет читать Шекспира – надо сделать все возможное, чтобы увлечь чтением высокой литературы...

Никогда не слушал музыки – сделаем так, что услышит чудесные звуки и скажет: «А дайте переписать...»

Жалуется на то, что разыгрался аппетит, – что ж, посочувствуем, но, изменив методiku, поможем преодолеть себя во имя доведения дела до конца...

Чем выше уровень культуры, тем напряженней поле противоречия между натурой человека и культурой человека, тем сложнее и тоньше должен быть профессионализм педагога, работающего с детьми.

Гуманный педагог не озадачен проблемой счастья подрастающего ребенка. Вовсе не потому, что он плохой человек или некомпетентный профессионал. Но лишь потому только, что таково его мировоззрение и ценностный взгляд на жизнь. Педагог-гуманист неотвратимо включает в педагогическое целенаправленное формирование способности у каждого ребенка быть счастливым, поскольку его гуманистическая позиция предполагает, что каждый из живущих на планете людей должен иметь право и быть вооружен способами выстраивать жизнь счастливую. Поэтому в профессиональной программе работы с детьми появляется задача развития феликсологических способностей.

Повторим еще раз: дело тут не в жалости или доброте по отношению к ребенку. Гуманистическое воспитание взращивает ребенка как создателя собственной жизни, который может быть счастлив именно потому, что выстраиваемая им жизнь будет соответствовать его представлению о жизни, а его способности создать счастливую жизнь будут максимально развиты в ходе гуманистического воспитания.

Нет права у педагогов говорить о гуманизме как методологическом основании, если упущен вопрос счастья воспитанника. Но лишается педагог права заявлять о счастье детей вне гуманистических основ воспитания.

СПОСОБНОСТЬ БЫТЬ СЧАСТЛИВЫМ

Педагогический анализ производимого наблюдения за процессом формирования счастливого ребенка и ребенка, лишенного счастья, дает основание ввести категорию счастья в число педагогических категорий, ставить и решать проблему счастья как воспитательную проблему, а вопрос развития у ребенка способности быть счастливым квалифицировать как вопрос профессионально-педагогический.

Именно гуманистические позиции современной педагогики позволили сегодня ввести в систему педагогического инструментария категорию счастья. «Счастье» – категория педагогическая. Она располагается в педагогической сфере целеполагания, ибо представление о счастье есть жизнеформирующий и личностноформирующий фактор.

В системе воспитания детей счастье является *педагогическим условием* деятельности активности ребенка, выполняет роль *педагогического средства* развития воспитанника, потому что только состояние счастья наделяет его высокой энергетикой, бодростью, способствует максимальному напряжению физических и духовных сил. А сегодня мы выдвигаем проблемную категорию счастья в качестве *цели воспитания*, утверждая насущную необходимость оснастить умением быть счастливым каждого ребенка.

Детство таит в себе все предпосылки счастья. Оно, это счастье, *еще не* счастье, так как не надделено эмоциональной оценкой жизни, но оно, это детское счастье, *уже не* биологическое удовольствие жеребенка, бегущего по лугу в солнечный день, ибо уже проживается и осознается момент проживания. Потому дети и пытаются передать родителям то, что они чувствовали в этот замечательный момент жизни.

—...Прямо ветер в ушах свистит!..— кричит малыш двух с половиной лет, пытаюсь передать свои ощущения во время езды на трехколесном велосипеде...— Я прямо так быстро ехал!

Широкий мир предоставляет беспредельные возможности проживать счастье, но при одном условии: человек должен нау-

читься умению *воспринимать мир* во всем его удивительном разнообразии, и, воспринимая, взаимодействуя с объектами мира, он обретает возможность обнаружить за каждым мигмом такого взаимодействия ценностное содержание. Человек научается счастью, воспроизводя в онтогенезе основные вехи филогенеза, когда человечество научалось счастью

Обратимся к заметкам писателей, отраженным в переживании персонажей их произведений:

Я таял от весеннего тепла, потока солнечного света, от движения снующей толпы. Я смотрел на прохожих и мысленно увязывался то за одним, то за другим, пытаюсь представить себе их жизнь.

Думаю, именно тогда я больше всего приблизился к тому, что называют счастьем. Мир – солнце, тень, деревья сквера, толпа на бульваре... воспринимались каждой клеточкой моего существования.¹

Каждый момент совместной работы с детьми обладает возможностью быть представленным как значимый для жизни. Лилия Алексеевна Капитан² интерпретирует урок как поиск истины, как величайшее счастье и радость, но требующие труда и напряжения. «Поэтому, – говорит она детям, – голова иногда устает и «уходит» временно из класса, не надо сердиться на человека за это, нужно лишь осторожно и ласково повернуть голову к работе». В этом классе существует традиция: если кто-то отвлекся, его шуточно спрашивают: «Твоя голова на месте?»

Педагогу отводится весьма важная роль в становлении способности воспринимать и выявлять ценностную значимость окружающих объектов мира. Подчеркнем: именно педагог обладает такой потенциальной возможностью, он организует деятельность группы детей и от него зависит содержание как групповой, так и индивидуальной деятельности воспитанников.

Способность – это предрасположенность человека к определенной деятельности, развивающаяся в условиях социальной жизни на основании природных задатков, получаемых человеком через генетический механизм. Предрасположенность к общей оценке жизни как феномена мира и автономного объекта, подвластного

¹ Сименон Жорж. Сб. Вып. 3. -- М., 1993, с.77.

² Капитан Лилия Алексеевна, педагог школы №22 г.Тюмени.

конструированию, дана каждому человеку. Однако потенциальное реализуется лишь благодаря активности самого человека. Все наши способности есть продукт нашей активности. За счастье платят усилиями физическими либо духовными. Тот, кто не хочет производить усилия души или тела, конечно же, не обретает способности быть счастливым. И – это замечается в обыденной жизни – он сетует на свое несчастье, оправдывая свою пассивность неудачными обстоятельствами жизни. Привыкнув к положению несчастливому, такой человек эксплуатирует эмоции окружающих, вынуждая их сострадать бездеятельному, подменяя уважение жалостью.

Иметь способности – еще не означает совершать деятельность, но означает, что человек овладел способами деятельности и в реальной действительности, возможно, выразит реальными действиями свое предрасположение. Способность к проживанию счастья есть предрасположенность человека к проживанию удовлетворенности от взаимодействия с факторами счастья. Чем шире личностно-индивидуальный факторный спектр, тем выше способность человека быть счастливым. Наибольшая – у того, кто субъект творчества, кто субъект жизни, кто наделен богатым общением с другими людьми, кто ценит и умеет заработать материальные блага, кто воспринимает мир вокруг себя.

Следует перенести наши разговоры из плоскости «счастливый – несчастливый» в иную плоскость «способный быть счастливым – неспособный быть счастливым».

Под первым станем разуметь человека, способного откликнуться на все пять агентов счастья, для которого значима сама жизнь, материальные средства существования, общение с людьми, творческая созидательная деятельность и устремленность к конструированию и совершенствованию общественной и индивидуальной жизни. Под вторым будем понимать человека, который воспринимает окружающий мир как свалку множества предметов и вещей, часть из которых ему надобна, а другая часть непонятная и излишняя.

И это переводит профессиональный разговор о счастье из области мечтаний и упований на божеский промысел в область продуманной, тонкой, профессиональной работы с детьми по раз-

виту у них способности воспринимать агенты счастья, реагировать на данные факторы счастливого состояния, проживая их значимость для жизни, а также и значимость самой жизни в момент влияния феликсологического агента.

Проживание счастья – это особого рода удовлетворение тем, что человеку довелось реализовать все свои потенциальные возможности, данные ему его социальной и биологической природой. «...Что иное может означать человеческое счастье, как не исчерпание своей сущности человеком, как не полную ее реализацию?...И что иное может означать человеческое несчастье, как не неисчерпание человеком всей своей сущности как человека...?»³

Развивая у воспитанника способность быть счастливым, педагог создает психологическую поддержку, положительный баланс жизни детей на неблагоприятном социальном фоне, содействует проживанию ребенком положительных состояний, так как счастье монтируется во все состояния, проживаемые человеком.

Если речь идет о развитии такой способности, то, вероятно, общее решение вопроса и заключается в инициировании активного взаимодействия ребенка с окружающим миром, в содействии его физическому и духовному усилию.

Рассмотрим фотографию трехлетнего мальчика по имени Слава. (См.фото №1). Он улыбается. Он проживает нежную радость от красоты, ему открывающейся, протягивает руку к цветку, но не дотрагивается, боясь порушить красоту. Ему свойственно ценностное отношение и эстетические переживания. Но ведь до момента, когда ребенок потянулся к цветку, кто-то из взрослых обратил его внимание на этот объект жизни. Кто-то, оставшийся за кадром, сказал: «Посмотри!». А потом скажет: «Понюхай!». А позже: «Рассмотри и нарисуй!». А еще позже: «Посади, вырасти, подари...». В личностную структуру человека постепенно начнет входить красота как явление жизни, а войдя, породит соответствующие потребности. Удовлетворенная потребность выступит основой для проживания счастья как моментного состояния и основой новой деятельности, адекватной родившейся потребности

³ Мильнер-Иринин Я.А. Этика, или Принципы истинной человечности. -- М., 1999, с.367.

Счастье располагается в интервале «потребность – счастье – деятельность» либо в его иной модификации, «деятельность – потребность – счастье». А значит, выявляется ведущая роль педагога, который организует деятельность ребенка по взаимодействию с действительностью, оснащая его огромным количеством умений взаимодействовать с миром, реализуя потребности.

Педагогическая роль состоит в том, что в процессе организуемого взаимодействия детей с миром раздвигается для ребенка и расширяется в личностной структуре духовное пространство потенциальных агентов счастливого состояния:

- от элементарных материальных средств существования, таких, как хлеб, молоко, яблоки, а также платье, туфли, куртка, брюки и также теплая комната, мягкая постель, настольная лампа,
- до высочайших духовных ценностей, таких, как слово и мысль, улыбка и нежность, книга и песня, музыка и пение соловья, а также созидательная деятельность, любовь, забота о Другом, благо Родины.

Профессиональная сложность такого педагогического решения, как показывает анализ практики воспитания, состоит вовсе не в нежелании педагогов заниматься формированием ценностных отношений, а в том, что педагог не «видит» ценность за отдельным предметом реальной действительности, тем более, обыденной повседневности: не может за маленькой девочкой увидеть Даму, за чумазым мальчиком – Мужчину, за веткой сирени -- красоту пробуждающейся Жизни, а за классным журналом – беспокойство о способности каждого человека овладеть Истиной.

*Светлана Николаевна Свиридова формирует у детей ценностное отношение к слову. Вместе с детьми проводят занятия на тему «Слово – радость»: проживают удовольствие от точно найденного слова, радуются красоте образа, созданного при помощи слова, приветствуют добрые слова.*⁴

Разумеется, формирование счастливого человека – задача всей системы воспитания, а профессиональная работа педагога по развитию у детей способности быть счастливым является лишь

⁴ Свиридова Светлана Николаевна, педагог школы № 57 г. Калининграда.

некоторым педагогическим акцентом в воспитательной системе. Можно было бы даже сказать так:

в современную систему воспитания детей необходимо ввести идею развития жизненно важной для детей способности быть счастливым, а для этого достаточно на первых порах расставить феликсологические акценты в процессе постоянной совместной деятельности педагога с детьми.

Взгляд на воспитание через призму счастья позволяет по-новому осветить некоторые привычно больные вопросы воспитания. Феликсологический взгляд на воспитание детей позволяет понять суть явления, называемого «трудными детьми», «девиантными детьми», «детьми из группы риска», «детьми осложненного поведения». Вон сколько у этих детей названий: так трудно взрослым с этими детьми, они так и эдак ставят вопрос их перевоспитания, замучившись с этой проблемой. С точки зрения же феликсологии, вопрос очевиден и прост: отсутствие проживания состояния счастья жизни заставляет этих детей в погоне за счастьем удовлетворяться иллюзией счастья, эрзац-счастьем, заменяя его проживанием острых ощущений. Там, где нет счастья, там всегда мы обнаруживаем пагубные пристрастия к допингам, дающим острые ощущения.

Неслучайно именно А.С. Макаренко, работая с детьми, исковерканными тяжелыми социальными условиями своей жизни, открыл величайшую роль «перспективы радости», а обнаружив и разработав, сумел реализовать эту богатейшую идею, достигая высочайших воспитательных результатов.

Рискуя быть неверно понятыми, мы все-таки предложим такое образное решение педагогической проблемы:

Научать быть счастливым – это ввергать растущего ребенка в постоянную плату за счастье жизни.

Разумеется, под «платой» мы понимаем физические и духовные усилия человека, взаимодействующего с миром.

Формирование способности быть счастливым подразумевает одновременное наделение воспитанников умениями саморегуляции, самоконтроля, самооценки и самовоспитания. Опасно довести до сознания человека его объективное несчастье, но не менее опасным является устойчивая вера воспитанника, что он счастлив навечно и должен быть таковым всегда. Открывая счастье жизни, которого ранее не видел ребенок, педагог открывает и дорогу к счастью, указывая не конечную цель, но способы движения по этой дороге. Поэтому школьникам необходимы этические и психологические занятия, которые бы исполняли насущную функцию – оснастить рядом жизненно ценных важных и полезных умений. Эти умения обретаются, если ставить вопросы:

- Что делать, когда чувствуешь себя несчастным?*
- Как поступать, когда, бесконечно счастливый, ты вдруг оказываешься ввергнутым в несчастное положение Другого?*
- Как помочь себе, когда несчастлив ты, а вокруг тебя все лучатся от счастья?*
- С чего начинать реальное движение к счастью – тому, что ты считал бы за счастье для себя?*
- Как выбирать из двух зол – одно, из двух вариантов счастья – одно?*

Ставить вопросы перед детьми и не всегда находить ответы – результативная методика. Она предназначена для интенсивного развития общей способности размышлять о жизни, о себе и своем месте в этой жизни. Иногда полезно предъявить детям вопросы, который ставит перед собою Другой человек, и неплохо, если этот Другой не находит решения, заставляя партнера по общению задуматься и искать решение.

Предлагаем стихотворные размышления Александра Кириленко.⁵

*Почему я родился гордым?
Не в силе найти ответ.
Под кулак подставляю морду,*

*Почему я так ласков и весел?
Почему обожаю цветы?
Не ведаю жизни без песен,*

⁵ Кириленко Александр, ученик гимназии №48 г.Тольятти.

Когда в мире правды нет.

Терпеть не могу пустоты.

Почему обожаю осень?

Если сможешь, ответь – изволь.

И у гордых красавиц сосен

В душе утихает боль.

Я чужому внимаю горю

И сам не рыдаю едва.

Почему не пишу на заборе,

Как «крутой»,

из трех

букв слова?!

Ценность этого стихотворения в том, что его написал 14-летний человек, ровесник наших воспитанников. И потому этот материал обладает особой ценностью для использования в работе с детьми: что ответить юному поэту?.. какие себе я задаю вопросы?.. есть ли сходство моего видения мира и автора этих строк?..

Общее впечатление (нет ли здесь самолюбования?) и построчное рассмотрение суждений юного поэта (что волнует автора?), а затем возможность солидаризироваться с героем или отъединиться от него – таковы методические вехи обсуждения с детьми поэтически высказанного мнения.

Утрата способности к счастью – показатель деградации личности, духовного хаоса, бессилия найти главную линию в жизни, выработать жизненную траекторию.

«Без твердого представления себе, для чего ему жить, человек не согласится жить и скорей истребит себя, чем останется на Земле, хотя бы кругом его все были хлебы», – утверждал Ф.М. Достоевский.⁶

Способность быть счастливым – не врожденное качество, оно не передается по наследству и не вручается ребенку родителями или педагогами, оно формируется в процессе всей жизнедеятельности, в ходе взаимодействия человека со всем окружающим миром. Чем богаче такое взаимодействие, чем шире открывается мир для подрастающего человека, тем больше вероятность для ребенка чувствовать себя в этом мире счастливым.

Предлагаем взглянуть на рисунок девочки из третьего класса Даши Кулагиной⁷. (См. рис. №1). Рисунок называется «Счастье».

⁶ Достоевский Ф.М. // Вопросы философии, 1983, №1, с.84.

⁷ Кулагина Дарья, ученица гимназии «Эврика», г. Анапы.

Заголовок имеет пояснение: «Счастье – ощущение полета, свободы, простора». Понимание счастья есть результат воспитания и духовного развития этой девочки. Здесь многое поражает:

☞ птицы, тоже летящие, но не проживающие счастья, а удивляющиеся полету души человека;

☞ композиционное решение «над землей в облаках», выразившее духовное возвышение личности;

☞ композиционный центр рисунка – лицо героини, а тело легкое, невесомое; счастье сконцентрировано в сознании человека на качелях;

☞ нежность красок окружающего мира, выражающего нежность души.

Рисовал ребенок, обладающий способностью проживать счастье жизни. Но рисовал ребенок, духовное развитие которого достаточно высокое, чтобы суметь в свои десять лет подняться до осмысления феномена счастья жизни.

Способность быть счастливым, конечно же, обуславливается уровнем общего развития (нравственного, интеллектуального, физического, эстетического, полового, правового и т.д.) человека. Но данная способность нуждается и в дополнительном внимании педагога, воспитывающего детей. Случаи детского суицида в обстоятельствах внешне благополучной жизни заставляют задуматься о том, что должно быть создано нечто, что удержит человека от желания расстаться с жизнью под давлением горя, невзгод, несчастья.

Ребенок нуждается в понимании и поддержке взрослого как в состоянии горя, так и при проживании счастья. Нельзя ругать несчастного, усугубляя тем самым его беду. Но и смеяться над «ошалевшим» от счастья тоже нельзя. В любом состоянии дети нуждаются в педагогической поддержке.

Счастье проживается внутри личностной структуры человека, но истоки такого проживания располагаются в сфере природно-социального окружения: там располагается объект, доставляющий человеку благодные проживания момента жизни, то, что именуется агентом счастья как нечто такое, взаимодействие с чем порождает состояние удовлетворенности процессом жизни на земле.

Счастье не может рассматриваться как постоянное спокойствие и безмятежность духа, оно не есть состояние непрерывно ра-

достное, бесконечно праздничное, вечно дрящееся наслаждение. Непрерывное состояние радости чуждо человеческой психике. Чтобы человек мог получать удовлетворение и проживать его более сильно, необходимы перерывы в радости, переходы к будням или печалям. Механизм счастья действует таким образом, чтобы, испытав счастье в течение какого-то времени, люди опять стремились к нему, а не успокаивались, получив желаемое, чтобы опять прикладывали все силы для его достижения.

Длительность проживания счастливого состояния в качестве характеристики счастья определяется временем, в течение которого субъект проживал это состояние. В зависимости от психических особенностей личности и социального окружения оно может длиться долго или коротко. Временные рамки проживания счастья характеризуют отдельный отрезок жизни субъекта. Но может быть и другая мера длительности счастья, когда человек, итожа жизнь или какой-то ее значимый период, оценивает ее как счастье в целом, производя, как это предлагал делать Л. Ландау, «аккордную оценку жизни». Тогда длительность проживания счастья может быть определена как длительное удовлетворение жизнью в целом. Но полное удовлетворение, длившееся всю жизнь – близкий к идеалу вариант, а вернее, модель абстрактная, внежизненная: вечное счастье обещается человеку в раю лишь потому, что в мире фантазий и фанатичной веры обещанному верят, правда, никто не торопится к вечному счастью.

Вторая характеристика состояния счастья – сила его эмоционального проживания, определенная степень напряженности и интенсивности. Силу проживания счастья определяет ощущение предела возможного, переполненность этим чувством: «забылся от счастья», «умереть от счастья», «голова закружилась от счастья», «обезумел счастливец» и др. В зависимости от силы проживания человек воспринимает счастье в разных его оттенках: радость, удовольствие, упоение, потрясение, вдохновение, страсть. От счастья смеются, от счастья плачут, от счастья падают в обморок, от счастья умирают. Сила проживания счастья зависит от типа нервной системы, характера, темперамента человека, от развитости ощущений, восприятия, эмоций, чувств, интеллекта, степени удовлетворения потребностей. Но, бесспорно, и от меры значимости объекта, выступающего в роли агента счастья.

Третьей характеристикой проживания состояния счастья является его осознанность, в основе которой лежит понимание и осознание феномена момента своей жизни. Рациональный оценочный элемент всегда присутствует в счастливом проживании, даже когда человек «без ума от счастья». Неслучайно подчеркивают принципиальную разницу понятий «безумный» и «дурак». От счастья можно «поглупеть» и «потерять разум», но от счастья не становятся дураками – наоборот, обостряется восприятие жизни и людей, человек добреет и открывается жизни во всех ее облициях. «Безумно счастливый» не теряет мыслительных умений, иногда обнаруживает дарование, не проявляемое ранее. И он вполне отчетливо отдает себе отчет в течение хода всей жизни и предполагаемого влияния на такое течение происходящего. Выбор производится в момент проживания счастья осознанно, в соответствии с эмоциональной оценкой счастливого момента жизни.

Проживая счастье, человек реализует важнейшие для него ценности бытия и испытывает удовлетворение от степени их реализации.

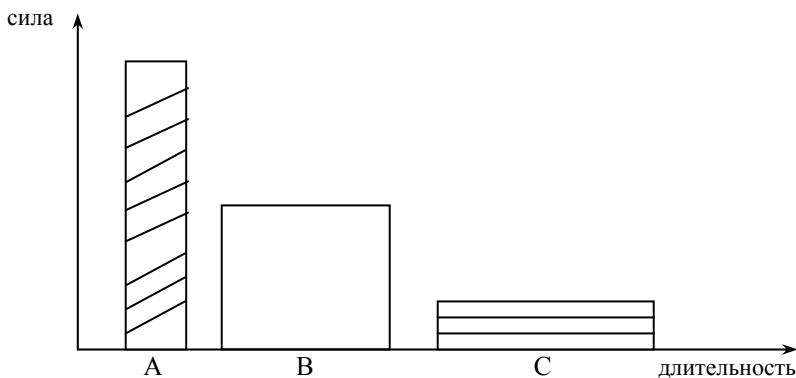
Оценка счастья зависит от образа жизни и идеала счастливой жизни и, значит, от того, насколько он к этому эталону приблизился, реализуя свои потенциальные возможности и ресурсы. Но, оценивая и осмысливая свое счастье, человек производит субъективную оценку, которая может не совпадать с образом счастья и мерой значимости объектов мира других людей. Так Й.В.Гете, производя итоговую оценку своей жизни, насчитал всего лишь 4 недели счастья в течение всей своей жизни.

Три характеристики счастья свойственны одному и тому же моменту проживания, они сосуществуют по отношению к единому социально-психологическому явлению, они свойственны одному субъекту. Соотношение силы и длительности проживания эмоциональной возбужденности (в грубом обобщении) порождает три общих типа процесса проживания счастья.

Попробуем описать взаимоотношения представленных характеристик, учитывая единое поле субъектного состояния. Условно-схематическая картинка в пространстве пересечения двух координат: «сила» и «длительность» -- будет выглядеть следующим образом. Острая, сильная («координата Сила»), экспрессивная вспышка проживания счастья, которая не может длиться долго (ко-

ордината «длительность»), принимает вид условной фигуры А; умеренной силы и средней длительности проживание счастья в рамках тех же координат принимает вид фигуры В; протяженное по времени, а значит, слабой силы проживание счастья отражено в условной фигуре С. Сопоставление фигур дает зрительный образ психологического разнообразия счастья. Если выше мы говорили о разновидности счастья, имея в виду содержательные характеристики, то теперь на рисунке очертились процессуальные отличия протекания состояния счастья. Педагога такой рисунок, при всей его грубой условности, предостерегает от профессиональных ошибок в квалификации состояния ребенка: счастье не всегда «фонтанирует», иногда оно подобно тихому течению реки; но всегда имеет свои границы и завершает свою представленность в структуре личностных отношений.

Процесс протекания счастья подобен вспышке высокого накала: в очень краткий миг озаряет удовлетворенность правильно проживаемой жизни, той жизни, которая создана воображением субъекта. Либо уподобляется плавному течению реки, каждый миг длительной протяженности которой сам по себе доставляет удовлетворенность своим реальным присутствием на земле. К этой множественной повторяемости привыкаешь, и осознание ее отходит на второй план, становясь фоном жизни. Либо напоминает светлую цветистую лужайку, ограниченную со всех сторон лесом, временное пребывание на которой осмыслено и принято разумом человека, планирующего свое дальнейшее движение через чащу леса.

Проживаем ли мы «счастье выздоровления», «счастье любви», «счастье творчества», «счастье дружбы» или «счастье достижений» – все одинаково протекает по первому, второму либо третьему типу, с точки зрения процессуальности проживания.

Вектор «осмысление счастья» вносит значительные коррективы в протекание удовлетворенности жизнью, влияя как на силу, так и на протяженность по времени процесса проживания состояния: чем длительнее проживание, тем основательнее осмысление; чем сильнее проживание состояния, тем короче момент осмысления. В свою очередь, вектор осмысления обуславливает величину силы и длительности проживания счастливого состояния; отсутствие осмысления ликвидирует состояние счастья, преобразуя его в нечто подобное, что нельзя назвать счастьем.

Осмысленность как характеристика счастья очень важна для проживания счастья, т.к. она выполняет функцию вектора жизни, является стремлением к ее положительному балансу. Поворот вектора в обратном направлении означал бы поворот к не-жизни, к полю смерти. И в этом поле сила проживания несчастья, а также длительность проживания несчастья станут влиять на характер осмысленности своего состояния как состояния несчастья. В том случае, если велика сила проживания несчастья и нескончаемо длится такое состояние, то уход человека из жизни неминуем: либо в ходе объективного угасания органической жизни, либо в процессе искусственно прерванного самим субъектом существования.

Возможно, чтобы феликсологическое осмысление играло столь кардинальную роль в вопросе «жизнь-смерть».

Неудовлетворенность жизнью прерывает связи с жизнью, освобождая человека от привязанности к ней. Заметим, что многие несчастливые люди находят счастье в самых неожиданных объектах, чтобы удержать витальные связи и продолжить жизненный процесс.

Поймем и следующее. Отсутствие такой характеристики, как осмысленность, приводит к печальным последствиям для человека: мистике, наркотикам, алкоголю, вере в потустороннюю жизнь, загробный мир, так как человек всегда будет искать счастье даже там, где оно не существует. Причем, две другие характеристики – сила и длительность – будут и здесь налицо. Без осмысления своего счастья, без отчета перед самим собой за свой выбор и его по-

следствия у человека даже инстинкт самосохранения пропадает без следа, если речь идет о наслаждениях: появляется желание ощутить наслаждение даже ценой собственной жизни. Жизнью жертвуют во имя минутного наслаждения, когда нет счастья, когда сознание констатирует жизненную характеристику несчастья.

Счастье – субъективное и крайне индивидуальное состояние, и его характеристики для каждого субъекта тоже индивидуальны: своя длительность, своя сила проживания и своя мера осмысления.

Было бы ошибочным думать, что формирование способности ребенка к счастью целиком зависит от педагога, что такая способность есть продукт исключительно профессионального труда взрослого. Субъектом счастья является сам носитель счастья. Это он, благодаря своему постоянному взаимодействию с миром, а значит, своим духовным и физическим усилиям, открывает для себя значимость окружающей его действительности в предметах, вещах, словах, улыбках, стихах, цветах, событиях и т.д. Он сам сооружает свое счастье, и он же его проживает, и он же осмысленно квалифицирует то, что проживает, как счастье. Педагог содействует активному взаимодействию с миром и осмыслению протекающей жизни. Педагог или любящий родитель не могут выстроить счастья для ребенка. Точно так же, как не могут предотвратить несчастье.

Еще раз обратимся к Макаренко, к его глубине понимания педагогических процессов. В педагогическом наследии А.С. Макаренко особое место занимает тема отношений к несчастью, которое он считает недостойным человека. Он говорил, что человек должен найти в себе силы презирать несчастье, так как это неуважение к себе и другим.

«Что может быть противнее несчастного человека. Ведь один вид несчастного человека убивает всю радость жизни, отравляет существование... Найди в себе силы улыбаться, найди силы презирать несчастье... Найди в себе силы думать о завтрашнем дне, о будущем. А

*как только ты встанешь на этот путь, ты встанешь на путь предупреждения несчастий».*⁸

В этом высказывании четко проступают обозначаемые Макаренко позиции педагога и воспитанника: сопротивляться несчастью станет сам воспитанник, но помогает ему в таком сопротивлении педагог. Психолого-педагогическая поддержка необходима в процессе развития феликсологической способности ребенка.

Интересна своеобразная переключка с Макаренко мыслителя наших дней из Зимбабве Теуна Мареза. Вот что мы читаем в книге этого удивительного автора, преподавателя обучающих курсов по искусству жить:

«Какие бы неприятности ни возникали у нас вчера, неделю или год назад, именно сегодня является тем днем, когда можно оставить прошлое позади — не выбросить из головы, а просто не позволить ему сделать вас несчастными.

*Быть хозяином своих действий... — значит признавать, что допустили промах, но при этом готовы нести полную ответственность за свои поступки»*⁹

Посмотрим еще на одну фотографию (См. фото№2). Мальчик завершил работу: он вскапывал землю, чтобы выращивать продукты питания для своей семьи. Среди поля, обвеваемый ветром, среди запахов земли и травы, на просторе, когда вокруг разворачиваются далекие горизонты, игра его физических сил, духовные переживания по окончании значимой работы наполняют его радостью, вызывают острое ощущение своей жизни... Вот теперь чрезвычайно важно, что скажут взрослые, как прозвучит оценка момента. Если удастся взойти мыслью на уровень философический, произнеся, допустим, «Как хорошо: замечательное дело сделали» или самое простое «Пусть растет то, что мы посадили», или даже просто шутовское «Не придется лапу сосать, как медведю зимой, потому что мы вместе с тобой обеспечили себя картофелем», поддержка ребенку уже организована: осознание радости обретает новое направление: проживается удовлетворенность жизнью как таковой. И даже если он радовался лишь тому, что освободился от

⁸ Макаренко А.С. Соч. в 7 тт. -- М., 1958, т.5, с.453.

⁹ Теун Марез. Ох уж это счастье. -- М., 2002.

тяжелой работы, все равно палитра его эмоций обогатилась при восприятии слов взрослых.

Аналогом сказанного может служить ситуация школьной жизни, когда педагог говорит детям: «Есть возможность хорошо поработать и сделать полезное дело...». Напротив этому, другой педагог сообщает трагически: «Нам велено после уроков явиться на трудовой десант. Мы все должны...». Если первое – педагогическая поддержка в проживании счастья жизни, то второе – заведомая препона для потенциальной возможности развиться способности к счастью.

Педагог, не осмысливающий проблемы феликсологического воспитания, невольно и неизбежно совершает подобные ошибки в работе с детьми и, сам того не ведая, оказывает значительное негативное влияние на судьбы детей. Профессионал-педагог, ориентированный на «жизнь» как ценность, никогда не допускает такого рода ошибок. Более того, он выстраивает методическую систему работы с детьми по формированию, развитию и культивированию драгоценной для жизни подрастающего поколения способности.

Вновь сделаем небольшое отступление, уйдя в область профессиональной подготовленности педагогов и психологических качеств педагога, которые выступают условиями его продуктивной профессиональной деятельности.

ОТСТУПЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ. РОМАНТИКИ И РЕАЛИСТЫ

Профессионалы, занимающиеся делом воспитания детей, незримо развелись и расположились в двух противоположных духовных пространствах, заняли устойчивые и осознанные противоположные позиции.

Одни выступают в роли романтиков, исповедующих идеи и чувства, возвышающие человека. Такая позиция естественна для педагога, ибо

педагогическая профессия по природе своей романтична.

Другие играют роль реалистов, которые в своей деятельности исходят прежде всего из учета реальной действительности и практического здравого смысла. Данная позиция столь же естественна для педагога, так как

педагогическая профессия по природе своей прагматична.

Две амбивалентные характеристики профессии педагога порождают два направления воспитательного процесса.

Для «романтика» центральным в работе с детьми всегда становится *идея* – сформулированное ценностное отношение к миру и отдельным явлениям мира. В мире романтик видит тайну и красоту, в строительстве дома – заботу о семье и детях, в прозаических малярных красках – усовершенствование мира. Романтик «купаются» в отношениях, и детей влечет в плавание по морю человеческих отношений. Мир ценностных отношений позволяет педагогу вместе с детьми прийти к выводу, что *жизнь прекрасна*.

Для «реалиста» главным в его профессиональной деятельности выступает *практический опыт* как некоторая совокупность умений самостоятельного взаимодействия с миром и его отдельными объектами. Поэтому для него, скажем, озеро, в первую очередь, – бассейн с водой и рыбой, строительство дома – жилище для укрытия от суровых природных условий, а малярные краски – средство заработка насущного хлеба. Такая центрация сознания предоставляет право педагогу и детям выйти на суждение почти злое – *жизнь жестока*. В смягченном варианте педагога данное суждение звучит как «жизнь – тяжелая штука».

Педагог-романтик ориентирует детей на принятие каждого момента жизни, на *проживание* ценностных минут жизни, вне зависимости от характера происходящего, ибо в любом событии и предмете всегда отыщется ценностный смысл. Он так и говорит, прервав занятия: «Дорогие мои! Поглядим на этот удивительный дождь!...» По-другому ведет себя педагог-реалист при виде природного явления, стучащего в окно класса. Педагог-реалист предъявляет детям все способы *выживания* в сложнейших обстоятельствах непредсказуемой действительности, ибо суровые превратности жизни никого не минуют и надо уметь преодолевать обстоятельства. Он реагирует так: «Дети! Захватили ли вы с собою сегодня зонт, чтобы не промокнуть и не простудиться?»

О педагоге-романтике говорят, что он предъявляет детям жизнь такой, какой она могла бы стать и «должна быть». Вот частный случай такого проживания.

Педагог-романтик умеет вдохновить, призвать, воодушевить, увлечь за собою детей в пространство высоких душевных порывов и деяний. Романтиками были Сорока-Росинский и Шацкий, Макаренко и Сухомлинский. Романтиком был Игорь Петрович Иванов, когда вместе с детьми ехал изменять жизнь в захудалом колхозе. К романтикам мы отнесем Ирину Петровну Стихнину, педагога из города Сургута, создавшую вместе со школьниками Детский Парламент во имя улучшения жизни всех детей города.

Существенный признак педагога-романтика – вера в прекрасную жизнь достойного человека и деятельное содействие такой жизни.

Таково мировоззрение романтика, и на базе данного мировоззрения он выстраивает свою работу с детьми: наблюдает звезды, сажает розы, устраивает театр для людей, вычищает помойки, поет песни, мечтает и планирует деятельность для реализации мечты, протягивает руку взрослым, желая «здесь и сейчас» оставить след своего «Я» в общественной жизни.

Что же касается «педагога-реалиста», то он считает необходимым представить детям ту жизнь, которая «есть на самом деле», полагая, что основное назначение педагога в приго-

товлении ребенка жить в данной жизни и уметь адаптироваться к социальным и природным обстоятельствам.

Для некоторой части основанием восприятия сегодняшней, реальной жизни и оправданием практики профессиональной работы является расхожая (из Булгакова) фраза «В стране разруха!». В школе грязь, беспорядок, дети невымыты и не прибраны – но «реалиста» такая картина не волнует, ибо «в стране разруха». Дети говорят на чудовищном языке мафиозно-блатного мира, но «реалист» не тревожится, так как «в душах тоже разруха». Дети не читают книг, не слушают музыки, не владеют элементарными формами культурного поведения, но «реалист» оправдывает и это: ведь «все так сейчас живут».

Другая часть реалистов извлекла из видения картины действительности жизненно важные умения и навыки, необходимые человеку для социальной адаптации, для заработка, для устройства небедной жизни, и передает их детям, заботясь об их будущем. «Педагог-реалист» снабжает детей житейским опытом, вооружает целым рядом практически полезных привычек. Предложим иллюстрацию профессиональной работы педагога такой ориентации, работающего в том же воспитательном учреждении, о котором шла речь выше.

Сущностный признак педагога-реалиста – принятие обстоятельств текущей жизни и признание конкретных характеристик жизни объективно неотвратимыми, не подвластными человеку.

Поэтому для него главным становится максимальное развитие в детях способности защищаться, утверждать свое «Я», приспособлять поведение к жестким обстоятельствам. Совет одного из педагогов «Не хнычь – в жизни не такое еще случится» мог бы считаться парадигмой реалистической позиции такого толка педагога.

Заметим: «романтик» и «реалист» работают в одной школе. Иногда – в одном и том же классе. Дети не могут определить сущность расхождения профессиональных позиций педагогов, но они, конечно, видят, что их учителя «такие разные».

Бесспорно, что в методике работы с детьми эти два типа педагогов тоже занимают полярно противоположные позиции. «Романтик» предпочитает ф л о с о ф и ч е с к и е раздумья и

групповые дискуссии. Поэтому у него в профессиональной палитре находятся «Разговор при свечах», «Философский стол», «День добрых сюрпризов», «Слушаем скрипку» или «Украшим нашу землю».

«Реалист» выстраивает деловую активность, его группа всегда занята предметной деятельностью. Он практикует экскурсии на завод, встречу с депутатами, косметический ремонт школы, сбор макулатуры для заработка денег, ярмарки поделок, субботники, профессиональные факультативные курсы.

Отличаются разностью и стили общения «романтика» и «реалиста». Если первый ратует за «нежное прикосновение к личности», то второй предпочитает деловое распоряжение; если у первого культивируется тончайший этикет («...был бы счастлив выслушать ваше мнение»), то второму не свойственно даже произнесение элементарной благодарности в адрес ученика («...неплохо ответил, получаешь хорошую отметку»).

В то время как «романтик» изучает психологию человеческого взаимодействия, чтобы суметь не обидеть и не подавить индивидуальность ребенка, «реалист» открывает профессиональные способы организации групповой успешной деятельности, дабы максимально оснастить всех детей предметными умениями.

«Романтиком» давно введено в обиход обращение «дамы и господа», «уважаемые», «дорогие мои друзья». «Реалист» тянет из прошлого опыта универсальное обращение «ребята», явно игнорируя стремительное взросление своих учеников, переступивших порог отрочества уже в седьмом- восьмом классах и находящиеся в чудной поре ранней юности.

Дети, воспитанные педагогом-романтиком, непохожи на детей из группы, с которой работает педагог-реалист. Даже внешний портрет этих детей указывает на их внутренние противоречия. Крайнее выражение такого несходства выступает в облике «идеалистов» и «прагматистов». Наилучший вариант того и другого весьма симпатичен: тонкое одухотворенное лицо, открытость и расположенность к миру во всех его проявлениях, предпочтение ценностных отношений... и рядом деловитость и собранность, умелость и успешность, несуетливость при результативности деятельности.

«Романтик» и «реалист» довольно часто соприсутствуют и хорошо уживаются в одном духовном мире отдельного человека, который воспринимает мир в двух ракурсах. Обратимся к популярной песне «Во поле березонька стояла». Автор ее, конечно же, философически взглянул на дерево: «березонька» – символ девичьей нежности, частица нашей родной земли, проявление красоты, создаваемой природой... Но автор воспринимает то же явление и с точки зрения утилитарно-прагматической, когда поет: «...я пойду березу заломаю», – вероятно, для березовых дров, которые хорошо горят и дают много тепла. Совмещение духовного и материального никого не смущает при восприятии песни.

Профессиональный мир педагогов, отражая данное разделение людей, оказывает самим фактом различия жизненных позиций огромную помощь в подготовке детей ко взрослой жизни и свободному выбору собственной личностной позиции. Детям необходима палитра разных жизненных позиций, избираемых человеком на земле, прежде чем сами они произведут решительный выбор образа собственной жизни.

*Наше профессиональное разъединение вовсе не страшно для дела воспитания, но таит в себе некоторую опасность: если *мера* нарушается, «романтик» преобразуется в слащавого жалкого «сентименталиста», призывающего жить достойно, но ничего не делающего для утверждения достойной жизни детей; а «реалист» приобретает лицо циника, отказывающегося жизни в ее высоких основаниях. Педагог не всегда замечает, как подстерегает и свершается метаморфоза его души. Ради предотвращения нежелательных преобразований и следует педагогу хорошо продумывать жизненные позиции и педагогическую методологию воспитания.*

В одной классной комнате дети в игре «Пять минут до...» представляют свое воображаемое поведение в ситуации гибели всей планеты. Педагог ¹ говорит: «Представим себе, что мы у пульта радиостанции, в руках у нас микрофон. И мы с вами единственные обладатели знаний о грозящем. Что скажем человечеству «за пять минут до...»?

¹ Софья Сергеевна Торосян, педагог гимназии «Эврика», г. Анапы.

В другой классной комнате дети обсуждают вопрос поведения в ситуации, когда человеку предлагают попробовать наркотические средства. Педагог² дает необходимые инструкции к выстраиванию ответных действий, потом говорит: «Теперь проиграем ситуацию, проведем предварительные упражнения...»

Это «романтик» и «реалист» работают с детьми. Как ни странно, но и педагоги-романтики, и педагоги-реалисты соглашались в том, что счастье человека на земле требует внимания и педагогических усилий для возвращения особого феликсологического дара у наших детей.

В стороне стоит, презрительно отвергая проблему счастья, педагог-циник, полагающий, что жизнь – это грязная дорога, на которой иногда находят золотые монеты...

Цинизм не порождает счастья. А циник не способен проживать счастья. Педагог-циник не может содействовать формированию счастливых детей.

² Наталья Борисовна Жила, педагог гимназии «Эврика», г. Анапы.

МЕТОДИКА ФЕЛИКСОЛОГИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

Вопросу методики феликсологического воспитания предположим две простейшие ситуации педагогического плана. Одна изъята из урока риторики, другая из занятий внеклассного порядка (работа проводилась с детьми одной школы).¹

Урок риторики имеет название «Заговори, чтоб я тебя увидел...». Фраза, произнесенная Сократом, отражает главную идею учебных занятий: овладевая лексикой, логикой, образностью речи, человек наиболее полно может раскрыть свое «Я» другим людям. Замысел педагога открыт в его феликсологическом векторе: быть понятым другими людьми – один из залогов счастья. Интересно начало работы с юношеством. Ученики определяют свое состояние перед интенсивной деятельностью: «Я – как рыба в воде...», «Я – как бабочка в хороший летний день...», «А я – как Колумб перед открытием Америки...». Все, что происходит на занятиях, можно без натяжки интерпретировать как развитие способности к счастью жизни, потому что и в процессе занятий ученики проживали удовлетворенность ходом дела, и то, чему они научались, обретало для них жизнеформирующее значение.

Другое занятие – классный час «Хочу и надо». Не воспроизводя фабулы занятий, выделим следующее. Два основных понятия были предметом анализа девятиклассников: «мечта жизни» и «цель жизни». Введенный игровой момент – субъект в процессе осознания своей мечты либо вставал на «дорогу цели», либо уходил на «облако мечты» – позволял участникам занятий продумать принципиальное отличие «мечты» от «цели» и содержательную непохожесть деятельности при наличии мечты и присутствии цели. И тут, хотя о счастье не было сказано ни слова, педагог явно занимал феликсологическую позицию, содействуя формированию у юношества осмысленности своих желаний и проектов.

Приведенные примеры служат нам основанием для утверждения основного положения: нет необходимости в специально организованной работе педагога по развитию у детей способности к проживанию счастья. И ошибочным было бы программное составление всех профессиональных действий по инициированию

¹ Школа № 20 г. Старый Оскол Белгородской области. Педагоги: Мальцева Юлия Павловна, Григорович Марина Викторовна.

этой феликсологической способности. Такая способность имеет интегральный характер, она результирующий продукт всей воспитательной работы с детьми. (Точно так же, как в семейном воспитании она, эта способность, рождается как продукт всей жизни ребенка в семье.) В этом тонкость и деликатность проблемы. Для решения ее, достаточно, чтобы профессиональная подготовка педагога включала в свое содержание педагогическую направленность внимания педагога на состояние ребенка в процессе всей жизнедеятельности.

Но какие условия и какие элементы воспитания должны быть обеспечены, чтобы в ходе процесса организованной жизнедеятельности складывалось важнейшее качество личности – умение быть счастливым? Ответим на этот вопрос.

С одной стороны, счастье – то, что протекает внутри личной структуры, в душе человека. Следовательно, человек относительно независим от окружающего мира в проживании счастья.

С другой стороны, мы не можем не видеть, как способность стать счастливым реализуется при определенных обстоятельствах жизни и вовсе не развивается при других общественных условиях жизни человека. Достаточно поглядеть на угрюмые лица граждан нашей сегодняшней страны и вспомнить, как во времена большей нищеты, чем сегодня, ясные и радостные лица отличали общественную картину социально-психологического климата.

Выше, по ходу наших размышлений, мы все время выходили на то, что это очевидное противоречие разрешается механизмом *интериоризации* объективного фактора счастья в субъективный агент счастья: если общение с людьми имеет ценность для субъекта, то встреча с другом выступает агентом счастья и позволяет проживать субъекту счастье; если красота природы открыта для субъекта, то прогулка по полю вдоль реки становится сильным агентом счастья, вызывающим соответствующие переживания; если Отечество значимо для человека, то успех Родины проживается как собственный успех и ввергает человека в проживание удовлетворенности жизни как таковой.

Потенциально всем нам даны одинаковые шансы проживать счастье. Вот один день:

- *проснулся и увидел солнце на голубом небе;*
- *сел за стол к утреннему завтраку и вдохнул чудный запах кофе;*

- встретил по дороге на работу красивую женщину с малышом;
- вошел, а все коллеги радостно тебя приветствуют;
- работа была плодотворной, мы нашли, наконец, техническое решение;
- забежал в магазин, купил крохотный букет цветов для любимой;
- нажал кнопку звонка, услышал радостные восклицания...

Однако не всегда «мелочи жизни» предстают в своем обобщении, и, следовательно, не для всех являются актуальными агентами счастья. И даже порой раздражают:

- «Опять жаркий день будет!»
- «Зачем варили кофе? Я же просил чаю!»
- «Еще одна бездельница гуляет, когда все идут на работу!»
- «Чему радуются?! Наверное, просить станут о чем-то...»

Очень важно умение «видеть» мир вокруг себя. Педагог развивает у детей такое видение, умение замечать ситуации и события жизни повседневного порядка, открывая их значимость для собственной жизни. Иногда рассказывает детям то, что видел и слышал сам. Вот пример тому:

- Я ехала в метро, рядом со мною в переполненном вагоне стояли юноша и девушка. Я невольно слышала их разговор:
- Паша, когда я читала твои стихи, то чуть не плакала от переизбытка чувств. Спасибо, ты подарил мне облачко счастья.
- Солнышко, если бы не ты, я никогда не написал бы его, оно – о тебе, оно – для тебя...

Удивительно, но я тоже почувствовала нечто, похожее на счастье, как будто одно уже знание, что люди умеют любить, преобразовало мое отношение к жизни...²

На фоне общего восприятия и проживаемого ценностного отношения человека к жизни происходит медленное, незаметное,

² Рассказывает Жанна Еремян, студентка психолого-педагогического факультета МПГУ им. Ленина.

неуклонное формирование его способности оценивать все происходящее с точки зрения человеческой жизни. А в итоге, развитие такой способности является подготовкой к будущей (взрослой) жизни, которая, несмотря на различные обстоятельства, становится успешной, поскольку человек выстраивает собственное счастье.

Широкий мир предоставляет беспредельные возможности проживать счастье, но при одном условии: человека следует научить умению воспринимать мир во всем его удивительном разнообразии. И, воспринимая, взаимодействуя с объектами мира, он обретает возможность обнаружить за каждым мигмом такого взаимодействия ценностное содержание... процессе организованного взаимодействия с детьми расставлять феликсологические акценты на тех моментах проживания удовлетворенности, которые выводят внимание детей на общее отношение к жизни как таковой.

Профессиональная, параллельная сказанному забота педагога о развитии способности осознавать себя в мире социальных связей (то, что обычно именуется субъектностью) – столь же плодотворная подготовка к счастью жизни.

Приведем фрагмент диалога между мистером Диккенсом и Дугласом. Его содержание касается вопроса меры субъектности человека, который хотел выстроить жизнь определенного уровня, но не смог реализовать свои субъектные планы.

– Ну ладно. Кто Вы?..

– Я человек, который не дорос до своей мечты.

– Что это значит?

– Это значит, Дуг, что я, когда был молод, кроил себе платье не по плечу. Я так и не дорос до лучшего костюма, который висел в моем чулане. Я не стал тем, чем хотел стать. Теперь я тоже притих...³

Конструктором счастья является субъект в качестве отдельного лица или *совокупный субъект* как отдельная группа, объединенная единой волей и активным ее проявлением во имя осмысленного социально или личностно-значимого результата, взаимодействующие с окружающим миром как единый социальный

³ Брэдбери Р. Лучшее из времен. \Вино из одуванчиков. -- М., 1889, с.33.

организм. Удовлетворенность жизнью индивидуального субъекта либо совокупного субъекта рождается при условии, что субъект ставил цель, знал, чего хочет от жизни, имел образное представление о том, что именно должно стать содержанием его индивидуальной или групповой жизни.

Подчеркнем это положение:

***Там, где отсутствует субъект,
там не присутствует счастье.***

«В 52 года с Генделем случился апоплексический удар. Врач вынес приговор, что он останется парализованным навсегда. Но Гендель хотел жить, хотел творить. И, преодолев законы природы, эта воля совершила чудо. Воля шла ва-банк: или жизнь, полная счастья творить, или смерть. Через две недели он вырвался из пут смерти, чтобы обнять жизнь более горячо, более страстно, чем когда-либо раньше»⁴.

Однако нельзя не отметить тесной связи между способностью человека быть субъектом и способностью субъекта обрести смысл жизни. Мера субъектности, то есть способности отдавать себе отчет в собственной жизни, у каждого человека либо низкая, либо высокая. Низким уровень субъектности бывает, когда человек не выходит в осознании себя в мире за пределы ситуации, еще не обеспечивает возможности переживать счастье, ибо оценка жизни предполагает наличие эталона жизни, с которым могла бы сопоставляться реальная жизнь субъекта. При высокой мере субъектности человек не только осознает действительное, но и проецирует желаемое, обеспечивает в сознании субъекта смысл жизни: во имя чего выстраивается его собственная жизнь. Вне смысла жизни нет проживания счастья: оно просто не может возникать в личностной структуре, так как опора для сопоставления той жизни, которую «я хочу проживать», и той жизни, «которую я сейчас проживаю», отсутствует.

А.Эйнштейн говорил, что человек, считающий свою жизнь бессмысленной, не только несчастлив, но вообще едва ли пригоден для жизни.

⁴ Цвейг С. Собр.соч. -- М., 1993, т.10, с.24.

***Там, где отсутствует смысл жизни,
не размещается счастье.***

Связь «счастья» и «смысла жизни» фундаментальна. Педагогические методики должны выстраиваться на базе такой зависимости. Педагог, выводящий детей на вопрос о смысле жизни, уже содействует тому, чтобы зарождалась и развивалась способность к проживанию счастья.

Взаимодействие педагога и воспитанника, если оно тонко и верно организовано, инициирует активность ребенка и формирует его способность быть субъектом деятельности и, следовательно, потенциальным субъектом собственного счастья. Зная это, педагог апеллирует к субъектности ребенка, учит свободно выражать свое «Я», вступать в диалог с другим «Я», предвидеть последствия своих действий, производить свободный выбор, оценивать их результат; он учит взаимодействию с жизнью, которую ребенок выстраивает самостоятельно. Парадигма инициирования субъектности выражена тремя вопросами:

- *Чего ты хочешь?*
- *Как ты себя при этом чувствуешь?*
- *Подумай, как чувствует себя другой человек при этом?*

Простейшие вопросы побуждают разум к осознанию происходящего, воспитывают привычку разума к самоконтролю и предвидению последствий содеянного.

«Быть человеком – это и значит чувствовать, что ты за все в ответе. Сгорать от стыда за нищету, хоть она как будто существует и не по твоей воле. Гордиться победой, которую одержали товарищи. И знать, что, укладывая камень, помогаешь строить мир»⁵

Применяя эту парадигму в работе с детьми, педагог побуждает их соотносить свои действия и их влияние на других людей, а также соразмерять эти действия и последующие за ними события.

⁵ А. де Сент-Экзюпери. Планета людей. – М., 1983, с.161.

Условием развития субъектности выступает уважение личности ребенка и признание его индивидуальных особенностей как данности. Те же вопросы могли бы принять следующую форму:

- *Какого счастья ты хочешь как субъект жизни?*
- *Как ты себя будешь чувствовать, добившись такого счастья?*
- *Как будут чувствовать себя другие люди, когда ты осуществишь свой счастливый замысел?*

Быть субъектом счастья – это отдавать себе отчет в последствиях собственной активности, направленной на достижение желаемого образа счастья.

Школьные педагоги, профессионально осознав роль субъектности в становлении личности, иногда выделяют в качестве автономной задачи формирование субъектности школьника. Вот, например, как это выстраивается:

- ...*Сначала – развитие способности к рефлексии,*
- потом – научение аналитическому оцениванию собственной деятельности,*
- затем – созидание нормативных проектов обустройства школьной жизни,*
- а далее – внедрение новых отношений в жизнедеятельность школы...*⁶

Сказать, что жизнь научает человека счастью, -- значит, ничего не сказать, так как в этом суждении подразумевается стечение стихийных случайных обстоятельств, которые не могут выступать в роли субъекта. Но сказать, что педагог через организацию жизни детей оснащает их возможностью развивать у себя способность проживать счастье, – значит точно отразить реальную картину. Только она и объясняет, отчего один человек даже при сложных условиях жизни несет в себе способность быть счастливым и отчего другой человек при самых благоприятных условиях так и умирает, не познав счастья.

⁶ Из выступления Игоря Григорьевича Пальчика, педагога лицея № 18 г.Калининграда.

Субъектом содействия счастью, а одновременно и субъектом феликсологического воспитания, могло бы выступать общество, но этого мы признать сегодня не можем, ибо наше общество, подвластное криминальным структурам, не имеет ни силы, ни способности играть роль субъекта формирования достойной жизни своих граждан. Хотя нельзя не признать, что общество обладает огромными потенциальными возможностями формирования у гражданина представлений о счастье, стремлений быть счастливым и инициирования энергии гражданина на самостоятельное усилие во имя достижения счастья. (Вспомним плакат, вывешенный в Москве на всех многолюдных улицах и проспектах – «Наполни жизнь пивом!» и поглядим вокруг на людей с бутылками пива в обнимку – не наблюдаем ли мы последствий социального влияния на представление о достойном?!»). Общество могло бы стать, но наше общество не способно сейчас выступать субъектом феликсологического воспитания. Впрочем, общество сегодня вовсе не интересуется детьми и их судьбами.

Родители, бесспорно, – самый сильный потенциальный субъект феликсологического воспитания. Их стиль жизни, аргументы, свободный выбор в альтернативных ситуациях, тематика бесед, оценки происходящего вокруг семьи и в самой семье, рассказы о работе и знакомых, психологические формы отраженного отношения, а в итоге, весь веер ценностных предпочтений – все это могло бы оказать кардинальное влияние на становление у детей способности быть счастливым. А.С. Макаренко советовал родителям жить полной, радостной жизнью: смеяться, танцевать, играть на сцене, -- заражая своим счастьем детей, поскольку метод подражания в воспитании имеет большое значение. Он был уверен, что несчастные родители не могут воспитать счастливых детей. В первую очередь, они сами должны обладать способностью быть счастливыми, и тогда воспитание детей станет чрезвычайно легким, хорошим и прекрасным делом.

Однако и семья отстраняется сегодня от воспитательного процесса, не справляясь с проблемами общего выживания и семейного сохранения. Семья не берет на себя роли субъекта феликсологического воспитания. Педагогу предоставлена эта важнейшая роль в виду сложной социальной обстановки в стране.

И педагог в процессе формирования у детей способности проживать счастье жизни как будто выполняет удивительную роль «двойного субъекта». Во-первых, он субъект феликсологический: он хорошо осознает суть счастья, показатели и признаки счастья, содержание и разновидности счастья. Во-вторых, он субъект педагогический: он предвидит воспитательный результат и несет ответственность за формирование способности быть счастливым. Такое сочетание естественно, хотя и усложняет работу педагога: ведь у него имеется в сознании индивидуальный вариант образа счастья личного плана, предназначенный для реализации в собственной персональной жизни. Сложность не в том, что педагог профессионально не подготовлен к феликсологии воспитания, а в том, что существует опасность навязать ребенку свое представление о счастье, подменить формирующееся представление о счастье уже готовым, но сторонним, чужим, не свойственным ребенку образом счастья.

Быть субъектом счастья – это суметь выстроить счастливую свою жизнь, как ее себе представляешь. Быть же субъектом феликсологического воспитания – нечто иное: суметь инициировать формирование у детей осознания счастливых минут жизни и содействовать общему оцениванию жизни в соотнесении ее хода с представлением о счастливой жизни.

Взглянем на нашу проблему со стороны процесса: *что происходит* в личностной структуре в процессе становления способности личности к счастью?

Выделим, в первую очередь, формирование *ценностей*: они определяют качество сложившегося в сознании ребенка образа жизни.

Отметим, во вторую очередь, развитие ценностного содержания *восприятия*: оно раскрывает субъекту жизненную значимость окружающих объектов.

Укажем, в третью очередь, становление ребенка как *субъекта*: оно позволяет ему оценивать свое «Я» в связях с миром.

Наконец, зафиксируем развитие у ребенка в *деятельности* максимума умений по взаимодействию с миром: они предоставят ему весь спектр факторов счастья.

При отмеченных условиях – расширять кругозор жизни и способность быть субъектом – педагог совершает ряд профессио-

нальных шагов по лестнице, ведущей к способности ребенка проживать счастье.

Предотвращать ситуацию несчастья – первый феллинологический шаг педагога.

Помня о факторах счастья, педагог организует деятельность группы таким образом, чтобы каждому ребенку было физически и психологически комфортно во время работы, прослеживает обеспеченность школьника всем необходимым, корректирует взаимоотношения в школе, содействует индивидуальным успехам, выстраивая ситуацию успеха, и участвует вместе с детьми в преобразовании конкретных обстоятельств школьной жизни или жизни микрорайона.

В практике сегодняшней школы часто детям достаются последние столы, поломанные стулья, не хватает книг и тетрадей, у многих проблемы с учебными принадлежностями. Нечасто педагоги интересуются, всем ли удобно, все ли успели подготовиться к работе, все ли хорошо настроены на серьезную деятельность.

...Корней поднялся, и со стола посыпались разные предметы. Все расхохотались, а Корней молча и обреченно стал подбирать один предмет за другим. Вдруг из школьной сумки полилась вода... Класс веселился. Мальчик вырвал лист из тетради, попробовал растереть воду по полу, уничтожить лужу... Новый преподаватель бросился на помощь, неся в руке пачку салфеток. Когда они вдвоем справились с бедой, преподаватель сказал громко, явно для всех предназначая сказанное: «Я уважаю мужчин, умеющих игнорировать недостойное поведение окружающих и самостоятельно разрешать проблемы». В классе стало тихо. Глаза Корнея сияли, и плечи его были в свободном развороте.

Дети не всегда хорошо и удобно одеты, потому что за ними дома никто не присматривает, они не очень хорошо накормлены, потому что о них дома забывают, они чаще всего вовсе не мыты, потому что их не приучили к гигиеническому уходу за телом. Педагог не может обеспечить ребенку все необходимое, но мог бы корректировать фактор материальных условий.

...Рубаха болталась сзади, и волосы были спутаны. Сережа представлял собою предмет для насмешек. Сейчас кто-то начнет упражнения в остроумии, и тогда издевкам не будет конца. Педагог тихо по-дозвал мальчика, что-то сказал. Тот вышел в коридор, но прозвенел звонок на урок, и дежурный в коридоре строго остановил ребенка: «Иди в класс!». Но педагог сказал: «У Сергея есть дело важное, я попросила его кое о чем». Вернулся мальчик прибранным, умытым и причесанным...

Профессиональных трудностей в корректирующем воздействии нет, если помнить, что несчастьем для ребенка становится самое маленькое и незаметное происшествие, что у маленького ребенка формы счастья и несчастья находятся в соответствии его возрасту – такими же маленькими и пустяковыми, на взгляд взрослого, но огромными в масштабе личности ребенка. Отдельное мелкое замечание педагога в адрес ребенка иногда вызывает у него мучительные переживания. Поэтому, чтобы исключить отрицательные оценки в общении с детьми, педагогу следует использовать достижения педагогической технологии, прибегая к тонким операциям «прикосновения к личности».

Первоклассник подошел к даме в вестибюле школы:

– Здравствуйте! – приветствовал он незнакомого человека.

– Здравствуй, – отвечала та.

– А я вас что-то не знаю, – протянул он неуверенно.

– Это понятно: я первый раз в вашей школе.

– Какой у вас интересный прикид! – продолжал маленький школьник.

– А он тебе нравится, мой костюм? – прозвучал ответный вопрос.

Отметим, как просто и легко сделана подстановка понятия «костюм» вместо слова из субкультуры «прикид». Малыш немедленно этим воспользовался, откликнувшись так: «Костюм – что надо».

Педагогическая технология – научная дисциплина, как будто специально созданная для воспитания счастливого; она оснащает педагога искусством воздействия на ребенка, входящего в мир

культуры, так чтобы в таком трудном восхождении не утерялась способность проживать счастье жизни.

Педагог должен профессионально уметь создавать общий мажорный психологический климат в группе: это обеспечивает благоприятные условия для самочувствия каждого ребенка и проживания им в группе счастливых минут деятельной жизни.

Научиться создавать благоприятный социально-психологический климат в группе – второй феликсологический шаг педагога.

Итогом такой профессиональной обеспеченности станет явление, называемое «счастьем школьной жизни». По окончании школы и долго потом в зрелые годы от школьных воспоминаний, слабых, потерявших остроту и четкость, останется ощущение себя в состоянии счастья и на уроке, и на перемене, в актовом зале, посреди школьного двора, когда все шло успешно, но и когда вдруг все двигалось из рук вон плохо. Счастье школьной жизни должно бы составить одно из слагаемых счастливого детства.

К сожалению, если не сказать, к несчастью, лишь в очень небольшом количестве школ сохраняется высокий этико-психологический климат, в котором свободно чувствует себя каждый ребенок.

Рассказывает Александра Федоровна Рыжухина⁷:

– ...Состоялось заседание комиссии по делам несовершеннолетних при Управлении образования.

Подросток седьмого класса пропустил 82 урока, идет разговор о неотвратимом второгоднем обучении. Я обращаюсь с вопросом:

– Артем, почему ты не посещал школу? Тебя там обижают?

– Нет, – был ответ.

– Тогда почему же ты не хочешь ходить в школу?

– А вы спросите, кто хочет ходить в школу! – услышала я.

⁷ Рыжухина Александра Федоровна, педагог школы № 1 пос. Товарково Калужской области.

Подросток уверен, что счастливых в школе не существует, что находиться в школе -- само по себе уже несчастье для каждого. Удручает, прежде всего, устойчивость негативной позиции по отношению к школе, высказанная неожиданно и спонтанно несчастным подростком. Но, по нашим данным, и педагоги чувствуют себя дискомфортно в школе, для них не существует счастья школьной жизни. Предлагаем коллегам пристально поглядеть на мимику, позу, походку и общую пластику, окинуть глазом костюм учителя, вслушаться в речь, интонационную окраску, мелодику голоса школьного учителя – показатели счастья, – чтобы согласиться с грустной констатацией несчастливого учителя в школе. Да не от него ли идет эмоциональное заражение пессимизмом, страхом, агрессией, неуважением всех людей вокруг?! Не от него ли дети черпают поведенческие формы и грубые жесты?!.. Не хотелось бы обижать педагогов, уже оскорбляемых обществом и государством, но нельзя не заметить, что детям трудно в школе найти образец нежного и чуткого, доброго и открытого, веселого и радостного отношения к людям – образец, которому дети могли бы подражать невольно, естественно, незаметно, без духовного напряжения и физических усилий.

Оставляя за границами нашего рассмотрения методику создания благоприятного психологического климата в группе, укажем на элементарные профессиональные умения педагога в его искусстве влияния на настроение присутствующих людей: «положительное подкрепление», «Я-сообщение», «педагогическая поддержка», «просьба о помощи», «авансирование», «оправдание поведения», в том числе и простые педагогические средства, такие, как школьный интерьер, музыкальный фон, традиционное приветствие, юмор и шутка, нарядный внешний вид детей и педагогов, добрые пожелания, занимательные и интересные виды деятельности. И главное – гарантированная защищенность каждого человека в школе, обеспеченная жестким табу: «Нельзя посягать на человека».

Педагог научается выделять из бесконечного многообразия текущей повседневности счастливую сущность проживаемого момента и обозначать мгновение как счастье – третий феликсологический шаг.

И этот профессиональный шаг вовсе не труден. Он не нуждается в дистилляции жизни – перегонке обстоятельств с целью очищения. Напротив, богатая жизненными соками, примесями, красками, звуками жизненная ситуация таит в себе скрытое счастье уже тем, что предоставляет богатое содержание для проживания отношений. Иногда педагогу приходится инструментально препарировать обыденное, чтобы обнаружить скрытую сущность. Если, конечно, он понимает сущность счастья как феномена жизни.

...На столе педагога появились часы, большие и красивые стрелки были видны всем, даже сидящим за последними столами. Занятия начались, про часы все забыли. Как вдруг раздался звонок – часы прервали работу. Согласно показаниям стрелок, прошло ровно пятнадцать минут. Педагог ставит вопрос: «Как протекала наша жизнь в это период? Была ли она счастливой жизнью?»

Первичное недоумение детей заменилось веселым откликом: вот что успели сделать; вот как себя чувствовали; вот что было хорошо в эти минуты... А педагог продолжал ставить вопросы: «Были ли мы счастливы в этот краткий миг жизни? Можно ли наше состояние в процессе интенсивной работы назвать счастьем жизни?»...

Учителю, который бы нам возразил: «Нет времени на методику «будильника» – надо программу выполнять», – мы бы ответили так: если человек не представляет собою развитую личность и не имеет счастья как цели жизни, то никакие методики не заставят его «проходить программу», дети один за другим выпадают из контекста школьного обучения, вынуждая школьного учителя искать хитрые приемы принуждения.

Взаимодействуя с детьми, педагог проживает жизнь и минуты счастья этой наполненной совместной деятельностью с детьми жизни. Дети воспринимают педагога и отражают восприятие зеркальным образом: мрачность педагога рождает обратный портрет мрачности, открытость педагога вызывает открытость детей. Счастье, проживаемое учителем, зеркально воспроизводится детьми, и они проживают счастливое состояние вместе, подверженные эмоциональному заражению. Персона педагога – это и образец

счастья, и фактор счастья, и возбудитель счастья, и организатор счастья.

Но необходимо, чтобы...

педагог умел ярко, выразительно, пленительно высказывать собственное проживание счастья, чтобы оно стало доступным для восприятия детей – это четвертый феликсологический шаг.

Владение педагогической техникой (голосом, мимикой, пластикой, темпо-ритмом движений, мелодикой движения и прочее, что относят к элементам актерского мастерства) придает свободу профессиональной деятельности педагога, он легко и естественно на глазах аудитории (группы) проживает открыто минуту счастья. Это часто завораживает детей, захватывает, увлекает. Но даже, если нет эмоционального заражения, все равно перед детьми предстает образная картинка счастья, они теперь знают, что какой-то фактор жизни может доставить счастье.

– Девочка робко произнесла суждение. Учитель услышал, понял состояние этой ученицы. Инструментует свое отношение так: «Пожалуйста, еще раз твое замечательное мнение произнеси для нас. Оно особенное, не похожее на наши высказывания. О, как я счастлив, когда люди смеют думать неодинаково!»...

К педагогической технологии относится и умение воспринимать состояние детей, замечать малейшие изменения и динамику их настроения, корректируя немедленно неблагоприятное состояние.

Отметив психологическую зажатость, педагог предлагает всем детям выйти из-за столов и расположиться вокруг учительского стула – тесным дружеским кругом. Ошеломленные дети замерли в неподвижных позах. Кто пойдет первым на такой необычный способ общения?!

Проследивать состояние детей, корректируя негативное и поддерживая позитивное – пятый феликсологический шаг педагога

Практика показывает, что школьный педагог, как правило, хорошо фиксирует настроение группы и знает, что должен и может резко изменить негативное настроение, но ...– он боится! Он страшится оказаться смешным, быть неверно понятым, он опасается, что не удастся точно представить свое отношение. Он боится показаться глупым – одна из самых распространенных ошибок человеческого общения, создающая психологический зажим и интеллектуальный тупик и мешающая человеку быть свободным.

Если вслушиваться в то, что говорят дети, то обретаешь профессиональное мужество изменять воспитательную ситуацию. Вот слова подростка из города Тольятти:

– Сегодня я понял, что если не спорить с учителями и делать вид, что ты их слушаешь, учиться будет легче, и они тебя оставят в покое.

В этом прямом зеркале педагоги дурно выглядят.

Однако нельзя забывать, что при всей этической, психологической, технологической подготовке педагог не подменяет собою ребенка и не формирует счастья ребенка, а только лишь содействует развитию у того способности к счастью. Если человек – творец счастья, то почему же школьник не может стать творцом собственного счастья?!

К сожалению, мы почти не встречаем подобного мнения среди школьников и педагогов. Да и родители склонны к тому, чтобы утверждать полную зависимость счастья школьника от их собственных родительских усилий, от качества школьного воспитания, от профессионализма педагога и, разумеется, от случая и удачи («повезет – не повезет»). То есть школьника классифицируют как некий объект, которым распоряжаются обстоятельства и состояние которого целиком зависит от внешних воздействий судьбы. Таким образом, исключается вовсе способность школьника быть счастливым как предмет озабоченности, объект влияния и задача воспитания.

К.Д. Ушинский предупреждал, что если мы хотим готовить ребенка для счастья жизни, то следует его готовить к труду жизни.

Своеобразной переключкой с великим педагогом стало создание в лицее №18 г. Калининграда школы художественных ремесел, обучающей гимназистов 16-ти ремеслам.

Оснащать детей самыми разными жизненно важными умениями – еще один шаг педагога, позволяющий ему вести детей к счастью.

Необходимо упражнять физические и духовные силы ребенка в преодолении трудностей, сопротивлении обстоятельствам и не всегда благоприятным условиям. Мудрые педагоги всегда следуют правилу: «Ничего не делать из того, что бы могли сделать самостоятельно дети». Как ни странно это звучит, но нельзя не признать, что дорога к счастью лежит через усилие как способ обрести множество умений, открывать истину и научиться творчеству.

Одна из самых печальных распространенных педагогических ошибок состоит в следующем: педагог констатирует, что условий у ребенка нет для выстраивания хрустального дворца счастья, обстоятельства не совсем благоприятны в силу его малых физических и духовных сил; следовательно, надеяться, что школьник окажется способным выстраивать свое счастье «здесь и сейчас» не приходится; и поэтому приходится удовлетворяться проецированием счастья на будущее, когда школьник покинет стены учебного заведения, в ситуации один на один с жизнью станет созидать свое счастье.

Но уже сейчас, в детские и юношеские годы, школьник как субъект собственного счастья жизни (собственного поведения, действия, слова, реакции, поступка, дела, обещания) должен иметь в сознании образ счастья в индивидуальном варианте (чего хочу?), знать о способах и средствах достижения желаемого (что для этого надо?), уметь составлять план активной деятельности по пути достижения желаемого (с чего начать?), проецировать последствия таких достижений (что со мною будет тогда?), а также участия других людей в реализации личного замысла и их самочувствия в слу-

чае удачного достижения желаемого (кого это коснется и каким образом скажется на их счастье?).

Все названные социально-психологические образования и лежат в основе методики работы педагога с группой детей по развитию у них способности быть счастливым.

Этот путь пролегает в русле ценностей жизни, того, без чего нет человеческой жизни на земле, но наличность чего укрепляет жизнь, совершенствует жизнь, обогащает духовным содержанием мир каждого человека.

Почти каждый момент совместной работы с детьми обладает возможностью быть представленным как значимый для жизни.

– *Заметили ли вы, как легким зеленым облачком накрылись весенние деревья?..*

– *Метель нам дается как будто для того, чтобы мы учились сопротивлению обстоятельствам...*

– *Будем считать полезным то, что сейчас с нами произошло, как бы ни было стыдно: учитывая горький опыт, не позволим себе низко падать...*

– *Мы хорошо поработали, поэтому отдых будет особенно приятен...*

Педагогу отводится весьма важная роль в становлении способности воспринимать и выявлять ценностную значимость окружающих объектов мира. Подчеркнем: именно педагог обладает такой потенциальной возможностью, ибо он организует деятельность группы детей и от него зависит содержание как групповой, так и индивидуальной деятельности воспитанников.

Дети читают художественный текст, встречаются с художественным приемом сравнения: «покладистая, как старая собака». Педагог просит детей описать их представление о «старой собаке». И слышит: «...трехногая, наверное». Никто не сказал: «мудрая», «добрая», «понятливая», «всепрощающая»... Вероятно, в сознании детей «старость» всегда ущербна. Педагог не может не заострить внимания на таком отношении к явлению жизни, оно грозит стереть способность быть счастливым с годами, а также ликвидирует способность обрести радость от общения со старостью. Поэтому он добавляет:

«...вероятно, у нее умные глаза? может быть, великодушное сердце? Живущая долго, она, скорее всего, умеет отделить мелочное от главного? Поэтому она «покладистая»?..

Очередная псевдонаучная попытка формировать счастливого человека лабораторным путем с помощью изолированных психологических методик, ввергающих участников в блаженное состояние эйфории, чрезвычайно опасна своим последствием, когда доведенные до истерии иллюзорного счастья участники психологического воздействия перешагивают порог лаборатории и обнаруживают свою полную неготовность реагировать на повседневную, столь не приспособленную для блаженного счастья действительность.

Педагогическая роль состоит в том, что в процессе организуемого взаимодействия детей с миром раздвигается для ребенка и расширяется в личностной структуре духовное пространство потенциальных агентов счастливого состояния:

- от элементарных материальных средств существования, таких, как хлеб, молоко, яблоки, а также платье, туфли, куртка, брюки и также теплая комната, мягкая постель, настольная лампа,
- до высочайших духовных ценностей, таких, как слово и мысль, улыбка и нежность, книга и песня, музыка и пение соловья, а также созидательная деятельность, любовь, забота о Другом, благо Родины.

Профессиональная сложность такого педагогического решения, как показывает анализ практики воспитания, состоит вовсе не в нежелании педагогов заниматься формированием ценностных отношений, а в том, что педагог не «видит» ценности за отдельным предметом реальной действительности, тем более, обыденной повседневности: не может за маленькой девочкой увидеть Даму, за чумазым мальчиком – Мужчину, за веткой сирени -- красоту пробуждающейся Жизни, а за классным журналом – беспокойство о способности каждого человека овладеть Истиной.

Разумеется, формирование счастливого человека – задача всей системы воспитания, а профессиональная работа педагога по развитию у детей способности быть счастливым является лишь некоторым педагогическим акцентом в воспитательной системе.

Взгляд на воспитание через призму счастья позволяет по-новому осветить некоторые привычно больные вопросы воспитания. Например, самый больной из них – «трудный подросток» и «дети группы риска».

Рассматривая ситуацию таких детей и вглядываясь в причины драматического положения, мы легко обнаруживаем в качестве истока «Поиск счастья», который производится, в первую очередь, вне человека – там, где располагаются агенты, вызывающие соответствующее состояние. Счастье располагается в душе потому, что душа взаимодействует с окружающим миром и извлекает из него для себя ценности, доставляющие ей чудесное переживание. Напрасно искать счастье в пустой душе, ничего не отражающей и ничем не плененной, закрытой телесной оболочкой от всего мира.

- Педагог, увидев за окном проглянувшее из-за туч солнце, вдруг говорит: «Удивительная штука – жизнь! Как будто нарочно нам на подмогу пришло солнце, чтобы мы, наконец, справились с интегралами».

- Дети выполнили задание, а учитель: «Какое счастье – хорошо работать, правда?»

- Преподаватель, входя в аудиторию: «Сегодня особенный день на земле – мы стали свидетелями, как человек победил стихию».

- Учительница обращается к маленьким ученикам своим: «Устроим праздник для своих мозговых клеток, поработаем в полную силу – хотите?!» И дети веселым хором: «Давайте! Мозгам – праздник!»

- Директор школы выпускникам: «Какое это счастье – преодолевать трудные обстоятельства. Экзамен – это дорога к счастью. Идем же честно по ней, чтобы последствием стало реальное счастье каждого из нас!»

- Учитель истории: «Я расскажу вам о том, как человек был счастлив, умирая, и как поражен был обыватель, узнав про такую историческую смерть...»

Выделим отдельные профессиональные методы педагогического воздействия для развития способности воспринимать, расценивать жизнь на земле как счастье, чтобы проживать счастье «здесь и сейчас».

Название этим методикам присваивается условное, во-первых, потому что в практике эти методики имеют некоторое распространение именно под данным обозначением, а во-вторых, потому что первичное осмысление опыта формирования счастливого человека, как все первичное, подлежит в дальнейшем доработке и переработке.

«Предъявление мира»

Практика давно разработала профессиональную операцию «предъявление мира». Иногда ей присваивается название «презентация мира». Нам уже не раз доводилось рассказывать об особенностях этой методики. Педагог раскрывает перед детьми последовательно и неустанно ценностную значимость отдельных объектов мира для жизни человека, производя абстрагирование и выявляя скрытую ценность в очень простых, обыденных и привычных явлениях. Вот голос скрипки – способ сообщить миру о душевных переживаниях; вот запах костра – источник жизни и форма человеческого единения; вот зеркало – возможность взглянуть на себя со стороны; вот скромный цветок – символ красоты и потенциальный символ отношения к любимой.

Предъявляются в своей ценностной сущности предметы, вещи, природный материал, живые природные существа, инструменты, художественные произведения, игрушки, элементы костюма и украшений, декоративно-прикладное искусство, предметы домашнего обихода, а далее – слова, поступки, действия, открытия, суждения, афоризмы и прочее.

Данный способ чрезвычайно экономичен, он не нуждается в специальном обставлении, хотя не исключает форму воспитательного мероприятия.

Например, дети опускают в «Мешок счастья» поочередно руку и вынимают карточку с написанным словом... Фабула игровых действий – «увидеть за предметом счастливое состояние души». Так, дети говорят: «Мне достался блокнот – какое счастье, я могу записать все дни рождения моих друзей...» или «У меня в руках лопата – какое счастье вскопать землю и вырастить овощи для моей семьи...».

Мероприятное обставление данной методики несколько театрализует действие: предмет предъясняется под музыку, особыми движениями, сопровождается особыми интонациями, дети вовлекаются в свое индивидуальное предъяснение предмета всей группе и т.п. Чрезвычайно важно не допускать оценки в адрес ученика, демонстрирующего предмет, не позволять ни хвалить его, ни порицать – а принимать личность как некую данность.

Самой простой формой «предъяснения мира» является педагогическая реплика. Педагогические реплики в эпизодическом общении обладают большими воспитательными потенциями. Педагог сообщает детям о своем самочувствии в связи с каким-либо явлением, доступным детям для восприятия. Например, войдя в классную комнату, он приветствует детей, говоря им: «Какой сегодня замечательный дождь – в такой дождь хорошо думается» или «Подхожу к школе и волнуюсь, потому что нам сегодня изучать неполные предложения – а это такая удивительная конструкция! Очень хочу, чтобы вы тоже полюбили неполные предложения!» или «Вот что я вдруг почувствовала: счастье! Да, мы все работали вместе, и благодаря этой работе родилась красота!»

Не следует пугаться насмешек детей. Сначала, правда, они удивляются и хихикают: странный такой учитель! Но кто не странен в этом мире!? Позволим каждому человеку на земле высказывать свое «Я» – это лучший способ развить интерес к Человеку как таковому.

Приведем признание студентки педвуза в адрес преподавателя педагогики:

–...Вы входили и сообщали свои впечатления от солнца, от мороза, от городского шума или зеленых почек, которые только-только собираются распускаться. Вы говорили «голубой день», «звонкий мороз», «угрюмая толпа», «высокомерные лица красавиц», «легкие снежинки»...Я раньше ничего не видела, кроме тротуара под ногами с мокрыми лужами или кашей снега. Теперь я вижу протекающую вокруг меня жизнь. Спасибо вам».⁸

⁸ Автор просил не называть его имени, что мы и делаем, вопреки нашему обычаю точно сохранять авторство высказываний.

Безусловно, «предъявление мира» требует разнообразной практической деятельности детей, так чтобы разновидности счастья, проживаемого ребенком, разворачивали палитру счастливого проживания действительности во всех ее проявлениях и способствовали выбору доминирующего образа счастья. Ведь счастье – это тоже явление мира, и оно тоже может быть «предъявлено» для рассмотрения. Педагогу важно провести ребенка по всем «ступеням» счастья, обуславливая будущие умения субъекта выстраивать свое счастье вне зависимости от воли обстоятельств. Для этого необходимо организовать разнообразную деятельность на каждой ступени счастья, чтобы дети, познав удовлетворенность каждой ступени, смогли расценивать свои разного характера переживания и отдавать предпочтения той или иной разновидности.

Благодарный материал для методики выбора разновидности счастья содержится в персоналиях великих и выдающихся людей. Масштабность личности великого человека облачает даже мелкий факт его жизни в значительные одежды: выпукло и сочно предстает свободный выбор счастья.

—...Когда детей еврейского детского дома фашисты отправляли в газовые камеры на уничтожение, Янушу Корчаку, педагогу и врачу этого детского дома, была предложена свобода.

Корчак отказался от предоставленной возможности остаться живым и пошел вместе с детьми к страшной смерти, пытаясь отвлечь внимание детей и смягчая суть происходящего, как мог, рассказами, песнями, игрой...Он сделал свой выбор своей счастливой жизни.

Обыденный уровень восприятия такого поступка остается незамеченным, а педагог высвечивает этот производенный выбор. Совершается такое философическое высвечивание разными путями: этической оценкой, эмоциональной реакцией, риторическим вопросом, знаковой паузой, приглашением к индивидуальному размышлению наедине с собою.

Факторы счастья как ценностные характеристики параметров счастья становятся актуальными в том случае, если они лично значимы, вызывают проживание состояния удовлетворения. Поэтому педагогу необходимо организовать проживание ценностного отношения как значимого события в жизни ребенка, преобразуя

потенциальный фактор счастья в сильный агент педагогического влияния.

Формируя способность быть активным у воспитанников, педагог должен выявлять, диагностировать агенты счастья, расширять их спектр до основных ценностей человеческой жизни, без которых ее нет.

Так, например, действует педагог Валентина Николаевна Чучкалова⁹:

Мысленно каждый из нас во время занятий создает свою «планету» и называет ее «Моя планета». Потом рассказывает, как ухаживает ежедневно за планетой своей, как обустроивает эту планету, что располагает из самого ценного на этой планете... Такого рода духовные упражнения, конечно, проводим после прочтения сказки Сент-Экзюпери «Маленький принц». Дети пока умозрительно выстраивают свою систему ценностных предпочтений, представляя свою душу как автономный мир.

Структурный элемент счастья – потребность, которую педагог должен учитывать, формируя способность к счастью у ребенка. Он должен учитывать потребности детей данного момента и характерные для определенного возраста в целом. В то же время он тонко и филигранно возбуждает их проявление у ребенка, оформляя это вербально:

- *Это интересно, так приступим же!*
- *Попробуй это...*
- *Мне кажется, ты это можешь... (у тебя получится)...*
- *Я бы посоветовал тебе ...*

Но, возбудив потребность какого-либо уровня, педагог должен позаботиться о ее удовлетворении. Допустим, детям рассказали, как Ф.Дзержинский во время тюремного заключения, будучи сам очень больным, выносил на плечах умирающего товарища, чтобы тот перед смертью смог в последний раз поглядеть на солнце. Этот рассказ рождает желания детей тоже что-то сделать для

⁹ Валентина Николаевна Чучкалова, педагог г. Тольятти.

другого человека, и если педагог оставит без предметной действенной направленности вспыхнувшее желание, то такое благое стремление гаснет и со временем аннулируется. Духовная инертность – это угасшие юные порывы, так и не нашедшие своего практического воплощения. Поэтому педагог, возбуждая потребность в созидании счастья (у детей это принимает форму предложения «А давайте!...»), предварительно подготавливает почву реального воплощения.

Чтобы расширить мир потребностей, педагог расширяет деятельностное пространство детей. Все виды деятельности включаются в программу и план профессиональной деятельности, а организация предметной деятельности детей подчиняется высоким нормам культуры, от культуры гигиенической до культуры этической.

Следует приучать детей уважительно относиться к тонкой душе Другого и заботиться о сохранении состояния счастья, а несчастью сочувствовать и по мере позволения субъекта оказывать посильную помощь. Но для этого дети должны быть просвещены.

Предъявление своего «Я»

Показатели счастья (вербальные и невербальные) в формировании способности к счастью выступают способом трансляции ребенком своего состояния окружающим, они подтверждают наличие или отсутствие проживаемого счастья. Необходимо учить школьника умению транслировать свое состояние, сообщать и делиться им с окружающими, т.к. в проживании счастья всегда нужен Другой для сопереживания и сострадания. Наше счастье удваивается, разделенное другими. Наше несчастье уменьшается, если проявлено к нам сочувствие.

Нужно учить ребенка культурно транслировать свое состояние, владеть богатой палитрой вербальных и невербальных средств, так как за ними стоят идеи, мысли и отношения субъекта. Наличие показателей счастья и их проявление у детей является фиксацией проявления способности к счастью. Они могут быть выработаны путем тренингов, специальных упражнений, психолого-педагогических игр и постоянного проявления интереса педагога и всей группы к отдельному человеку: Что ты думаешь по этому по-

воду? А как, ты считаешь, следует решать вопрос? Как ты себя чувствуешь, когда...? При этом крайне важно, чтобы любое высказывание уважительно принималось. В случае негативного высказывания есть право выразить свое отношение: «Как жаль, что ты пока так говоришь».

Надо сказать, что практика рефлексии как финала занятий с детьми имеет, к общей пользе дела воспитания, широкое распространение. Но вовсе не обязательно дожидаться завершения занятий, чтобы поинтересоваться о самочувствии детей – это можно производить и по ходу взаимодействия.

Например, в летнем лагере перед тем, как отправиться вместе с детьми на кухню чистить картошку, педагог задает вопрос: «Как вы себя чувствуете, готовясь к работе на благо всех людей нашего лагеря?...»

Притчи, предания, легенды

Использование материала притч, преданий и легенд чрезвычайно плодотворно. Секрет эффективного влияния скрывается тут в образности представляемого для детей явления. Притча как инсказательный рассказ с нравоучением и предание как передаваемый от поколения к поколению рассказ о былом, а также легенда как опозитизированный рассказ об историческом событии с налетом вымысла, некоторой невероятности – все это имеет основанием картинку с действиями. В устной передаче теряется фактическая правда, однако сохраняется идея, впрочем, и идея с веками тоже трансформируется в соответствии тому, что для настоящего выступает в качестве сути проблемы.

Дети страстно слушают историю, происшедшую с кем-либо. Им в этот момент неважно, сколь велик вымысел и какова доля правды. Их увлекает фабула событий и поступки на фоне необычных обстоятельств. Сжатость текста очень притягательна для них. Они легко запоминают, пересказывают дома, среди своих знакомых. Осмысление идет на протяжении не одного дня. Поэтому педагогу достаточно иногда красиво и интонационно богато подать текст, чтобы воображение детей заработало, а потом – скупое, без давления расставить акценты для выявления смысла притчи, предания, легенды.

Одна из самых красивых феликсологических легенд (то есть посвященных проблеме счастья) является легенда о встрече великого полководца Александра Македонского с философом Диогеном. Император, встретив философа, сидящего в бочке, спросил, якобы: «Кто самый счастливый человек на земле?». Услышав ответ: «Я, государь», – нахмурился (полагая, видимо, себя самым счастливым). Диоген пояснил: «Ты владеешь половиной мира, и тебе этого мало. Мне же ничего не надо». Александр, не удовлетворяясь таким ответом, спросил: «Не могу ли я что-либо сделать для тебя, Диоген?». И получил ответ: «Отойди, не застилай солнца».

Интересно отметить, что, как правило, проблема счастья в таком материале выстраивается на сопоставлении денег и счастья. Если обратить внимание детей на это, то можно обострить их мысль в решении для себя такого вопроса.

Вот еще одно предание (пересказанное историком Геродотом) о властелине мира, который тоже почему-то (!) беспокоился о своем счастье. Царь Лидии Крез обладал несметным богатством. Поговорка «богат, как Крез» отразила этот факт. Он тоже интересовался у мудрого правителя Солона, встречал ли тот самого счастливого человека на свете. Солон назвал некоторые имена рядовых граждан Афин, достойно проживших свою жизнь (воспитавших детей, почитавших мать, доблестно воевавших и доблестно погибших на поле брани). Что же касается счастья Креза, Солон отказался дать ответ, не ведая, достойно ли завершится жизнь богача. Крез был уверен, что имел разговор с одним из самых глупых людей Афин.

Сопоставим два факта в преданиях: богатство не только не замещает счастья, но богатство возбуждает беспокойство по поводу счастья: зачем им так волноваться по поводу этого вопроса?! Мы уже отмечали, что раздумья о собственном счастье есть некоторый показатель неблагополучия в области проживания удовлетворенности собственной жизнью.

Размышления о феномене счастья

Пестрый и богатый опыт осмысления жизни и проблемы счастья накоплен в настоящее время школьной практикой. Приведем

в качестве иллюстрации несколько методик. Предположим примерам следующее: нельзя вести беседу с детьми о счастье, не ознакомившись, хотя бы в общих чертах, с философским толкованием феномена счастья; нельзя превращать разговор в житейско-обыденные излияния, в кухонные посиделки. Главное в данных методиках – интеллектуальное и эмоциональное обретение нового в отношении к феномену счастья и к себе как носителю счастья.

«День, наполненный счастьем» – методика легкая и изящная. Она доставляет и школьнику творческую радость. Следует отыскать в повседневности, обыденности, буднях признаки счастья жизни, которые человек проживал, но в суете и смене дел, забот и настроений не запомнил, а значит, не оценил. Предлагается описать течение всего дня с того момента, как открыл глаза утром, и до той минуты, когда ты приготовился к ночному сну.

«Поделись со мною счастьем» – столь же простая и методически легкая форма работы с группой. Детям предлагается рассказать о своем особом состоянии, когда они были, несомненно, счастливы. Иногда педагог составляет общий алгоритм – как опору для раздумий и последующего анализа. Например: «Однажды я... – мне было... – я думаю, что испытывал счастье... – я запомнил это... – теперь, когда я вспоминаю... – спасибо, что выслушали».

Конференция этического плана «Что есть счастье?» – вызывает у старшеклассников неизменный повышенный интерес. Привлечение родителей к участию в такой конференции придает данной форме публичный характер. Участники такого акта общественной деятельности духовно вырастают, поднимаясь на ступень выше в своем общем отношении к течению собственной жизни.

Предельно простая форма – осмысление и групповое обсуждение феликсологического афоризма. Текст яркого и красивого изречения выставляется для всеобщего ознакомления на несколько дней, назначается время дискуссии или предлагается выразить мнение письменно. Производится обобщение и анализ высказываний, представляется для всеобщего обозрения всей школе. Например: «Счастье есть удовольствие без раскаяния», – Л.Толстой; «Счастье дается тому, кто много трудится», – Леонардо да Винчи; «Ни среди глупцов никто не бывает счастлив, ни среди мудрецов никто не бывает несчастлив», – Цицерон.

Недописанное суждение

Эта методика – широко распространенный способ активизировать мысль школьника и содействовать формированию его суждения о счастье. Этот эффективный способ много раз помогал детям делать для себя открытия. Предлагается дать оценку происшедшему с точки зрения общей удовлетворенности жизнью, и тут вдруг школьник обнаруживает, что в неприятном скрыта радость, что неудача становится залогом его будущих достижений, что неприятное предостерегает его от ошибок.

Предположим, педагог просит детей договорить, продолжить, завершить следующую фразу: «Как хорошо, что однажды, когда я расшалился и стал всем мешать, мне сказали «Ступайте, сударь, и приведите себя в порядок», и теперь...» или «Я переписывал и переписывал свою плохую работу, а много лет спустя...».

Эффект сильный, когда педагог сразу по горячим следам происшествия предлагает начальную часть фразы, которая заставляет говорящего продумывать случившееся. Предположим, педагог стал свидетелем успеха ученика, он предлагает детям продолжить фразу «Когда я вижу, как человек способен создать что-то красивое и умное, я ...». Нельзя не признать, что недоконченное предложение провоцирует говорящего на размышления. Если педагог ставит феликсологический акцент, говорящий невольно затрагивает тему счастья и своего отношения к данной теме.

Свободный разговор

Свободная беседа – форма занятий, предназначенная для групповой работы старшеклассников, их интересуют мировоззренческие вопросы, они предрасположены к раздумьям о вечных вопросах жизни и обладают умением философического осмысления.

В этом случае тема не формулируется точно, лишь определяется основной предмет дискуссии. Например, «О счастье». Назначение такого свободного, не стесненного рамками программы и плана разговора в том, чтобы стимулировать активность духовной работы души – и не более того. Здесь главное – выявить беспре-

дельную палитру красок индивидуального проживания счастья, оценить роль счастья в исходе жизни человека, пробудить желание выстроить самостоятельно счастье.

«Читаем и думаем» – подбор литературы, художественной, публицистической, мемуарной, исторической или психологической, в которой так или иначе затрагивается вопрос счастья. Предлагается детям самостоятельно в домашнем чтении ознакомиться с книгой, пообщаться с автором через текст книги, чтобы в назначенное время в группе обсудить впечатление. Если нам скажут, что дети сегодня мало читают или не хотят читать, то мы станем возражать, поясняя: детей не приучают к чтению, не научают чтению, поэтому у них не развивается такая потребность. Однако мы согласимся, что видеofilmы входят в жизнь современных детей в очень большом количестве.

Данная методика могла бы обрести аналогичный вариант – «Смотрим и думаем». После домашнего просмотра ученик отбирает видеofрагмент в качестве иллюстрации своего тезиса, который он планирует высказать на групповом обсуждении.

Игровые методики

Феликсологическая игра – одна из самых красивых методик, сама по себе доставляющая радость ребенку, потому что игра отвечает потребностям молодого организма и душе слабых пока сил. В игре возникают ситуации проживаемого счастья либо несчастья с персонажами игровой фабулы. Играя роль одного из персонажей, ребенок вынужден практически реагировать на ситуацию счастья или несчастья, а значит, он рождает ее некоторое решение собственными усилиями. Приводим интересный рассказ педагога Татьяны Васильевны Ряполовой¹⁰:

—...Играли мы в игру под названием «Скворцы». Скворец – отличный семьянин. Весной он прилетает первым и строит гнездо. Скворчиха появляется чуть позже и производит выбор, но выбирает не сама, а – гнездо для своих будущих детей. А супруга – впридачу. Так как гнезда зимой пустуют, то их занимают воробьи. Соль игры -- в

¹⁰ Татьяна Васильевна Ряполова, педагог школы № 22 г.Тюмени.

конflikте между воробьями, уже занимающими скворечник, и скворцами, собирающимися вить гнездо в скворечнике.

Юноши и девушки десятого класса с жаром играли роли добросовестных скворцов, привередливых скворчих и развеселых непоседливых воробьев. Кульминации игра достигла, когда «прилетели скворчихи и стали наблюдать, как протекает конфликт между воробьями и скворцами...»

Очень бурно протекала рефлексия после игры. Всех моих учеников волновала проблема выбора «гнезда», но не «суженого». Споры были жаркими, но, в конце концов, пришли к выводу о мудрости природы и о принципиальном отличии человека от живого организма, созданного природой. Всех потрясла мысль, высказанная в итоге: «Природа заботится о счастье». Уходили домой, продолжая дискутировать...

Игровые методики имеют свои преимущества, и в современной системе воспитания ребенка им отведен приоритет перед многими методиками. Отсылаем читателя к сборнику игровых методик, проверенных многолетней практикой широких регионов страны.¹¹ Приведем лишь одну методику, рекомендованную нами в качестве программной. Она получила название «Калоши счастья», потому что условно воспроизводит ситуацию одноименной сказки Андерсена.

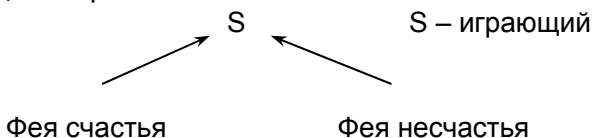
Фабула сказочная: кто-то нашел «калоши счастья» и, надев их, стал счастливым, то есть получил вдруг то, чего хотел.

Играющий выбирает карточку из предложенного веера, читает ее содержание: например, «Тебе подарили велосипед», «Ты получил «пять» за контрольную работу», «Ты нашел много денег», «Ты стал самым красивым в школе», «Ты, наконец, завел собаку» и прочее.

Как только играющий произносит текст, рядом стоящие Фея счастья и Фея несчастья поочередно произносят свои комментарии, говоря «Какое счастье, что...» и «Какое несчастье, что...». Играющий благодарит фей за высказанное мнение. Но собственную точку зрения он выскажет позже, когда все ситуации будут оценены.

¹¹ Щуркова Н.Е. Классное руководство: игровые методики. -- М., 2001.

Мизансцена игры:

Играющие могут поочередно сменять друг друга, но не исключен вариант, когда все подарки «калош счастья» получает один играющий. Здесь главное – вывод, который сделают дети, наблюдая игру.

«Рисуем счастье»

Методика рисунка, не ограниченная интеллектом, имеет право на применение в любом возрастном периоде воспитанника. Ее преимущество в психологической субстанции: методика предполагает возбуждение образной картинки в сознании школьника, не требует обязательного восхождения сознания на уровень абстракции, поэтому каждый и любой школьник может активно участвовать в групповой работе. Рисуются счастье – как оно видится субъекту. Некоторые дети рисуют мешок с долларами, другие – природу, кто-то – дом, а некоторые – человека в предметно очерченных обстоятельствах. Дети интеллектуально развитые рисуют некий обобщенный образ счастья. Весь материал рассматривается, обсуждается, экспонируется. Педагогическая оценка жестко исключается.

День счастливых сюрпризов – модификация рисуночной методики, воссоединяющая представление о счастье, размышления о счастье и практические деяния во имя счастья. Имеет два направления: подарить счастье Другому и подарить счастье своему «Я». Этический акцент ставится на преподнесении счастья – не на его получении. Тем не менее, педагоги должны предвидеть, что кто-то из детей будет обойден вниманием, поэтому заранее обсуждается возможность заготовок «сюрпризов счастья» в нескольких вариантах: на случай преподнесения незнакомому человеку. Эта красивая методика, очевидно, может быть востребована в школе благоприятного климата, где высокая этика взаимоотношений.

Художественный образ счастья

Художественный материал произведений искусства обладает колоссальной силой влияния, благодаря своей образности и пленительности. Образ захватывает, впечатляет, впечатывается в сознание и начинает диктовать действия человеку, желающему счастья. Образ счастья в качестве установки определяет выбор личности в жизненных ситуациях.

Укажем на пример поразительной силы воздействия. Появление в мире книг Джеймса Хэрриота последствием своим имели повальное увлечение молодежи профессией ветеринара: тысячи юношей пошли в эту профессию после прочтения книг замечательного человека, который откровенно рисовал тяжелую жизнь сельского врача, но заманчиво раскрывал счастливые стороны такой жизни.

Я, спотыкаясь, брел по лугу. На меня навалилась свинцовая безнадежность. На небе сквозь рваные тучи проглядывал лунный диск... Бр-р! Ну и холодюга! Схваченная недавними морозами, земля была каменной, сухие стебли травы прижимались к ней под пронизывающим ветром...

Мои пальцы извлекли малыша и осторожно опустили на траву. Я полагал, что жизнь в нем успела угаснуть, но едва его тельце прикоснулось к ледяной земле, как ножки судорожно дернулись, почти тут же ребрышки у меня под ладонью приподнялись. На мгновение восторг, который всегда рождает во мне соприкосновение с новой жизнью, восторг, всегда неизменный, всегда горячий, заставил меня забыть о режущем ветре...

И тело, и мысли у меня окаменели, и я почти не помню, как добрался до дома... как прошел через длинный сад... Но когда я забрался под одеяло, Хелен не только не отстранилась, что было бы вполне естественно, а наоборот, крепко обняла ледяную глыбу, в которую превратился ее муж. Это было таким неопишмым блаженством, что ради него стоило претерпеть все страдания этой ночи.¹²

¹² Хэрриот Джеймс. Из воспоминаний сельского ветеринара. -- М., 1993, с. 219, 221

Цитируя строчки из этой книги, с трудом заставляешь себя останавливаться, говоря себе, что читатель уже прочел либо прочтет Хэрриота. И все-таки прерываешь текст с огромным сожалением: все прекрасно в этом описании, потому что эта книга – о счастье человека, максимально реализовавшего себя в предоставленной ему жизни.

Прочтем с учениками книгу Ричарда Баха «Чайка Джонатан Ливингстон», остановимся на строчках художественного образа героев, свободно избирающих свой стиль жизни:

*Большинство чаек не утруждает себя изучением чего-то большего, чем элементарные основы полета. Отлететь от берега на кормежку и вернуться – этого вполне достаточно. Ведь для большинства имеет значение не полет, но только лишь еда. Но для Чайки по имени Джонатан Ливингстон важен был полет. А еда – это так...*¹³

Художественный материал приобретает колоссальное значение, когда разрешается вопрос несчастья. Мы не смеем использовать конкретный факт несчастья конкретного человека для холодного анализа даже во имя того, чтобы найти философское решение. Искусство предоставляет такую возможность и иллюстрирует положение: ситуация несчастья человека тоже разрешима.

Величие человека состоит в умении поворачивать неудачи так, чтобы в них раскрывалась радость. Психологами открыт «эффект Поллианны» как терапевтический прием, имеющий парадигму «Какое счастье, что...».

Ознакомим детей с этим приемом, предложим прочитать (или прочтем вместе с ними) книгу американской писательницы Элинор Портер «Поллианна», написанную в 1912 году, читаемую до сих пор и любимую не одним поколением мира. (На одноименный спектакль московского Молодежного театра дети, побывав на спектакле однажды, приходят во второй-третий раз, обретая, вероятно, для себя лично что-то жизненно важное.)

Главная героиня повести называет психологический прием аутотренинга «игрой в радость»:

¹³ Бах Ричард. Чайка Джонатан Ливингстон. Иллюзии. -- «София», 2003, с.11-12.

– Это началось, когда нам среди пожертвований достались костыли.

– Костыли?

– Да. Мне тогда ужасно хотелось куклу, вот папа и попросил женщину, которая собирала пожертвования. А та леди ответила, что кукол никто не пожертвовал, поэтому вместо куклы посылает маленькие костыли. Она писала, что они тоже могут пригодиться.

– Что же это за игра, просто глупость какая-то.

– Да вы не поняли. Наша игра и в том и заключалась, чтобы радоваться, несмотря на то, что радоваться вроде бы нечему. Надо радоваться, что костыли мне и не нужны!¹⁴

Человеческая жизнь имеет тенденцию выравнивать баланс приятных и неприятных переживаний. Эта особенность психологической организации человека делает его состояние устойчивым и дает возможность адекватно оценивать события. Динамичность и подвижность жизни предполагает встречу с событиями разного рода. Но если человек не готов к счастью или к его обратной стороне – несчастью, он может даже сойти с ума или уйти из жизни

Ведь счастье и несчастье возникают в одинаковых психологических условиях, только вектор направленности разный. Эмоции, сопровождающие проживание, сигнализируют и предвосхищают событие.

– Цветок к вечеру все равно завянет, –

– Но вы как раз должны быть рады, что цветы вянут, – воскликнула Поллианна. – Ведь это так чудесно, когда в вазе каждый день появляются новые цветы...

–...Вы ведь сломали только одну ногу! Теперь вы можете радоваться, что не сломали обе, входя в раж, – продолжала Поллианна.

– Ну, разумеется, я и сам удивляюсь, до чего мне повезло, – ядовито усмехнувшись, отозвался больной. –...Еще больше мне следует радоваться, что я не сороконожка и не сломал пятьдесят ног...

–...Я теперь даже рада, что все это время не могла ходить, потому что, если бы я все время могла ходить, я никогда не поняла бы,

¹⁴ Портер Э. Поллианна. – М., 2000, с. 40-41.

*как рада, что у меня снова здоровые ноги... Завтра я собираюсь пройти уже восемь шагов...*¹⁵

Конечно, утверждать решающее влияние образа счастья, представленного в художественном произведении, на реальную действительную жизнь наших воспитанников, невозможно. Установка, сложившаяся в сознании как следствие жизненного опыта, проявляет себя не прямо и не сразу. Однако проследить такое влияние удастся, хотя и следует о нем говорить осторожно, ибо мы не ведаем, что предстоит пережить в будущем нашим воспитанникам. Приведем высказывания детей как отклик на общение с искусством:

- Я обязательно посажу цветы – как же без красоты жить?!*
- Работа должна доставлять радость, я буду думать, кем мне стать...*
- Хочу, чтобы были дети, собака, и – жена красивая, в чистом платье...*
- Я буду жить не так, как вы, взрослые, я буду бороться с ложью, а вы ее терпите...*
- Хочу стать знаменитым не для денег. А так, как Николай Басков – чтоб счастье доставлять многим людям... Тысячам людей...*

Персоналии великих

Сторонники феликсологического воспитания как будто забывают о том, что дети часто не слушаются, не выполняют, шалят, обманывают, дерутся, лгут и грубят, сорят и разрушают... Невероятна такая забывчивость. Но, если учитывается особенность детства, то каково, в таком случае, среди воспитательных методик место наказания? Кажется, что оно испаряется, аннулируется, ликвидируется за ненадобностью.

Однако предварительно сделав оговорку, что воспитание всегда предполагает вхождение ребенка в контекст культуры, а значит, освоение, усвоение и присвоение культурных ценностей, требующих от ребенка постоянного усилия, невозможно не при-

¹⁵ Там же. -- с. 103, 189, 380.

знать, что именно эта суровая необходимость вынуждает маленького ребенка, не справляющегося с трудностью овладения культурными достижениями, иногда увиливать, частенько не слушаться, порой плакать, изредка лгать и нередко на взрослых сердиться. В свою очередь, такие реакции вынуждают взрослых, не знающих, как справиться с нарушениями элементарных норм человеческого взаимодействия, прибегать к наказаниям.

При всем при этом, мы хорошо знаем, как нарушается душевное равновесие даже от мелкого замечания в наш адрес, как меркнет свет и тускнеют краски жизни при возложенном наказании, как больно любое негативное отношение окружающих людей к нашей личности.

Данное педагогическое противоречие разрешимо. Вот теперь обратимся к факту из персоналии великого немецкого философа 18-го века Иммануила Канта и увидим наглядно, как может помочь педагогу персоналия отдельной личности.

*«Особенно строг он был ко всякому обману. Сплошь и рядом освобождал малоимущих студентов от уплаты гонорара за свои лекции. Однажды студент, не имевший средств, из ложного стыда не заявил об этом Канту, но, наоборот, сказал, что, наверное, внесет такого-то числа. Срок прошел, а деньги не были внесены; наконец, студент сознался, что никогда и не рассчитывал уплатить. Кант сурово упрекнул студента, хотя и разрешил ему продолжать посещение лекций. Некоторое время спустя тот же студент просил Канта назначить его в числе оппонентов на одном докторском диспуте. Кант отказал: «Ведь вы и на этот раз можете оказаться неаккуратным, – пояснил Кант. – Что если вы не явитесь на диспут? Ведь тогда из-за вас все дело пропало!» ...Молодой человек впоследствии сам сознавался, что этот урок морали принес ему больше пользы в жизни, чем сотня лекций о моральном поведении».*¹⁶

Чтобы не разрушать счастья жизни ребенка возложенным наказанием, следует сохранить уважение к нему как человеку, проявить открытость и расположенность к общению с ним в минуты выражения отрицательной оценки в адрес его неблагоприятных дей-

¹⁶ Из книги «Жизнь замечательных людей». // Биографическая библиотека Ф.Павленкова. -- М., 2001, с.138.

ствий. Выразить отрицательное отношение не к личности, а к поступку – вот способ разрешить обнаруженное педагогическое противоречие.

В качестве подтверждения плодотворности найденного решения приведем пример школьника, страдающего от наказаний в школьной системе воспитания, и излечившегося от морального недуга в коллективе гуманистической ориентации.

Рассказывает Кирилл С., ученик 9 класса: «Я понял, что нельзя смеяться и унижать кого-либо. Я сам все это испытал на себе. Иногда хотелось все бросить. Даже страшные мысли приходили в голову. Но летом я отдыхал в лагере. И понял, что у меня тоже могут быть друзья. Я себя почувствовал человеком, теперь у меня все хорошо».

Ни в коем случае мы не хотим сказать, что человека следует всячески оберегать от неблагоприятных состояний. По мнению Н. Бердяева, «без боли и страдания в этом мире человек опустился бы, и животное в нем победило бы».¹⁷ Мы только говорим, что залогом сохранения способности быть счастливым является сохраненное уважение окружающих к человеку, а что касается ребенка, то – сохраненная любовь к нему, в которой он должен быть постоянно уверен.

Таким образом, *общая картина феликсологического воспитания* разворачивается, предстает перед нами в виде совокупности следующих профессиональных элементов деятельности педагога:

- неуклонное расширение ценностного кругозора жизни;
- собственное счастливое проживание жизни педагогом, умеющим ярко выразить свое отношение к протекающим явлениям;
- организация интересной деятельности, успешного результата и пленительного оформления процесса деятельности для ребенка;
- приучение ребенка к преодолению трудностей и исполнению обязанностей, жизненно необходимых;

¹⁷ Бердяев Н. О назначении человека. -- М., 1993, с.293.

- раскрытие значимости происходящих событий жизни с точки зрения ценности жизни каждого человека;
- предъявление прекрасных сторон многоплановой и противоречивой жизни;
- выявление и определение вечных проблем жизни, в том числе проблемы смысла жизни в контексте протекающих событий и конкретных фактов;
- поддержание благоприятного психологического климата и положительного внутреннего состояния каждого школьника;
- размышления о счастье и феликсологический анализ протекающей реальной действительности;
- укрепление гуманистического отношения к людям и гуманистической заботы о ходе жизни на земле и в отечестве;
- проецирование собственного счастья и осознание собственной жизни с точки зрения желаемого счастья;
- признание каждого ребенка как уважаемого человека, как данности и индивидуальности, имеющей право на неповторимость и оригинальность;
- педагогическая поддержка ребенка в его попытке самостоятельно разрешать личные проблемы его детской жизни.

Бесспорно, перечисленное является уже сегодня предметом профессионального освоения и реального воплощения в ряде школ. Поэтому немало педагогов скажет, что «все это делается». Однако здесь важна стратегия профессиональных действий, задающая движение к цели. Здесь важно, чтобы основным объектом изучения, размышления, оценки, анализа и проецирования стала *«жизнь»*.

До тех пор, пока в школе основным предметом заботы является «успеваемость» ребенка, но не жизнь ребенка, все многочисленные акции и усилия педагогов не могут содействовать счастью жизни ребенка.

Предложим читателю последнюю зарисовку школьного воспитания:¹⁸

Последний урок выпускников школы. Игра «Волшебный стул». Поочередно на «волшебный стул, который высвечивает достоинства

¹⁸ Из опыта работы Обуховой Ирины Александровны, педагога школы №4 г. Москвы.

того, кто сел на этот стул», присаживаются юные дамы и господа одиннадцатого класса... Они слышат оглашаемые их достоинства, они проживают общественную оценку... Два часа продолжается этико-психологическое действие в напряженной тишине, при тончайших эмоциональных переживаниях. Слезы девушек и опущенные глаза юношей. Момент счастья.

«ШКОЛА СЧАСТЛИВЫХ» :
мечта – модель – реальность .

Школа счастливых – это школа, в которой дети и педагоги проживают счастье жизни и где в процессе проживания счастья дети обретают способность быть счастливыми в этой жизни.

Пронесем же мысленно от мечтательных расплывчатых картин к обобщенному, выкристаллизовавшемуся образу процесса, а далее -- к условиям реального воплощения идеи школы счастливых. Не забудем: идея преобразования школы в школу счастливых несколько не нова. Она занимала умы немалого количества педагогов, как знаменитых, так и оставшихся не отмеченными историей педагогики.

1. Сначала – мечта. Картины внутреннего зрения наплывают друг на друга: красивые комнаты и широкие блистающие чистотой коридоры, а вдоль стен -- цветы... и музыка, истекающая из скрытого технического устройства, и платья, нарядные, чистые, свободные, и манеры изящные детей, а прыгают они по лестницам почти неслышно, как будто летят... И веселый переливчатый смех... Самое красивое место – библиотека. Очень тихое место – фонотека. Самое яркое – столовая. Есть и зеленый сад... И уголок друзей природы. И даже – кот по имени Чародей...

Однако мелькание обрывается, расплываясь на светлом фоне. И – выступает детское лицо. Образ прекрасного человека. Мы уже знаем, что счастье – то, что внутри нас, поэтому никого не прельщают внешние атрибуты приятностей, довольства, роскоши, ибо догадываемся, что за красивым обустройством жизни может скрываться полное отсутствие счастья. Поэтому *человеческое лицо* всех жителей школьного дома выступит первым показателем феликсологического воспитания в этом доме. Оно красиво, потому что...

- открытое к восприятию всего происходящего;
- доброжелательное к другому человеку;
- глаза светятся разумом и движением мысли;
- лицо как будто светится изнутри...

Счастливые дети всегда выглядят нарядными, потому что приукрашиваются девочки, их нарядность скрашивает и утишает

некоторую небрежность и безразличие к одежде представителей мужской части. Поэтому картина цветиста, ярка, празднична...

Мелодика этой школы по-моцартовски светла. Живые ритмы и всплески радостных проживаний особых моментов текущей действительности. Возникающие и распадающиеся группы детей, все время занятых каким-то делом, увлекательным делом. На урок бегут с радостью. Горячо принимаются за уборку классной комнаты. С жаром репетируют сценическое представление. И весело отправляются в столовую на школьный завтрак.

Разнообразие дел...То стучат молотки, то звенит мяч в поле, поет скрипка, журчит пылесос, строчит костюмы для спектакля швейная машинка, а то замещает эти звуки напряженная тишина раздумий, которая вдруг взрывается хоровой песней и танцевальным ритмическим топаньем ног.

И еще – праздники. Их должно быть немного, но они не могут быть редкими, потому что дети обожают праздники, а всякое созидание приносит радость и воспринимается детьми как праздник. Много успехов, и множество успешных детей...

Но – стоп!

2. Мечтания всегда произрастают на почве поверхностных показателей, поэтому они неконструктивны и непродуктивны. Если хочешь преобразовать мечту в цель, надо выстраивать рабочую модель деятельности по достижению цели. Для такой конструкции недостаточно внешних показателей, в фундамент следует закладывать сущностные признаки явления. Попробуем сделать это, понимая, конечно, условность и относительную недостижимость идеальной модели. Не позволим себе забывать, что педагог лишь содействует формированию способности к счастью, но не формирует прямым порядком счастья. Вот что он производит при феликсологической стратегии.

Главное – *расславляет педагогические акценты*. В контексте нашего рассмотрения, педагогический *акцент*¹ – это таким образом инструментированное явление, когда перед детьми в своей ясности предстает главная значимость чего-либо для человеческой жизни и личностный смысл этого явления для собственной персональной жизни. Педагог, не занимаясь специально «выраба-

¹ Акцент – (от лат. accentus «ударение») – смысловое или интонационное ударение для выделения сути, главного.

тиванием» феликсологической способности, инициирует духовную работу детей по оценке значимости момента жизни. Парадигма тут самая простая: «Хорошо, что...», или «Жаль, потому что...», или «Как чудесно то, что...». Даже страшно подумать, что может произойти, если вдруг кто-то в школе начнет специально заниматься «воспитанием счастья» и внесет в план воспитательной работы соответствующий параграф.

Вероятно, кажется, что мы впадаем в противоречие, отвергая «воспитание счастливого» в книге, посвященной вопросу «как воспитывать счастливого».

Феликсологическая способность – итог воспитания, результат и продукт воспитания, следствие всей предыдущей жизни ребенка, проживать которую помогает педагог.

Но моделирование профессиональных действий педагога все-таки следует произвести, чтобы легко сохранять ориентацию профессионального сознания на сущностно необходимое в работе с детьми.

Основополагающий элемент – постоянное, безостановочное расширение *круга взаимодействия* с окружающей реальностью, благодаря разнообразной и новой для детей деятельности. Чем шире мир ребенка, тем больше шансов у него проживать активно жизнь.

Человеку необходимо испробовать себя во всех видах и формах деятельности, чтобы познать, каков он и в каком деянии наиболее успешен, а значит, что послужит основанием его активного взаимодействия с миром, что именно воздвигнет для него счастье творчества и счастье преобразования.

Педагог, составляющий план воспитательной работы на учебный год, уже заботится о счастье детей, направляя свой замысел на веер видов деятельности: познавательную, трудовую, художественную, спортивно-игровую, общение, ценностно-ориентировочную, а также на деятельность по обеспечению своего существования – то, что можно обозначить как жизнедеятельность (Каган М.С.). При этом инструментуя значимость каждого вида деятельности и каждого отдельного усилия. Нет «плохой» деятельности, есть негативное, возвращенное взрослыми отношение к деятельности.

Исходить при этом следует из достижений человечества и широчайшего круга занятий, интересов, работы, увлечений человека на нашей планете. Несомненно, это трудно, потому что педагог ограничен собственным индивидуальным кругом. Но, во-первых, кто сказал, что профессия педагога легкая?! А, во-вторых, говоря о школе, мы имеем в виду педагогический коллектив, но все не одиночную фигуру учителя.

Центральный элемент – эмоциональное проживание детьми ценностных отношений в каждый отдельный момент организованной разнообразной деятельности. Палитра эмоций должна быть богатой: радость, гнев, нежность, досада, злость, любовь, веселье, волнение, страх, отчаяние, задумчивость, удивление, интерес... – все это педагогически значимо и жизненно важно для ребенка. Надо вызывать эмоциональный отклик, допускать свободу выражения эмоций, научая детей уважению и деликатности в адрес человеческих эмоций и приучая к культуре реагирования на «плачущего», «радующегося», «сердитого», «озлобленного» и, конечно же, «счастливого».

Это профессионально обязует современного педагога хорошо владеть педагогической техникой и педагогической технологией, которые обеспечивают реальность эмоционального влияния и позволяют педагогу быть свободным в проявлении собственных чувств, создавая «зону эмоционального заражения».

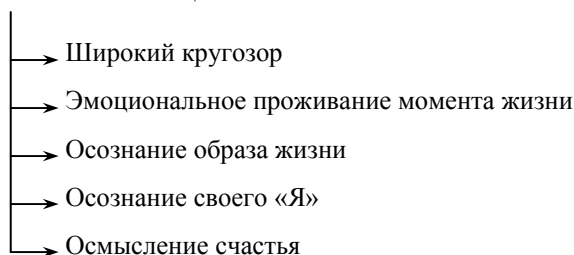
Связующий элемент – культивирование интереса к другому человеку и тонких нравственных взаимоотношений «человек – человек», которые повседневно проявляются и выражаются в самых достойных и уважительных формах. Такое же отношение требует к себе ребенок, которого научают и причащают к уважению Другого.

Жизнь мыслится в связке с Другими, и она теряет смысл, а значит, счастье, как только разрушаются отношения с людьми. И обратное влияние: чем выше взаимоотношения с людьми, тем выше потенциальные возможности многочисленных агентов счастья вызвать у человека состояние удовлетворенности жизнью. «Вочеловечивание» объектов окружающего мира как обнаружение «человека» там, где на поверхности восприятия видится лишь предмет, определяет связь всех явлений жизни, разворачивающихся перед сознанием и в сознании ребенка.

Завершающий элемент – анализ и *оценка* момента жизни и проживания определенного состояния в данный момент, рефлексивно-аккордный этап в деятельности детей, организуемый системой вопросов обобщающего плана. Педагог инициирует осмысление происшедшего и направляет внимание детей за личностную значимость произведенного ими и на потенциальную роль ситуации в их дальнейшем существовании на земле. Счастье пугливо, и быстро улетучивается, когда до него дотрагиваются грубыми способами. Рефлексию и обмен мнениями надо проводить осторожно и тонко, чтобы в момент рационального осмысления пережитых чувств не убить эмоциональной памяти.

Подводя итоги выделенного, сведем до минимума модель педагогического содействия развитию феликсологической способности. Вот как она могла бы выглядеть, если бы мы хотели подчеркнуть, что только все выделенные элементы через признание ценности людей приобретают педагогический смысл в становлении способности человека быть счастливым:

ЧЕЛОВЕК КАК ЦЕННОСТЬ

Схематическая картинка отразила основные методологические положения современной теории воспитания:

- то, что воспитание имеет своим предназначением максимальное содействие счастью детей;
- то, что лишь через взаимодействие с реальной действительностью в практической деятельности формируется счастливый человек;
- то, что человек как субъект является строителем собственной судьбы по образу жизни, сложившемуся в его сознании;

- то, что содержанием жизни выступают социальные отношения к миру и жизни;
- наконец, то, что сам человек есть носитель автономного духовного мира, уникального и неповторимого, определяемого понятием индивидуальности.

Здесь неважна хронологическая последовательность обозначенных процессов для каждого отдельного ребенка, зато чрезвычайно важно присутствие всех содержательных элементов, обеспечивающих феликсологические условия. Хотя нельзя не согласиться, что каждый из выделенных и указанных элементов сам по себе в ходе его воплощения в реальной школьной жизни достаточно сложен и являет собою отдельную частную проблему.

3. Теперь об условиях реализации представленной модели. Вычленим одно условие – наиважнейшее, исходное и решающее.

Наивно полагать, будто достаточно следовать рекомендациям, инструкциям, что можно заимствовать чужой опыт, переписывая сценарии и выучивая тексты выступлений. Всякая новая методика базируется на адекватном этой методике личностном качестве педагога-профессионала. Тот педагог сразу проигрывает, кто думает, что, оставаясь прежним и ничего не изменяя в своей личностной структуре, способен начать работать с детьми по-новому. Инновационной деятельности предшествуют личностные новообразования педагога: приобретаются феликсологические знания, поднимается уровень мышления, накапливается жизненный и профессиональный опыт, развиваются отношения к людям вообще, к детям, самому себе и к своей профессиональной работе.

Секрет успеха не во множестве изобретенных методик (хотя их необходимо продумывать, придумывать и опробовать не раз) и не в фантастической изобретательности увлекательной формы (хитроумная форма отвлекает внимание и отвлекает от сущности дела) – секрет скрыт в *умении педагога быть счастливым человеком*.

Это главное условие воплощения идеи феликсологического воспитания детей. Тому множество психологических оправданий:

- дети, сами по своей природе счастливые люди, любят работать со счастливыми людьми;
- психологический климат в группе, где находится хотя бы один счастливый, мягче и благоприятнее, потому и дети в группе такого

климата более расположены к добрым отношениям и серьезной работе;

- человек в счастливом расположении всегда великодушен, а значит, может простить ребенку его непослушание, необъяснимые капризы, неумения, неопытность, непонимание и «сопротивление воспитанию»;

- непосредственное общение со счастливым человеком непосредственно передает ребенку на вооружение множество жизненно важных умений, помогающих извлекать радость и удовольствие от любого взаимодействия с объектами окружающего мира;

- счастливый человек всегда красив, а дети любят красоту, и, вырастая в общении с красотой, они «присваивают» эту ценность и готовы к созиданию красоты в своей жизни;

- счастливый человек все делает с охотой и азартом, прилагая максимум усилий и добиваясь хороших результатов, что, в свою очередь, приносит ему новое проживание нового состояния – счастья на уровень выше. (Это последнее мы произносим с особым чувством, зная, что до сих пор встречаются «педагоги строгих правил», утверждающие, что ребенок должен быть послушным, а школьник должен хорошо учиться, ну, а счастье – это что-то, мешающее «успеваемости»).

Важным оказывается для нас понимание счастья не только как удовлетворенность жизнью в сиюмоментном остром осознании и проживании, но и в его «затушеванном» варианте, располагающем где-то на периферии сознания до определенного времени. Поэтому «счастливый педагог» ни в коем случае не постоянно восторженный или сентиментальный человек, никак не неистребимый весельчак, ни в коем случае не хохочущий шутник или остряк. Он и серьезен, и грустен, и весел, и в гневе. Лишь одно важно: он бодр, энергичен, уверен в значимости дела, работу свою выстраивает чисто и честно, доводя до возможного предела высокое качество совершаемого. Тогда говорят: «Он любит работу». А другие говорят: «Он детей любит». А кто-то возражает: «Да просто он счастливый человек».

Бесспорно, педагог, обладающий чертами счастливого человека, проще овладеет профессиональным умением «быть счастливым» на глазах у детей и в работе с детьми. Тот же, кто таких черт лишен, может обрести их в процессе профессионального тре-

нинга. Проиллюстрируем на некоторых профессиональных операциях, проведение которых в течение весьма короткого периода даст положительный эффект. Вот эти технологические операции феликсологического импульса:

➤ **«Инструментовка значимости планируемого дела».** Педагог, отправляясь на занятия, говорит себе несколько раз: «То, что мне предстоит делать вместе с детьми, – очень важное дело, а результат этого дела будет иметь большое влияние на развитие детей...»

➤ **«Инструментовка ценности предстоящего общения».** Педагог обращается к себе и убеждает себя: «Они все такие разные, и очень интересно, как отнесутся к нашему делу и как поведут себя в ситуации... Индивидуальна каждая личность...»

➤ **«Инструментовка новизны».** В этом случае педагог направляет внимание на содержание или методику, выделяет для себя нечто новое в планируемом деле: «Попробуем сегодня по-другому... Получится ли хорошо? Любопытно, легко ли таким образом построить занятия?...»

➤ **«Инструментовка личностного роста».** Здесь педагог смотрит на себя со стороны и убедительно приказывает себе: «Иди и пробуй! Ты должен научиться это делать! Пора владеть всей палитрой профессиональных умений!» Ты засиделся на одном и том же рубеже...»

➤ **«Инструментовка собственной исключительной роли».** Когда педагог подумает о том, что он может научить детей тому, чего они не умеют, ему легко сказать себе: «Без меня их никто не научит, без меня они останутся на всю жизнь без знаний о... и умений...».

Даже скептики, лениво и недоверчиво участвуя в таком профессиональном тренинге, с удивлением замечают через некоторое время повышенное эмоциональное состояние и прилив физических и духовных сил перед встречей с детьми.

Таким образом, мы очертили характеристики общего педагогического пути к «школе счастливых». Оказалось, что счастье человека в школе, с одной стороны, сложное и трудно достижимое явление, нуждающееся в педагогическом искусстве, а с другой стороны, это просто, легко и радостно – содействовать формиро-

ванию у подрастающего человека наиважнейшей способности – быть счастливым в этой жизни на этой земле.

В качестве иллюстрации, которая бы подтверждала существование практического опыта школы по решению вопросов феликсологического воспитания, мы предлагаем материал, отражающий содержание такого опыта.

Нам приятно сделать это, потому что мы знакомы с этой удивительной школой, видели детей в работе, на учебных занятиях, слышали их голоса, любовались лицами этих школьников, видели их на балу и на пришкольном участке, на дискурсии за Круглым столом, на сцене в театральном спектакле и после уроков во время веселого приятельского общения посреди цветов и красивых кипарисов.

О ПРАКТИЧЕСКОМ ОПЫТЕ

Формируя жизненный опыт школьника, мы стараемся так организовать деятельность детей, чтобы дети проживали состояние счастья, осознавали счастливые моменты своей жизни, а осознавая свое счастье, учились быть счастливыми.

Быть или стать счастливым одному невозможно. Мы постоянно взаимодействуем с другими людьми. От умения выстроить взаимоотношения с Другими зависит счастье каждого. Поэтому так важно сформировать опыт ценностного отношения к Другому как необходимое условие счастья каждого. Это включает в себя: интерес к Человеку, сочувствие к Человеку в событиях и делах, соучастие в его судьбе и жизненном пути, осознание себя как Человека и субъекта собственной жизни.

В системе нашего воспитания идея Человека является центральной. И введенные гуманитарные курсы, такие, как «Этикет», «Этика», «Эстетика», ориентирующие детей на ценность гуманных отношений между людьми, и эстетические курсы, такие, как «Мировая художественная культура», «Народное прикладное художественное творчество», содействуют тому, чтобы сознание школьника всегда было направлено на осмысление наивысших ценностей жизни: человека, родины, природы, добра, истины, красоты и способов активного утверждения достойной жизни, таких, как труд, познание, общение, игра.

При формировании данного опыта большое значение имеет учет особенностей возраста, обращение к ведущим видам деятельности и система ценностных мотиваций организуемой деятельности.

Педагог начальных классов² реализует интересную программу «Я в мир удивительный этот пришел». В программу вошли следующие темы для обсуждения: «Доброта, милосердие, сострадание»; «Краски мира»; «Уроки творчества»; «Земля – наш общий дом»; «Братья наши меньшие» и другие.

¹ Материал представлен Галиной Григорьевной Филипповой, директором гимназии «Эврика», г. Анапы.

² Морозова Надежда Егоровна, педагог гимназии «Эврика», г. Анапы.

Дети такие занятия называют уроком, но формы занятий самые разные: сочинение, размышления, диалог «от 3-го лица», «недописанные фразы», «осмысление изречений, загадок, пословиц, поговорок». Последнее они любят особенно: им близко устное народное творчество, у них богатая фантазия, они любят порассуждать о далеких героях, о скрытом смысле жизненного значения.

В этот период запоминается все легко и надолго, переживание оставляет глубокий след в жизни ребенка. Важно при этом предоставлять возможность научиться выражать свои мысли, подбирать удачные слова, оценивать и описывать свое состояние, отмечать услышанное и пережитое.

Однажды мы провели во втором классе игру «Лукошко» (педагог предложила детям собрать определения счастья и несчастья).

В лукошке наших второклашек оказалось, что счастье – это любить и быть любимым, здоровье и радость, улыбка, ум, дом, еда, смех каждый день, золотые руки, «когда нет войны». Красивая и серьезная палитра убеждала, что и с детьми восьми-девяти лет можно и нужно обсуждать состояние счастья человека. Тем самым мы вводим в проживаемое состояние удовольствия или радости элемент рациональный, содействуя в будущем становлению способности оценивать состояние.

Предложили детям написать сочинение «Что называют счастьем?». Приведем два фрагмента из данных работ, которые делают честь ученикам второго класса.

Из работы Маргарян Наринэ:

«Когда я улыбаюсь, тогда радость обхватывает меня, счастье вселяется в меня. Я люблю, когда вся семья со мной дружит и весь класс, и вся школа, тогда я сияю огромной улыбкой, тогда во мне таеу доброго смеха»...

А вот совсем удивительное сочинение-экспромт:

«Что такое счастье? Это когда все в порядке:

Учащиеся в школе, а в папке – тетрадки.

Это когда улыбнется прохожий,

На маму и папу совсем не похожий.

Это когда все добры вокруг,

Бабушка и дедушка, семейный круг.

*Много понятий – коротких и длинных,
Всех перечесть не могу я сейчас.
Поговорим еще в следующий раз».*

Юный поэт захотел остаться безымянным, испугавшись, вероятно, своей финальной свободной шутке.

На разговор о счастье выводит школьника литература как учебный предмет. Вот, скажем, третьеклассники³ читают сказку В. Катаева «Цветик-семицветик». При чтении педагог интонационно подчеркивает разные эмоциональные реакции героини, чьи желания исполняются. Дети легко замечают, что осуществление «мечты» не всегда приносит радость, особенно, если мечта недостойная: избежать наказания, прихвастнуть... Но, когда Женя оторвала последний лепесток и исполнилось ее последнее желание, она испытала истинное счастье потому, что совершила очень важный шаг в своей жизни – помогла другому. И вновь педагог обращает внимание на то, как девочка произносила свое желание: «пропела, дрожащим от счастья голосом».

После неоднократного «попутного» осмысления вопроса счастья в процессе чтения с детьми литературных произведений педагог предлагает в конце учебного года, проведя заключительное занятие, написать свое мнение о том, что же делает человека счастливым. Педагог просит детей вспомнить «счастливых» среди персонажей прочитанных книг и выразить свое мнение, помня свои собственные переживания счастья.

Вот что написал Тихонов Роман:

Счастье – это когда ты вместе со своими родными. Счастье можно почувствовать. Счастье – это когда тебя понимают окружающие. Если у тебя горе и ты не можешь его избежать, и вдруг тебе помогут его пережить. Счастье – это яркие воспоминания о твоих хороших поступках и обо всем хорошем, что произошло. Счастье – это когда в твоей семье все благополучно, это хорошая и теплая погода. Счастье, когда у тебя много хороших друзей, на которых можно положиться, доверить свои тайны. Праздник и подарки, о которых ты мечтал – тоже счастье.... Счастье – когда тебя окружает только хорошее.

³ Ведет урок Каверзина Елена Константиновна, педагог гимназии «Эврика», г. Анапы.

А это звучит голос девочки Хачатурян Вероники⁴:

Счастье, что есть в мире моя мама – нежная и ласковая. Счастье – когда папа сидит у камина и читает нам книгу. Счастье – когда солнышко греет нам в окошко и поет песни о весне. Счастье – это когда ты помог бабушке перейти через дорогу или собраться на работу. Счастье – это моя дружная, веселая семья, которую я очень сильно люблю. Счастье, когда наступила весна и зайчик прыгает по полю. А еще счастье, когда ты получил «пять» и мама тебя за это похвалила. Счастье – когда дедушка вышел из больницы и поправился.

И вновь говорит мальчик, Шереметинский Дмитрий:

Я думаю, что счастье – это лето, когда ты ходишь на море, катаешься на катерах и яхтах! Или это осень – много разных листьев, как разноцветный ковер. Зима с хлопьями снега, сугробами, с катанием на лыжах и санках, Новым годом и Рождеством. Весна, первые почки на деревьях, зеленая травка, зеленые листья, и солнце, и работа в огороде. И опять начинается лето...

А теперь – девочка. Капралова Анна:

Счастье, когда ты спишь и рядом с тобой мостится твой котенок, и ты не прогоняешь его прочь, для него это счастье и радость. Раз счастлив котенок, человек может быть счастлив от того, что приносит счастье другим...

Высказывания детей поражают своей зрелостью и индивидуализированностью. Мини-сочинение они писали самостоятельно в классе, что исключало любую помощь со стороны взрослых.

Не станем обольщаться, полагая, что авторы этих лучезарных изречений идеальны. Человек слаб, ребенок – тем более. Но высказанное представление о счастье – залог плодотворного развития личности детей, залог их достойного становления.

Некоторые педагоги⁵ формируют представление о счастье, обратясь к образу жизни и деятельности выдающихся людей, привлекая к работе с детьми материалы персоналий тех людей, кото-

⁴ Вероника Хачатурян, Тихонов Сергей – ученики гимназии «Эврика», г. Анапы.

⁵ Например, Казакова Ольга Эдуардовна, педагог гимназии «Эврика», г. Анапы.

рые смогли подняться в своих достижениях на уровень выше обычного.

Были ли эти люди счастливы? Или свое счастье они видели в служении другим людям? Их поведение в критических ситуациях, в положении выбора при решении сложнейших жизненных ситуаций дает богатый материал для глубоких философских раздумий. На основании персоналий школьники видят, что человек есть кузнец собственного счастья и что образ счастья крайне индивидуален и разнообразен по форме, так что подражания великому исключены для кого-либо.

Мы ставим задачу -- оснащать учащихся умением быть счастливыми в повседневной жизни. Вместе с ребятами и родителями создаем уютную, комфортную обстановку в школьных помещениях, на нашем школьном дворе. Основной идеей всегда остается – «Человек»: человек не может жить в грязи, человек всегда выстраивает красоту вокруг себя, человек привносит добро в жизнь окружающих, человек всегда осмысливает то, что он совершает, человек никогда не опускается до уровня зверя и скота... **«Вочеловечивая» окружающий мир**, дети чувствуют удовлетворение от своего труда, учебы в гимназии, благодарят учителей за счастье учиться в нашей гимназии.

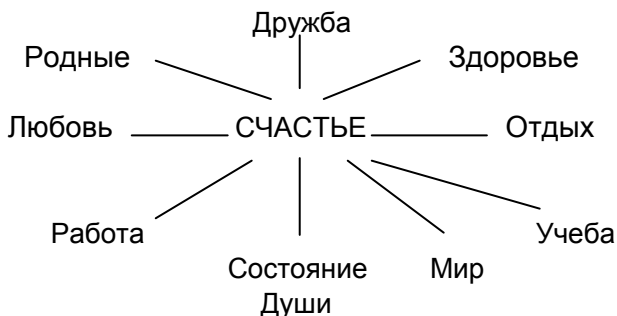
В гимназии всего одна техническая работница, и все работы по уходу за помещением, зелеными насаждениями выполняются детьми. Вкладывая свой труд в создание уюта в гимназии, дети учатся радоваться чистоте, распускающимся на деревьях листочкам, цветущим розам, пушистым елочкам и разноцветным клумбам. Они учатся создавать среду, достойную человека, приобретают опыт работы с Другим, оказывать ему помощь, опыт сопереживания, опыт милосердия.

Так как в проживании счастья ключевым является проживание своих отношений с людьми, то классные воспитатели и преподаватели этики направляют свою работу на формирование этического опыта общения.

Вот, например, классный час «Что значит быть счастливым?»⁶, на котором ребята задумались о том, какое место в проживании счастья занимают другие люди.

⁶ Организовала и провела Журавлева Светлана Александровна, педагог гимназии «Эврика», г.Анапы.

На доске, по мере обсуждения, родилось решение в виде «солнышка»:

Как видно, «друзья» поставлены на первое и центральное место. Для отрочества и ранней юности ценность дружбы имеет приоритет.

Но, хотя схематическим рисунком все довольны, педагог просит всех участников не торопиться с окончательным выбором и вспомнить высказывание любимой героини романа «Унесенные ветром»: «Об этом я подумаю завтра».

«Ведь завтра мы посмотрим на все с другой точки зрения», – поясняет свое предостережение педагог.

Мы учим детей диалектическому трактованию счастья, которое предполагает, что в содержании счастья уже заложено несчастье. Мы говорим:

«Попробуем потренироваться. Создадим позитивную окрашенность следующим обстоятельствам жизни:

- Жара длится уже целые две недели. Как это хорошо, потому что...
- Огромную кипу книг мне надо перечитать к докладу. Это просто замечательно, потому что...
- Как долго еще до следующего праздника. Это прямо везенье для нас, потому что...
- Нет технического работника, и так тяжело мыть полы в коридоре. Но мы понимаем, какая это удача для нас, потому что...

Мы любим с детьми вспоминать слова Роберта Стивенсона, который считал, что привычка быть счастливым позволяет челове-

ку в значительной степени освободиться от господства внешних обстоятельств.

В старших классах, когда подводятся итоги нашего рассмотрения всех вопросов, связанных с проблемой счастья, удивляться приходится педагогам. Наши дети высказывают удивительные суждения и оценки совместных духовных усилий:

– Самым важным оказалось открытие, что я счастливый человек.

– Мне очень понравилось, счастье многогранно, однозначного определения не дашь.

– Я понял, что на любое обстоятельство можно посмотреть с разных точек зрения.

– Я поняла, что я очень счастлива!

– Мы учимся и общаемся – вот оно счастье.

Оказывается, мы все счастливы, просто до сегодняшнего дня не подозревали об этом. Счастье, ведь оно очень большое.

В процессе обсуждения данной проблемы многие пришли к выводу, что они, оказывается, счастливы, хотя раньше так и не думали.

Многие сделали для себя открытие, что это очень сложно -- выразить свое «Я». Не всегда удается понять, что именно вызывает чувство и к чему именно ты выражаешь отношение.

Особое внимание мы уделяем опыту ощущения счастья жизни посредством внедрения школьных поведенческих традиций. Ежегодно гимназия празднует День Признаний. Ребята с нетерпением ждут этого праздника: пишут добрые пожелания друг другу, учителям, школе, целым классам. Утром можно увидеть на дверях прикрепленные плакаты со словами признания.

Однажды педагоги Елена Анатольевна Коротких и Римма Мартиросовна Алексаньянц⁷ вместе со своими воспитанниками приготовили более 500 «сердечек» с добрыми пожеланиями, чтобы каждый, входящий в гимназию, получил такое «сердечко».

Ощущение счастья, как эстафета, передается и другим, и через некоторое время уже маленький человек из младших классов самостоятельно вырезает «сердечко» и пишет добрые признания маме, папе, учительнице, своим друзьям.

⁷ Коротких Елена Анатольевна, Алексаньянц Римма Мартиросовна, педагоги гимназии «Эврика», г. Анапы.

Совсем недавно мы ввели в жизнь нашей школы традиционные Новогодние балы. К ним готовимся целый месяц. Составляется программа бала, шьются костюмы, проводятся занятия по изучению танцев и освоению этикета бала.

Трудно сказать, когда острее проживается счастье: во время ли ожидания бала и подготовительной деятельности к нему либо во время самого бала, когда нарядные, радостные, веселые и трепетные вступают дети парами в зал, заполненный музыкой. После бала еще долго проживается счастливое воспоминание.

Формируя образ счастливого человека, необходимо учитывать жизненный опыт школьника, с которым он пришел в школу. Этот опыт накоплен у него в процессе познания окружающего мира, общения с людьми. Его нельзя недооценивать, он играет важную роль, определяя характер отношений к ценностям, к самому понятию «счастье», и задача педагога побудить ребенка задуматься о счастливой жизни, ведь каждый желает жить счастливо, но не каждый может жить счастливо, не все умеют создать себе счастливую жизнь.

Методика размышления-сочинения достаточно широко распространена в практике школьного воспитания. Ее поверхностная, иллюзорная легкость привлекает многих педагогов, они предлагают детям написать сочинение по проблеме счастья, никак не подготовив их умы и души к тонкой духовной деятельности. Поэтому данная методика часто профанируется, опошляется, превращаясь неизбежно в пустые демагогические упражнения для молодого человека, которому предлагается на уровне житейско-обыденном выстраивать случайные мысли по поводу некоего случайного, расплывчатого представления счастья.

Размышление-сочинение опирается на предварительные – пусть самые общие и лаконичные по форме – определения и содержательные значения понятия «счастье». Отправной точкой может служить хотя бы словарная дефиниция (Словарь по этике), задающая уровень осмысления, не позволяющая опускаться на примитивное сведение «счастья» к «удовольствию». Размышление о счастье лучше всего предлагать в контексте раздумий о жизни, так чтобы «счастье» неизбежно выступало как условие жизни, элемент жизни, или цель жизни, или момент жизни.

Возрастные ограничения не должны быть жесткими, ибо в любом случае уровень размышления зависит от меры духовного развития личности школьника.

Мы изучали характеристики представлений старших учеников нашей гимназии о счастье, предполагая, что система феликсологической работы имеет достаточно показательные результаты. Юношеству девятого класса был предложен недописанный тезис «Чтобы быть счастливым, ...». Исследование проводилось в школе, устранялось внешнее постороннее влияние, каждый ученик имел возможность остаться наедине с собою, так что взаимное влияние тоже исключалось.

Отразим выявленную картину представления о счастье, проведя математический обсчет разных суждений.

- Счастье – это ставить цели и достигать поставленной цели (21%)
- Счастье – это делать других счастливыми, приносить добро (19%)
 - Счастье – это осознавать себя и свое место в мире (10%)
 - Счастье – это любить человека и быть любимым (10%)
 - Счастье – это трудиться, созидая, и учиться, познавая (8%)
 - Счастье – это хорошие отношения людей и с людьми (24%)
 - Счастье – это иметь ум и уметь разрешать проблемы жизни (5%)

Высокий уровень представления о счастье, конечно, имеет предпосылкой своей высокое общее развитие школьников нашей гимназии. Некоторые ответы носили явно философический характер, например: «Счастье – это жить, дышать и любить». Афористическая форма выдает общую мыслительную способность достаточно высокого уровня. Что касается содержания суждений, то явно преобладание разновидностей счастья высших уровней: юность предпочитает высокие ступени счастья. Заметим, такое закономерно для юношеского периода.

Столь же закономерным является то, что школьники старших классов становятся красивыми, добрыми, умными, и малыши с почтением на них глядят – на таких счастливых людей нашей земли.

ТРИ ФРАЗЫ В ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Педагог-профессионал, как любой специалист, жаждет узнать, проверить, испытать на прочность продукт своего профессионального труда. Хотелось бы знать и об особом конкретном итоге феликсологического направления в воспитательной работе. Итог проявит себя не скоро – придется проследить судьбу выпускников школы. Но показатели (о которых мы говорили) фиксируются достаточно скоро.

А решительно судить о положительной результативности профессиональных усилий педагогов в феликсологическом воспитании, то есть сознательном, целенаправленном систематическом формировании у детей способности проживать удовлетворенность жизнью на земле, позволяют три ключевые фразы, высказываемые детьми в разных возрастных группах.

Так как их мнения выявляются спонтанно, импульсивно, без анализа и желания кого-то удивить, а также без публичного суда и педагогического контроля, то они служат достоверными показателями действительного проживания детьми счастья. Надо лишь не спугнуть всплеска острого проживания и эмоциональной оценки, которую произвольно вдруг выражает школьник.

Безусловно, сияющие глаза, легкость и свобода движений, радостные интонации, готовность к действиям, добрая расположенность ко всему, что его окружает, а также успешность деятельности – все это сообщит педагогу о многом. Но, пока ребенок как субъект не выразил своего отношения к моменту проживания собственной жизни или проживания своего существования на земле, то есть пока нет подтверждения, что эмоциональное состояние осознается субъектом, мы не говорим о счастье. Мы можем лишь избрать одно из понятий позитивного веера благоприятных состояний и фиксировать общее, вполне положительное состояние ребенка на данный момент его жизни, не имея права констатировать истинное счастье.

Что же мы должны услышать, чтобы иметь право говорить о детях как счастливых людях и, следовательно, о школе, которая правомочна заявлять о своей гуманистической и феликсологической ориентации?

Первое – *«Как хорошо – жить на свете!»* (*«Какое счастье – жить!»*).

Это будет означать, что нам удалось расширить пространство духовного мира школьника, и дети наши стали способны проживать взаимодействие с окружающим миром в его значимости для личности, и за предметной действительностью реальности видят больше того, что представляет ограниченная материя, и их жизнь наполнилась содержанием. Фраза эта звучит как рефрен школьного произведения из одиннадцати строф: по окончании учебного года – каждый год. Но иногда ее произносят и в порыве переполнения души чувствами, в особые минуты огромного удовлетворения ходом жизни.

Второе – *«Какое счастье – учиться в нашей школе!»* (*«Учиться – так интересно!»*).

Это становится свидетельством того, что у детей развит интерес к познавательной деятельности, а иногда – ко всей системе школьной жизни, состоящей из разнообразной деятельности, содержание которой им нравится, и что постижение жизни в ходе бегущих школьных лет раскрывает перед ними огромные возможности свободно взаимодействовать с жизнью и избирательно строить свой вариант проживания жизни, опираясь на объективные закономерности, постигаемые ими в школьном образовательном процессе и освещающие путь к конструированию собственной судьбы. Это будет служить и подтверждением сформированной привычки проживать интеллектуально насыщенную жизнь, осмысление которой гарантируется достаточно высоко развитым сознанием. По сути, фраза эта имеет такой подтекст: *«Какое счастье – постигать жизнь, которая, чем более ее изучаешь, кажется все более интересной»*.

Третье – *«Какое это счастье – быть Человеком!»*

Услышав от школьников (старшеклассников, конечно, которые являют собою прекрасную пору юности – пору выдвижения проблем жизни и мировоззренческих философических раздумий) такое суждение, можно позволить себе педагогическую уверенность в достойном исходе жизни, проживаемой нашим воспитанником. Ощущение человеческого достоинства предотвращает низкий уровень жизнедеятельности, приостанавливает невольное падение вниз, провоцируемое окружающей повседневностью перестро-

ежного периода общества, наполняет силами сопротивления некоторым разлагающим влияниям общества низкой культуры.

Само же прочувствование Человека в себе есть уже счастье, ибо смысл жизни именно в том и состоит, чтобы в любую минуту самой тяжелой, самой невыносимой, самой безнадежной жизни оставаться человеком. Воплощаемый в действительной школьной жизни (для ребенка она так же, как и для взрослого, полна проблем, взлетов и падений), этот смысл придает детям силы в движении вверх. И он же, этот обретаемый детьми смысл жизни, преобразует школу: из заведения, которое передавало научные знания, она становится домом счастливого проживания достойной человека жизни.

Методические рекомендации

ПЕРВЫЕ ПРОСТЫЕ МЕТОДИКИ ДЛЯ ПЕДАГОГА, ИЗБРАВШЕГО ФЕЛИКСОЛОГИЧЕСКУЮ ПОЗИЦИЮ

1. Рассмотрим вместе с детьми ряд повседневных жизненных явлений, выявляя в них положительную сторону для хода всей жизни, одновременно с этим фиксируя и нежелательность происходящего:

- Собрались в поход, но тут пошел дождь...
- В классе на доске нарисована веселая рожица...
- В школу неожиданно забежала собака, и все столпились вокруг нее...
- Завтра в школе генеральная уборка...
- На подоконнике в горшке расцвел цветок...
- Получили много «двоек» за контрольную работу...
- Появился в классе (в школе) новый ученик...
- Выпускники пригласили сфотографироваться на память...
- Объявили карантин по гриппу...

По окончании выслушаем суждения детей о двоякости жизненных событий и явлений – амбивалентности мира.

2. Предложим послушать музыкальное произведение. Затем попросим сообщить о тех чувствах, которые проживались слушателями во время звучания музыки. А далее: было ли что-то похожее на дуновение крыльев этой неуловимой птицы счастья...? Можно ли согласиться с древними греками, заметившими (Аристотель), что искусство производит очищающее влияние на душу человека? Они называли это явление словом «катарсис». Отметим ли мы что-то подобное катарсису в момент прослушивания музыки?

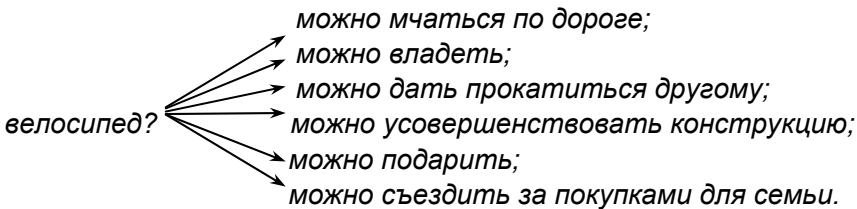
3. Предложим соорудить каждому «цветок счастья», состоящий из 5 лепестков, и написать на них, что же нужно ему для того, чтобы быть счастливым. Затем оторвать один лепесток, обозначающий вполне реальную потребность, и определить, что же нужно делать «здесь и сейчас», чтобы необходи-

мое для счастья приближалось, создаваемое собственными усилиями.

4. Проведем анкету под названием «Облик нашего счастья». Пусть в ней будет немного вопросов. Например: «Я бываю счастлив, когда...», «Чтобы человек был счастлив, надо, чтобы...», «Если хочешь стать счастливым, конечно, необходимо...» и т.д. Затем обсчитаем полученный материал. Лучше, если такой обсчет проведет психолог, организатор или какое-то третье лицо так, чтобы анонимность анкет сохранялась обязательно.

Вычертим диаграмму или в таблице отразим результаты. Через некоторое время обсудим полученный «облик счастья».

5. Проведем с детьми занятия, раскрывающие перед ними разновидности счастья, которые предоставляет нам один и тот же предмет (агент) действительности. Например, предложим рассмотреть такой предмет, как «велосипед». Очертим разнообразия действий с этим предметом:

Выясним, кому и что больше нравится. Потом решим, приносит ли велосипед счастье сам по себе, своим наличием, или же становится агентом счастья в контексте жизнедеятельности человека, располагаясь в душе этого человека.

6. Возьмем Программу воспитания школьника, подчеркнем ключевые задачи воспитания на каждый возрастной период. Затем, спланируем групповые дела так, чтобы предполагалось проживание детьми в течение года всех разновидностей счастья: «счастья бытия», «счастья бытования», «счастья общения», «счастья созидания», «счастья преобразования». Это сделать нетрудно, помня, что любой объект мира может стать агентом счастья.

7. Пронаблюдаем за невербальными показателями счастья людей

- в транспорте,
- в магазине,
- в учительской,
- на уроке,
- на празднике,
- на родительском собрании.

Что мы заметим на улице утром? Днем? После рабочего дня? Вечером?

8. Спросим у детей, какое обращение к ним доставляет им удовольствие.

Напишем эти формы обращения на листах и вывесим для обозрения. Потом проследим и обсудим, что из предпочитаемых форм вошло в практику общения между нами.

9. Подберем диапозитивы, репродукции, фотографии, рисунки, видеоматериалы с портретами представителей разных эпох. Предложим детям по внешним признакам определить, какое состояние проживают эти люди. А далее: можно ли судить о счастье этих людей? Каковы признаки счастливой жизни?

10. Выявим круг желаний и склонностей наших воспитанников, предложив опросник «Чего мне для счастья нужно?». Поставим вопрос таким образом: «Если тебе нужно – делай» или «Если мы знаем, что именно нам нужно, давайте примемся за дело». На основе этого наметим ряд групповых дел, которые способствовали бы удовлетворению заявленных желаний. Сохраним эти записи. Через полгода (год) вернемся к ним: удалось ли приблизить желаемое? – спросим у детей.

11. В одну колонку выпишем ключевые виды деятельности, характерные для наших воспитанников, а в другую – еще не «освоенные». Какие групповые дела следует организовать, чтобы расширить деятельностное пространство детей, а значит, обогатить мир потребностей?

12. Вспомним «Сказку о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина (посмотрим мультфильм, поставим скетч-спектакль). Поговорим, почему старуха из сказки не была счастлива, когда приобретала все то, чего ее душа хотела?

13. Начиная какое-либо дело с детьми, используем фразы: «Это интересно, ну давайте же!», «Попробуем вместе это...», «Я бы посоветовал тебе», «Мне кажется, ты это можешь (это получится)».

Заметим, сколько детей откликнется на наш призыв.

14. Предложим детям:

- пойти в театр,
- выпустить стенгазету,
- убрать школьный двор,
- пересадить цветы,
- записаться в какой-либо кружок,
- пойти к малышам,
- покататься с горки,
- послушать музыку... и т.п.

Далее проследим, какой процент из всех согласившихся приняться за доброе дело, приступит и станет участвовать в реализации идеи до завершения задуманного. Представим детям для раздумья о себе и своем счастье эти строгие цифры.

15. В контексте дискуссии о взаимоотношениях между людьми предложим детям рассмотреть два портрета: «Портрет М.Н. Ермоловой» кисти художника В. Серова и «Портрет П.А. Стрепетовой» кисти художника Н. Ярошенко. Как бы мимоходом спросим, которая из актрис выглядит счастливой. Этот разговор должен снять легковесное представление о счастье как постоянном бездумном веселье и нескончаемом смехе.

16. Предложим детям написать (сообщить) об одном своем счастливом дне. Попросим их нарисовать то, что можно изобразить, как часть этого счастливого дня. Если замысел удастся, можно устроить вернисаж «День счастья». Хорошо сохранить этот материал для родительского собрания.

17. Прочитайте детям следующие предложения:

- Человек стал под душ.
- Девушка купила новое платье.
- Две соседки болтают у подъезда.
- Ребенок мчится на велосипеде.
- Артистка за кулисами дрожит от страха.
- Дворник подметает улицу и поет.
- Отдыхающие загорают на пляже.

- Спортсмен установил рекорд и рыдает.

- Мальчик вымыл пол.

Спросите у детей, кто, по их мнению, в этот момент проживает состояние счастья.

18. Будем учить детей вслушиваться в речь Другого человека. Предложим стихи А.С. Пушкина:

Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю,
И в разъяренном океане
Средь грозных волн и бурной тьмы,
И в аравийском урагане,
И в дуновении чумы.
Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья –
Бессмертья, может быть, залог.
И счастлив тот, кто средь волненья
Их обретать и ведать мог.

Может быть, нашим ученикам удастся открыть мысль поэта: о каком счастье ведется речь?

18. Назовем нашу беседу с детьми «За гранью счастья». Обсудим с детьми вопрос: «Что является гранью (роковой чертой), которую человек не должен переступить в своем стремлении к счастью?»

19. Предложим детям прочитать (дадим им определенный срок) повесть Р.Брэдбери «Вино из одуванчиков». Попросим подготовить для прочтения товарищам на классном часе те фрагменты повести, где очевидно счастливое состояние героя. Затем обсудим признаки и показатели счастья, которое проживает человек.

20. Приготовим карточки с выписанными на них афоризмами о счастье. Эти афористические высказывания можно найти в самых разных сборниках («Крылатые мысли», «Латинские изречения», «Мудрые мысли» и прочее). Раздадим для минутного осмысления. Затем поочередно выслушаем каждого: как он понимает метафорическое выражение? и как он воспринимает толкование счастья в данном афоризме?

21. Станем изредка вводить такое пожелание детям в момент прощания с ними: «Счастливого вам дня!», или «Много счастливых минут вам в каникулы!», или же «Счастливых переживаний вам во время мытья посуды и уборки квартиры!». Проследим за их реакцией, это откроет новый поворот в осмыслении счастья.

22. Во время какой-то работы (учебной, трудовой, художественной...) позволим себе приостановить ход занятий и спросим детей: «Кто-нибудь сейчас испытывает чувство счастья, оттого что он дело делает важное?». Если кто-то откликнется, поблагодарим, но не похвалим. Если молчание станет ответом, поделимся с ними собственным состоянием счастья.

23. Введем незаметно в контекст совместной деятельности с детьми речевое клише «Нас ожидает счастье преодоления». Проследим за состоянием детей, когда мы это говорим. Как реагируют? Как приступают к работе? Кто не оживился? Кто усмехнулся?...

24. Принесем корзинку. Назовем ее «Жажущие счастья». Положим в нее наши записки о том, чего не хватает для счастья. Записки анонимные. Лучше просить читать третье лицо, например, приглашенного психолога. Спросим: «Что сделали мы, чтобы это желаемое счастье приблизить?»

25. При возникновении ситуации, когда кто-то грубо нас обижает, скажем великодушно: «Обижают людей обычно в состоянии несчастливом. У человека проблемы...». Далее при подобных ситуациях будем лишь ставить вопрос: «Есть проблемы?». И объявим табу на «право обижать».

ЛИТЕРАТУРА

1. Амонашвили Ш.А. Размышление о гуманной педагогике. -- М., 1996.
2. Амосов Н.М. Книга о счастье и несчастье. -- М., 1984.
3. Аргайл М. Психология счастья. -- М., 1990.
4. Бах Р. Чайка Джонатан Ливингстон. Иллюзии. -- «София», 2003.
5. Бердяев Н.А. О назначении человека. -- М., 1993.
6. Брэдбери Р. О скитаньях вечных и о Земле. -- М., 1988.
7. Глассер У. Школа без неудачников. -- М., 1991.
8. Дробницкий О.Г. Мир оживших предметов. Проблема ценностей и марксистская философия. -- М., 1967.
9. Дубко Е.Л., Титов В.А. Идеал, справедливость, счастье. -- М., 1989.
10. Жуховицкий Л. Счастливыми не рождаются. -- М., 1983.
11. Кейтс К., Голас Т. Программы счастья и несчастья, или Как заставить свою жизнь работать. -- Минск., 1998.
12. Кудрявая Н.В. Лев Толстой о смысле жизни. -- М., 1993.
13. Нешев К. Этика счастья. -- М., 1982.
14. Попов Б.И. Взаимосвязь категорий счастья и смысла жизни. -- М., 1986.
15. Роллан Р. Жизнь великих людей. -- М., 1993.
16. Россек Б. Дневник наркоманки. -- М., 1990.
17. Саелиан Р. Как стать счастливым. -- М., 1997.
18. Франкл В. Человек в поисках смысла. -- М., 1990.
19. Фромм Э. Иметь или быть? -- М., 1990.
20. Хвостов В.М. Этика человеческого достоинства. -- М., 1998.
21. Шепель В.М. Ортобиотика: слагаемые оптимизма. -- М., 1996.
22. Щуркова Н.Е. Новое воспитание. -- М., 2000.
23. Теун Марез. Ох уж это счастье. -- «София», 2002.